ПИОНЕР

ЯНВАРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1955 год

1

КАРАНДАШ

Ван Ин-мин,
ученик 2-го класса
начальной школы города Пекина.

Карандаш мой, карандаш!
В школе я учиться начал,
Друга нет тебя дороже.
Помнишь, стол тобой я пачкал,
Рисовал на стенах рожи,
Я игрушки красил с пылом,
В рот засовывал порой...

В памяти всё это всплыло
И почувствовал, что был я
Виноват перед тобой.

Карандаш мой, карандаш!
Друга нет тебя дороже,
О делах забыть не дашь
И вперёд идти поможешь!

Мне напомнив о проказах,
Быть внимательным научишь;
Напишу красиво фразу,
А другую — вдвое лучше.

Перевёл **Ю. Попков.**

Рисунок В. Константинова.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

В этом номере

На обложке:
Рисунок Т. Ерёминой
«Решающая минута».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Имя Ленина

Не раз случалось мне бывать в школах и по просьбе пионеров рассказывать о том, что я повидал на своем долгом веку.

Ребята внимательно слушают, задают вопросы, а потом уж начинаю спрашивать я.

— Ну, а как вы живёте, внучатки? Что хорошего поделываете?

В ответ ребята рассказывают мне о своих делах. Юные техники показывают свои хитрые самоделки, юннаты тащат ежей и черепах, радиолюбители ведут на школьный узел, который сами оборудовали. Каждой школе, каждому отряду есть чем гордиться. Посмотришь, послушаешь, и тепло становится на сердце.

И вот многие уже разошлись, и возле меня остаётся только небольшой тесный кружок. Это те, кто подружился со мной с первых же слов. Начинается самая интересная для меня часть беседы — разговор по душам. И в этом откровенном разговоре подчас узнаёшь, что не всё в дружине так гладко, как кажется с первого взгляда. Есть, оказывается, ребята, которые учатся с ленцой, есть и плохие товарищи. От пионерских дел они отмахиваются: дескать, оставьте меня в покое, я сам по себе. Такой пионер и в общем деле не помощник и друга в беде не выручит или выручит так, как не нужно: подсказкой и укрывательством. В школе он не в меру озорничает, а то и просто хулиганит; дома не то что не пособит матери, а ещё и нагрубит ей.

И ходит такой мальчик или девочка в красном галстуке и называет себя пионером — членом организации, которая носит имя Владимира Ильича Ленина.

Горько бывает слышать о таких пионерах, ребята!

Вот мне и захотелось рассказать вам, пионерам, читателям журнала, что значит имя Ленина для нас, старых членов партии, старых рабочих.

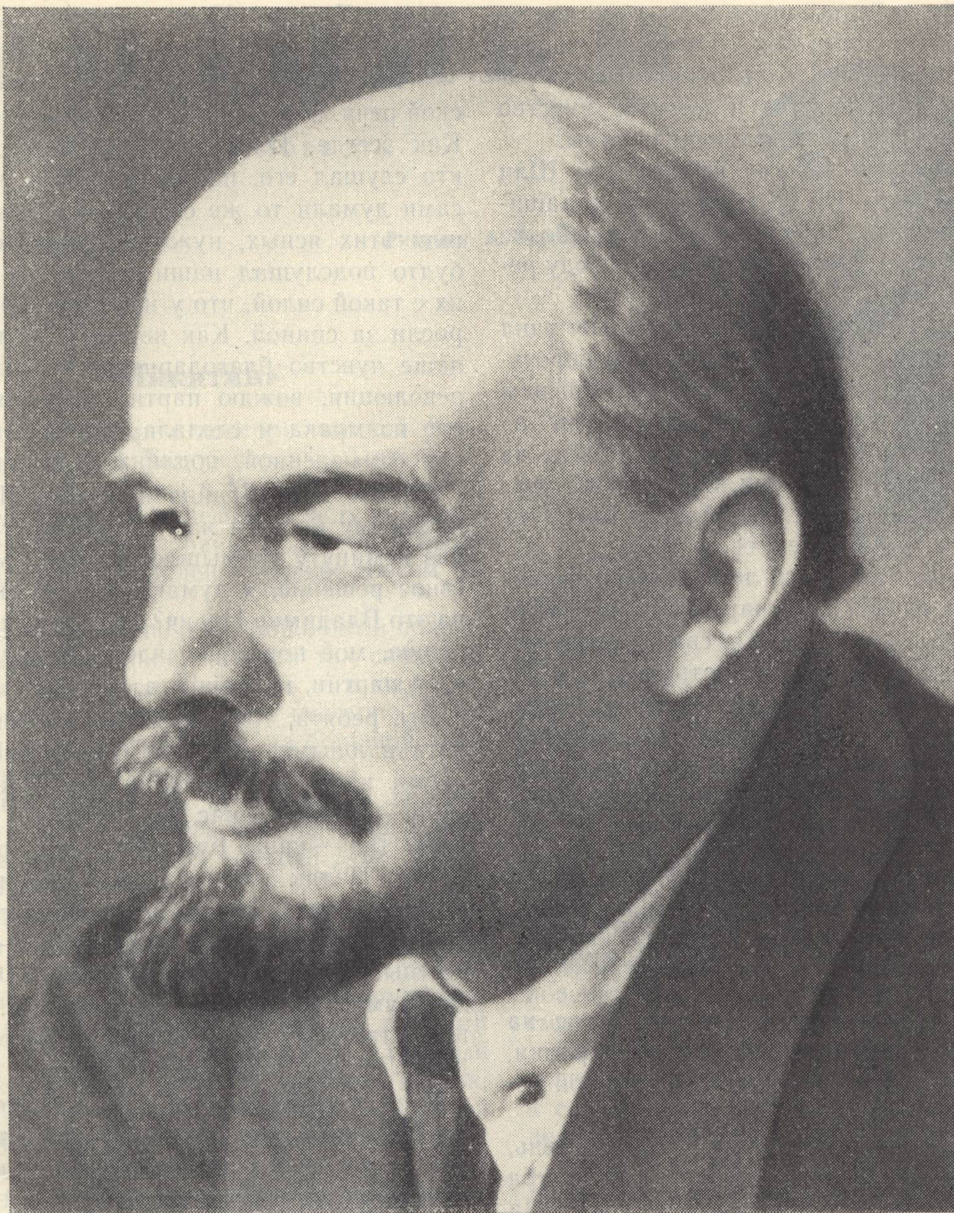
Впервые я услышал о Ленине, когда был немногим старше вас. Было это больше чем полстолетия назад. Москва в те годы не походила на теперешнюю: улочки по большей части кривые, узкие, множество деревянных домов, и над всем этим церковные купола. Но мне, тринадцатилетнему крестьянскому пареньку из глухих мест, и тогдашняя Москва показалась громадной. Привезли меня сюда родные, оставили, и я совсем растерялся: что делать, куда идти работать? Надо вам сказать, что я любил книжки, хотя читать приходилось редко. Очень хотелось мне пойти работать в типографию, где книжки печатаются, да не вышло ничего из этого. Ученики в типографию тогда не требовались, денег, чтобы мастера подкупить, у меня не было. И пришлось мне пойти в деревообделочную мастерскую «в учение».

Когда вам, ребята, говорят слово «учение», вы, должно быть, представляете себе что-то вроде школы или ремесленного училища, где людей с любовью обучают тонкостям ремесла да ещё и общим предметам. Но наше учение мало на это походило! Учили нас больше бранью и зуботычинами. О таком ученичестве хорошо рассказано у Горького и у Чехова. Не учение было, а сплошное мучение.

Но в то время на заводах и в мастерских уже повеяло свежим ветром, пошли между рабочими смелые разговоры о том, что больше так жить нельзя, что надо бороться против хозяев. Появились революционеры и у нас в мастерской. От них-то я и услышал впервые имя Ленина. «Ленин — вот кто знает, что делать трудящемуся человеку»,— говорили рабочие между собой.

В мастерскую стали попадать листовки, тоненькие бумажки с неясно отпечатанными буквами. Шрифт был бледный, а слова яркие, они глубоко западали в сердце. Прячась от начальства, оберегая друг друга, читали мы о том, что мы, рабочие, сами можем завоевать своё счастье, надо только храбро и дружно бороться за это. От этих слов точно раскрывались глаза.

И вот мы, молодые ребята, кто посмелей, стали помогать революционерам. Мы разносили листовки по другим мастерским, расклеивали их на улицах. Бывало, принесёшь пачку таких листков, положишь их незамет-

Владимир Ильич Ленин.

но где-нибудь под верстаком, а на душе и страшно и радостно. Страшно потому, что знаешь: за такое по голове не погладят. А радостно от мысли, что служишь большому делу революции.

В 1904 году я и мои ближайшие товарищи вступили в партию большевиков. К тому времени на питерских заводах, да и у нас в Москве, становилось всё беспокойнее, рабочие всё чаще бастовали и вступали в столкновения с начальством и полицией. В январе 1905 года до Москвы донеслась страшная весть о том, что царские войска в Петербурге расстреляли безоружных людей... Чаша народного гнева переполнилась, началась революция.

Возможно, вы, ребята, читали о московском вооружённом восстании, о боях на Пресне. Нашу Пресню недаром называют Красной. Здесь в декабре 1905 года мы

строили баррикады, здесь шли в то время самые ожесточённые бои... Нам, участникам событий, на долгие годы запомнились радость открытой борьбы и могучее чувство рабочей сплочённости, единения, силы.

Потом начались тяжкие, глухие годы. Шли аресты, высылки. Но не тюрьма нас страшила: страшно было то, что некоторые рабочие могли потерять веру в себя, веру в победу революции.

В эту трудную пору Владимир Ильич учил нас, коммунистов, не сдаваться, учил бороться с самодержавием. Как маяк, светили нам ленинские слова: «...Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее...»

Прошло не так много лет, сбылись ленинские слова. В 1917 году народ взял штурмом «неприятельскую крепость», свалил самодержавие. Нелегко было одержать победу в октябрьских боях, еще труднее отстоять разрушенную войной страну от иностранных капиталистов и белогвардейцев. Но мы одерживали верх в неравных сражениях, потому что с нами была ленинская правда.

В 1918 году мне довелось услышать самого Владимира Ильича. Я слышал его речи на конференциях и съездах. Не раз приезжал он к нам на «Трёхгорку»: он был депутатом от нас в Моссовете.

В последний раз он выступал у нас на фабрике 6 ноября 1921 года, на собрании, посвящённом 4-й годовщине Октябрьской революции.

Был пасмурный, пронзительно сырой день, погода стояла совсем непраздничная. Клуба на «Трёхгорке» в то время ещё не было. На месте теперешнего Театра имени Ленина находилась рабочая столовая, как её у нас называли, «большая кухня». В тот день она была набита до отказа. Люди сидели на подоконниках, толпились в проходах, все ждали Ленина. И вот приехал Владимир Ильич...

Конечно, я не помню теперь всей ленинской речи. В памяти остался общий её смысл. Как всегда, Ильич говорил просто, и нам, кто слушал его, подчас казалось, что мы и сами думали то же самое, да только не нашли этих ясных, нужных слов. Ленин как будто подслушал наши мысли, но выразил их с такой силой, что у нас точно крылья выросли за спиной. Как передать вам, ребята, наше чувство благодарности к нему, гению революции, вождю партии, которая вывела нас из мрака и сделала жизнь каждого из нас осмысленной, подлинно человеческой...

В 1924 году Ленина не стало. Но он попрежнему остался живым для нас. Каждый раз в минуту размышлений, принимая серьёзное решение, я думаю: «А что сказал бы на это Владимир Ильич? Достойно ли моё решение, моё поведение члена Коммунистической партии, коммуниста, ленинца?»

Вы, ребята, тоже называетесь ленинцами, хотя и юными. Лет вам ещё немного... Но время наше серьёзное, а вам очень много дано,— значит, с вас надо много и спрашивать. Вы — наше будущее, наша растущая смена. И так хочется нам, старым людям, чтобы из вас выросли настоящие граждане социалистического государства — смелые, честные, образованные, добрые и чуткие с друзьями и непримиримые к врагам, подлинные строители коммунизма, продолжатели дела Ленина, дела нашей партии.

И вы можете стать такими и станете такими. Нужно только постоянно помнить о том, что на вас надет красный галстук и что вы принадлежите к огромной, дружной пионерской семье, которая носит имя великого Ленина.

В. ЕМЕЛЬЯНОВ,
старый коммунист,
участник революционных боёв
на Красной Пресне.

РОДНИКИ

ПОВЕСТЬ

Нина Емельянова

Рисунки А. Кокорина.

«Микитин»

Мой отец служил в конторе ткацкой фабрики Никитина в Замоскворечье. Пятьдесят лет тому назад улицы в Москве были вымощены булыжником, и весной между камнями прорастала зелёная трава. Езда тогда была небольшая, автомобилей в Москве совсем не было.

Широкие дворы почти сплошь были покрыты мелкой ромашкой, которая так сильно и приятно пахнет, если потереть её в пальцах. Этот запах, как только я его вспомню, переносит меня в детские годы, на большой двор Никитинской фабрики.

Зелёная травка на этом дворе, правда, росла только у забора, вся середина двора была вытоптана: здесь каждый день проходили сотни рабочих.

Каждое утро по нашему двору в пролётке с откинутым верхом подъезжал к фабрике человек, которого отец называл «хозяин». Толстый кучер натягивал вожжи и круто осаживал рыжую лошадь с тонкими резвыми ногами. Хозяин, медлительный, грузный человек, выходил, накреняя пролётку на бок, и исчезал в тёмном отверстии раскрытой двери. Над дверью была железная вывеска с надписью: «Контора».

Всё это я стала понимать гораздо позднее. А в то время мне было всего три года. У меня была подружка Дуняша, девочка с толстенькой короткой косичкой, дочь ткача. Дуняша была вдвое старше меня, она часто приходила к нам.

Каждый раз, как только со скрипом растворялись широкие ворота фабрики и показывалась знакомая, подтянутая на вожжах лошадиная голова и круто изогнутая шея с длинной золотистой гривой, Дуняша подбегала к окну и говорила всегда одно и то же:

— Вон Микитин приехал!

Однажды тёплой весной мы с ней играли на дворе, около ворот. Дворник Данила быстро пробежал мимо меня открывать ворота.

— Ой! Микитин приехал! — испугалась Дуняша.— Ты стой тут, а я побегу. Микитин — не дай бог с ним не поздороваться — заругает! — И убежала.

Пролётка остановилась у конторы. Лошадь жевала удила, влажные добрые губы её были приоткрыты, и по углам их висели клочья белой пены. Хозяин слез с пролётки и пошёл в дверь конторы.

Кучер отпустил вожжи, лошадь потянула голову вниз и переступила ногами. Одна передняя её нога была плотно забинтована до колена. Я подошла поближе, голова лошади повернулась в мою сторону; круглые глаза смотрели на меня кротко и задумчиво.

Несомненно, это был кто-то очень добрый, и его хотелось погладить. Я подошла почти к самой морде, очень большой. Лошадь повела на меня светящимся глазом.

Тогда я вспомнила наставления Дуняши, подошла ещё на шаг, на всякий случай поклонилась и сказала:

— Здравствуй, Микитин!

«Микитин» не заругался, может быть, потому, что с ним поздоровались, и посмотрел ещё добрей.

В это время сзади кто-то засмеялся, чьи-то руки подхватили меня подмышки и подняли высоко-высоко. Я обернулась и увидела очень близко весёлые голубые глаза отца и буйные его русые волосы надо лбом.

— Это разве Микитин? — сказал он, смеясь.— Микитин — это хозяин. И не Микитин, а Никитин. А это лошадка, хорошая, добрая...

Отец подошёл ближе к «Микитину», и я погладила его большую добрую морду.

Дедушка Никита Васильевич

Дуняша всё равно продолжала называть хозяина «Микитин», хотя теперь я уже хорошо знала, что надо говорить «Никитин».

Но вокруг меня были люди, которые называли хозяина так же, как Дуняша. Одного такого человека я очень любила. Это был «дедушка Никита Васильевич». Так его звала мама. А отец называл «дядя Никита». Сам он себя величал «Микита Васильевич».

Он был высокий, широкий в плечах, с большой русой бородой. В бороде его было уже много седины, а около носа на седоватых усах были жёлтые подпалины: дедушка Никита Васильевич нюхал табак.

На это бывало очень интересно смотреть. Он доставал из кармана маленькую чёрную табакерку с золотым цветочком наверху, щёлкал по ней сбоку пальцем и открывал крышку.

Потом двумя пальцами брал щепотку табаку и, наклонив голову набок, подносил табак сначала к одной ноздре и нюхал. Большой его красноватый нос морщился, и глаза прищуривались, он откидывал голову назад, лез в карман за платком и... чихал: «А-ап-чхи!»; развёртывал огромный красный, в клеточку платок, вытирал нос, бороду и глаза.

Потом закладывал ещё щепотку табаку в другую ноздрю. Дуняша говорила, что нос у Никиты Васильевича потому красный, что он выпивает, а я думала, что нос бывает красный, когда в него закладывают табак.

Дедушка Никита Васильевич всегда пил чай с блюдца, сахар откусывал крепкими желтоватыми зубами. Он брал меня к себе на колени, придерживая одной рукой, и говорил густым голосом, весёлыми, подобранными в рифму словами:

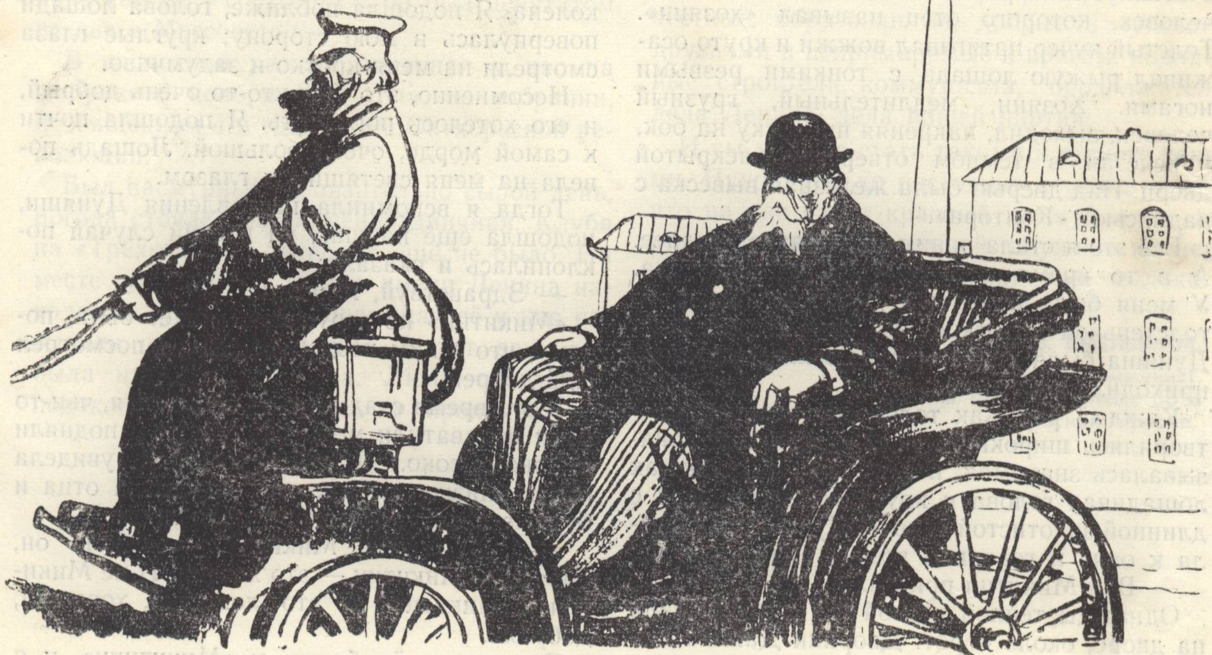
Скок-поскок, молодой дроздок,
По водичку пошёл, молодичку нашёл.
Молодиченька-невеличенька,
Сама с вершок,
Голова с горшок.

Рука у него была такая большая, что, когда он гладил меня по голове, рука сразу накрывала всю мою голову. Обыкновенно он приносил мне маковник или пряник, смотрел, как я ем, и приговаривал:

— Жуй, жуй бабками!..

Дедушка Никита Васильевич приходил к нам по воскресеньям. Он со своей женой и дочкой Варей жил на Пресне и всю неделю работал в бахромной мастерской на Садовой-Триумфальной. Теперь это площадь Маяковского, и здесь уже не найдёшь тех маленьких домиков, в которых работали тогда городские ремесленные люди.

Напротив фабрики Никитина, на углу ули-

Каждое утро в пролётке с откинутым верхом подъезжал к фабрике человек, которого отец называл «хозяин».

цы Щипок, всегда стоял продавец орехов. Тогда на улицах Москвы продавали орехи, яблоки, пряники с лотков. Лотки были длинные, деревянные. Продавцы носили их на голове, а чтобы лоток плотнее держался, подкладывали под него круглый, как баранка, свёрнутый жгутом платок.

Чуть-чуть придерживая лоток двумя пальцами, продавцы ходили по улицам и кричали:

— Пряники! Пряники! Кому надо пряники?

Вот такой продавец становился всегда на углу Щипка, снимал лоток с головы, ставил на раздвижную подставку и целый день покрикивал нараспев:

— Орехи грецкие, волошские! Кому орехов?

А иногда:

— Фисташки свежие! Кому фисташки? Горсть — восемь копеек. Две горстки — пятиалтынный!

Фисташки считались дорогими, «привозными» орехами, пятиалтынный — пятнадцать копеек — был в то время для рабочего человека хорошими деньгами. Продавали фисташки особенно: «на горсть». Горсть можно было взять как угодно, и каждый думал, что уж он-то захватит!

Дети фабричных рабочих всегда глазели на орехи, но покупали редко. Иногда в сопровождении десятка мальчишек прибегал красный от волнения счастливчик, зажав в кулаке несколько медяков, и шептал себе под нос:

— Дядя... орехов...

Белые фисташки горкой лежали на лотке, скорлупки их были раскрыты клювиками, и в них виднелись зелёно-розовые ядрышки. Высокий худощавый разносчик в косоворотке и потёртой фуражке, подпоясанный белым фартуком, весёлый и хитрый, опускал в карман монеты и говорил:

— Бери поболе, мне не жаль! Сколь заберёшь — всё твоё! Гляди-кась, какой орех! — И, улыбаясь во весь свой большой красный рот, разламывал пальцами скорлупку и кидал себе в рот розово-зелёное ядрышко.

Счастливчик засовывал поглубже в кучу орехов маленькую ручонку и, ухватив побольше, вытаскивал... Но в руке оставалась почему-то совсем маленькая кучка.

— Эх ты, не столь много вытянул,— соболезнующе говорил разносчик, глядя на готового заплакать покупателя.— Ну, другой раз поболе ухватишь!..

Раз в воскресенье, когда у нас был дедушка Никита Васильевич, дали и мне серебряный пятиалтынный на орехи. Я подбежала к разносчику, быстро отдала ему монетку и, примерившись, где горка орехов повыше, широко растопырила пальцы и начала забирать орехи в горсть. Несколько босых девчонок с фабричного двора в заплатанных платьишках окружили меня.

В самой гуще орехов я сжала руку как

Дедушка Никита Васильевич выпрямил ладонь, согнул её слегка, подвёл под низ ореховой насыпи и стал поднимать.

можно крепче и стала вытаскивать. Но чем крепче я сжимала, тем больше орехов выскальзывало у меня между пальцами. Я раскрыла ладонь: на ней лежала маленькая кучка.

Вероятно, я собиралась заплакать.

Через дорогу переходил к нам дедушка Никита Васильевич.

— Так! — сказал он разносчику.— Много же ты наживаешь, молодец!

— Что вы! — сказал разносчик, ухмыляясь.— Зато орехи-то каковы!

— Хороши, хороши, что и говорить. Ай, возьму-ка и я горсточку.

— Пожалте-с! — с готовностью поклонился разносчик.

— Вот тебе за две горсти сразу! — сказал дедушка Никита Васильевич и отдал деньги.

Фабричные, сидевшие у ворот, встали и подошли посмотреть.

Дедушка Никита Васильевич выпрямил огромную, как лопата, ладонь, прижал большой палец к ладони, согнул её слегка, подвёл под низ ореховой насыпи и стал поднимать. Высокая ровная горка орехов появилась на его широченной руке.

— Это человек со смекалкой,— сказал подошедший рабочий.

Все смеялись и хвалили дедушку. Девчонки визжали от восторга. Продавец сказал негодующе:

— Что же это-с? Какая же это горсть-с? С одного разу все орехи перетаскаете.

— Твои были правила, купец,— моя сноровка! Привык обижать малый народ! Нате, ребята! — Дедушка высыпал в подол девчонке всю горсть и велел разделить всем поровну.

— Ну, теперь другую! — сказал он.

— Уговор дороже денег,— скучно сказал разносчик.

Дедушка Никита Васильевич вытащил вторую горсть ещё искуснее: эта кучка орехов была шире и выше первой. Разносчик даже плюнул и махнул рукой.

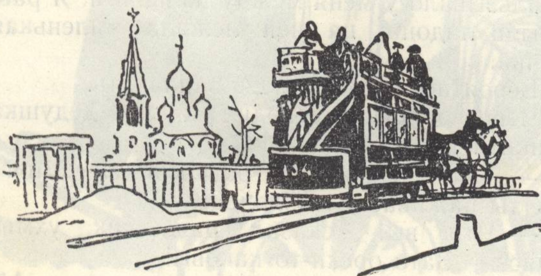
Дедушка отсыпал девчонкам ещё понемногу орехов, а остальные понёс в дом, сказав:

— Это я Грунечке!

Так он называл мою мать.

Жаворонки

Моя мать родилась двадцать второго марта, в день весеннего равноденствия. В булочных в этот день продавались испечённые из теста жаворонки, и дома говорили: «Сегодня жаворонки прилетели». Я думала, что это говорят не про настоящих жаворонков: куда же им прилетать зимой?

Вагон конки тянули лошади.

Дедушка Никита Васильевич пришёл раз в день маминого рождения и сказал, что мы пойдём с ним за город встречать весну. Меня тепло одели, завязали голову колючим шерстяным платком, и мы отправились.

Сначала мы сели на конку. Трамваев тогда ещё не было. Вагон конки тянули запряжённые в него лошади, вагон тихо катился по рельсам и поскрипывал на поворотах. Было утро, и с нами ехали женщины из деревни с корзинами на базар. Дедушка спросил одну из них:

— Ну как жаворонки? Прилетели?

— Как же, как же! — ответила женщина.— Поют!

Конка остановилась, и дедушка сказал, что дальше она не пойдёт. Мы вышли, повернули за угол дома, и перед нами открылось блестевшее на солнце белое поле. На снегу грядкой лежала потемневшая дорога.

Дедушка Никита Васильевич взял меня за руку и повёл к дороге прямо по снегу. Снег был мягкий, неглубокий. На нём позади нас оставались следы, большие, широкие, и маленькие, мелкие следочки. Дедушка, большой, в жёлтом полушубке, шёл, подняв голову, и глубоко дышал. Снизу мне были видны борода его и крупный нос с широким изгибом ноздрей, розовые широкие скулы и нависшие над глазами густые с сединой брови.

— Дыши, дыши носом! — говорит он мне.— Тяни воздух глубже.

Я тяну носом, и воздух, кажется мне, пахнет, как летом, травой и цветами.

По дороге легче идти: она плотная, бурая. Всюду торчат соломинки, валяются клочки сена. Солнце светит ярко. В вышине над снежным полем чисто и легко звенит голос маленькой птички.

— Дедушка, это кто поёт?

— Жаворонки прилетели, вот и поют,— отвечает дедушка.

— А почему они зимой прилетели?

— Они весну принесли. Теперь зиме конец! Теперь весна настанет.

— А как она настанет?

— День прибавится, вот как!

— А как он прибавится?

— От ночи займёт. Нынче равноденствие: день и ночь сегодня равны. А завтра день будет больше, а ночь укоротится. Солнце засветит жарче, снег растает, трава пойдёт.

— Весь снег завтра растает?

— Не весь сразу, а помаленьку. День-то прибавляется всего лишь на воробьиный скок.

— А какой это скок?

— Видела, как воробьи скачут? Сколько прыгнет — это и есть «скок». Так день за днём подойдёт весна, заиграют овражки, и придётся мне, видно, ещё раз до весны дожить.

— Почему ещё раз?

— А может, больше и не доживёшь. Жизни уж много миновалось. Видишь, борода седая.

— Ты, дедушка, поживи ещё.

— Это уж как придётся. Я не отказываюсь.

Он берёт из маленькой табакерки щепотку табаку, нюхает и, зажмурясь, чихает... Потом долго прислушивается к пению смелой птички, прилетевшей среди зимы с новой весной.

Звонкая песня жаворонка кругами поднимается выше и выше в небо. А птички не видно! Голова у меня покрыта шерстяным платком, связанным матерью. Я верчу головой направо и налево, платок отдувается и сползает на затылок. Дедушка этого не видит. Я свободно поднимаю голову и вижу, как высоко надо мной в голубом чистом воздухе трепещет и уносится с песней вверх маленькая птичка.

— Я бы до ста лет жил! — говорит дедушка Никита Васильевич.— Да здоровье у меня попорчено. У нас, на бахромной фабрике, пыль, бывало, летит густо. Оттого у бабушки твоей Меланьи Михайловны здоровья-то вовсе нет. Глотаешь эту пыль, глотаешь, а выдыхнуть и время не найдёшь. По полям-то я только на старости лет стал похаживать, раньше часу времени не было...

— Почему?

— Кто работает, тому гулять недосуг,— отвечает дедушка.

— Микитин заругает?

— Ясно, что Микитин.— Дедушка Никита Васильевич смеётся.

Я уже знаю, что Микитин — хозяин фабрики, где служит мой отец — может заругать, рассчитать и выгнать рабочего с семьёй... Тут дедушка замечает, что голова у меня открыта.

— Эх, ты! — говорит он.— Накройся платком, не студи голову. Головой-то ещё жить понадобится. У нас все в роду с головами. Хоть отца, хоть мать возьми. Или деда с бабкой.— И, тихо ступая по дороге большими ногами, обутыми в валенки, подшитые кожей, рассказывает про деда и бабушку, про своё детство в деревне, когда они были крепостными: — Сестра Авдотья, твоего папани мать, со мною же на бахромной фабрике работала. Когда нам волю дали, нас дядя из деревни в Москву взял. А до того мы были крепостные.

Дедушка Никита Васильевич.

— Это какие крепостные?

— Подневольные люди, вот какие. Нас только двое от всей семьи осталось: я да Авдотья. Поставил нас дядя на бахромную фабрику работать. Маленькая фабричка была. Хозяин наш на Коншинской фабрике шёлковую и нитяную пряжу покупал, из неё бахрому, шнурки, кисти разные делали. Авдотью частенько за шпульками посылали на фабрику. Она красивая была, степенная. Спросят, ответит скупо, лишнего не молвит, тяжёлый узел подхватит, да и пойдёт. Её твой дедушка, Иван Иванович, приметил. Он у Коншина на фабрике узоры для тканей составлял, молодой совсем был... «Как вас зовут?» — спрашивает. «Авдотья Тароватова». «Позвольте, я вам узел донесу». «Нет, вам мой узел не унести». «Как так?» Схватил узел, да не удержал. Авдотья улыбнулась, а в улыбке она ещё краше становилась. «Я же говорю: за нашу работу легко не возьмёшься». Подняла узел и пошла. После дедушка твой пришёл ко мне сватать сестру. Я его знал. Он тоже калужский был, деревня их недалеко от нашей. «Что,— говорю,— торопишься, Иван Иваныч? Ты её мало знаешь». «Я,— отвечает,— год на неё глядел, один раз говорил, а век прожить думаю». «Ну,— говорю,— дело твоё, а на меня не обижайся...»

Речь дедушки течёт плавно, я не всё понимаю в ней, но мне хорошо идти с ним рядом по полю и слушать.

— Ну, стали твои дед и бабка жить вместе — Саньки, твоего отца, родители. Дедушка потом с Коншинской фабрики ушёл, у француза-фабриканта служил; тот дорожил Иваном. За его ткани хозяину не один раз медали на выставках присуждали. Потом хозяин прогорел, фабрику продали, деда твоего по шапке... Дед в скорости и помер...

Так мы долго идём с дедушкой Никитой Васильевичем. Снег обтаивает на солнце. Взятый в горсть, он рассыпается зёрнами и пахнет свежо и душисто.

— Не хватай снег руками,— говорит он,— языком не пробуй, не сахар! А простудишься, мать больше никогда со мной не пустит. Ай тебе не охота со мной гулять?

— Охота, охота! — кричу я и обеими руками хватаю дедушкину руку.

— Ну то-то! Вот, значит, и слушайся!

Дедушка останавливается и глядит вперёд: по дороге навстречу нам двигается лошадь, запряжённая в розвальни. Человек шагает рядом, его сопровождает, то и дело забегая вперёд, жёлтенькая собачка с острыми ушами. Дедушка оглядывается:

— Ты, гляди-ка, куда мы зашли! Москвы-то почти и не видно. Не пора ли домой?

Он дожидается, пока встречный человек поровняется с нами, и спрашивает его о чём-то. Они стоят и разговаривают, поглядывая на солнце. Лошадь тоже остановилась и опустила голову: потянулась за клочком сена на дороге.

— Залезай в сани,— говорит мне дедушка,— я пешком пройдусь.

Я бегу и сваливаюсь на сено, постеленное в розвальни. Собака прыгает за мной. От неё пахнет свежим воздухом и талым снегом. Пахнет и сено и подтаявшая за день дорога.

— Но-о! — кричит хозяин, и лошадь, мотнув головой, трогает с места.

Я сижу на сене, обхватив шею мирно улегшейся собаки. Передо мной покачивается спина лошади, мерно переступают покрытые блестящей шерстью ноги, и длинный белесый хвост заносится ветром в одну сторону.

Около саней, быстро семеня ногами, идёт невысокий хозяин лошади, и рядом с ним широко шагает большой бородатый дедушка Никита Васильевич. Теперь я слышу уже не одного жаворонка — они поют высоко над нами, и впереди, и по сторонам. В небе катится солнце, звенят уже неумолчно жаворонки...

Я просыпаюсь оттого, что собака выскакивает из-под моей руки и начинает лаять.

Никитин — хозяин фабрики, где служит мой отец...

Большая лошадиная морда суётся сзади к нам в сани и кивает, будто мне кланяется. Над собой я вижу мягкие губы, влажные ноздри, белую полосочку от носа к большим добрым глазам и протягиваю руку. Но лошадь вздёргивает голову, отстаёт немного и объезжает нас, проваливаясь в рыхлый снег. Стукаясь о наши розвальни, мимо продвигаются сани; в них сидит человек с красными щеками, в меховой шапке и правит.

Вокруг меня всё так же светло, но это уже не поле, а городская улица. Лошадь останавливается перед деревянным домом с крылечком и жёлтыми ставнями. Из-под крыши вдоль всего дома висят толстые длинные сосульки. У ворот в жёлтой соломе роются куры, и красный с зелёным хвостом петух, выгибая шею, звонко кричит «кукареку».

Из дома выбегает мальчик. Хозяин лошади говорит ему: «Открой ворота, сынок!» — и зовёт нас погреться. Но дедушка Никита Васильевич отвечает, что нас уже дома заждались. Мы прощаемся и уходим. Из-за угла, позванивая и дребезжа, выезжает конка.

Я сижу рядом с дедушкой на лавочке конки, еду по Москве и смотрю на улицы и дома. За день они сильно изменились: снег около домов почернел и стал ноздреватый, как губка, крыши мокрые и блестят. И везде с крыш вытянулись толстые полосатые сосульки. Вот как скоро жаворонки принесли весну!

Мальчишка выскочил из булочной с жаворонком в руке. Жаворонок весь розовый с

чёрными изюминками вместо глаз, крылышки и хвостик разведены веером.

— А мне жаворонка? — спрашиваю я дедушку.

— Жаворонка! Мы с тобой живого жаворонка слышали. На что тебе такой?

— Мне жаворонка хочется!

— Ничего не сделается, потерпишь! Долго проходили мы с тобой, последнего жаворонка, видать, парнишка купил. Больше не осталось.

Мне жалко, что жаворонка мне не достанется. Может быть, в булочной остался хоть один? Но конка катится быстро, лошади, понукаемые кучером, торопятся. И мальчик и булочная с золотым калачом на вывеске уже далеко.

— Чего насупилась? — говорит мне дедушка Никита Васильевич.— А где мы с тобой побывали-то! А?

Я снова вижу, как я ехала на розвальнях с жёлтой собакой и лошадиная морда кивала у меня над головой, а в небе звенели голоса маленьких птичек. И, не умея выразить, как всё это мне нравится, я молча лезу к дедушке на колени.

Дома мама выбежала нам навстречу и сказала, что «старого и малого» нельзя пускать вместе: всегда пропадут. И спросила, где мы были.

— Мы живого жаворонка слышали! — сказала я.

Мама развязала и сняла с меня платок и пальтишко, и они сейчас же запахли речкой и свежим воздухом, как пахло там, в поле. Волосы у меня слежались, и их пришлось расчёсывать гребешком. Рукавички были мокрые, их сразу же повесили на отдушник. Мама стала доставать из шкафа и ставить на стол тарелки, а дедушка Никита Васильевич понюхал табачку и громко чихнул.

— Хорошо погуляли,— сказал он.— Одно плохо, Грунечка: пока мы гуляли, парнишка последнего жаворонка купил.

— Да ну? — спросила меня мама, улыбаясь.— Тебе жалко?

— Жалко! — ответила я, залезая на стул. И вдруг увидела на столе румяного, красивого жаворонка. Он смотрел выпученными глазками, и носик у него немного пригорел.

Чудеса

В это утро солнце жарко светило в наши окна и грело мою голову, склонённую над столом. Я потрогала волосы — они были совсем горячие.

— Пора уже рамы выставлять,— сказала мама.— Весна!

И после чая она пошла со мной к Даниле-дворнику в сторожку. С радостным лаем кинулся ко мне Чок, белый породистый щеночек, подаренный мне дядей Петром. Он не прыгал, а, подняв голову, вилял обрубком хвоста и смотрел на меня блестящими глазами. Ясно было, что он звал меня побегать по двору. И пока мама разговаривала с Данилой, может ли он сегодня придти вытащить рамы, мы с Чоком выбежали вверх по лестнице из сторожки.

Уже самый этот бег вверх по ступенькам доставляет радость. Мы с Чоком словно вырываемся из глубины подвала в голубой и ясный четырёхугольник открытой двери. И вот последняя ступенька, под ногами твёрдая песчаная, с мелкими камушками земля, и вокруг нас широкий и светлый простор!

Чок мчится впереди меня, чуть приостанавливается, поворачивает ко мне голову и снова бросается вперёд маленькими лапами, как будто он нападает на кого-то перед собой. Ветер охватывает меня, треплет волосы, мимо убегают забор, крыльцо, на бегу я вижу, как из красильной двое рабочих выносят на длинной палке большой ушат с краской. Ушат покачивается, синяя маслянистая поверхность морщится, и в ней отражается, блестит солнце.

В душистый тёплый воздух врывается струя кислого, тяжёлого запаха, но это уже позади. А впереди сарай, и за ним сад. Над крышей сарая в голубое ясное небо поднимаются голые ещё ветви высоких деревьев. Я пролезаю между досками забора: в саду ещё кое-где лежит снег, но его осталось совсем мало, а земля чёрная, мягкая, и от неё поднимается лёгкий пар. Ноги оскользаются на ней и оставляют большие следы. Интересно, что солнышко греет так сильно, а ещё лежит снег! Через забор заглядывают девочки, наши подружки, мы с Дуняшей всегда с ними играем. А! Сейчас я их встречу...

Я подбегаю к плоскому, как огромный блин, пятну снега: надо быстро скатать снежок и встретить друзей. Но рука скользит по блестящей и твёрдой поверхности, снег очень крепкий, он весь точно слеплен из ледяных крупинок. На языке они быстро тают, и от них хорошо пахнет свежей водой.

И вдруг у края снега, там, где он тонкий и прозрачный, прилёг к чёрной земле, я замечаю: из земли, покрытой бурым прошлогодним листом, поднимаются два или три зелёных плотных листка. Листья чуть разо-

шлись, между ними вылез плотный стволик, а на нём видны голубые цветы!..

Какие блестящие, совсем новенькие листики, как упорно пробиваются они вверх рядом с холодным снегом! Да что же это такое? Как они не боятся холода? И вот я какая: сама нашла эти цветочки, никто их мне не показывал, я сама!

— Девочки! — кричу я.— Идите сюда! Подснежники!

Я не знаю, рвать или нет это необыкновенное чудо — цветок, выросший под снегом, но я уже протягиваю руку... И в этот самый миг мелькают чьи-то пальцы, хватают цветок и срывают.

— Дура! — кричу я в отчаянии.— Кто тебя просил? Зачем ты его сорвала? Это мой цветок!

Я мчусь за длинной, убегающей от меня худенькой Феней; вот я уже почти догнала её, я заношу руку, чтобы ударить её, и в этот миг нога моя скользит по мягкой грязи, и я растягиваюсь на земле.

Уже не замечая, что всё моё пальтишко выпачкано, я вскакиваю и снова бегу за Феней. Но крепкая на ощупь поверхность снега не выдерживает, мелькающие передо мной фенины ноги в полосатых шерстяных чулках проваливаются всё глубже, мои тоже, и вот мы с ней уже не бежим, а, едва переводя дух, барахтаемся по пояс в снегу и обе рядом падаем на снег. Я хватаю её за руку, вырываю подснежники... Но из нескольких цветов остался только один, и в помятых листьях нет уже той весёлой упругой силы, с которой они так смело вытягивались рядом со снегом...

— Куда это вас занесло? Разодрались, что ли? — спрашивает дворник, подходя к нам.— Тебе-то стыдно драться,— грозит он мне.— Вот погоди, я мамане скажу...

— Феня подснежник сломала! — жалуюсь я, бредя по снегу к Даниле.

— Невидаль — подснежник! Идите, я вас помирю.

Большой, широкий Данила направляется к сараю, и мы все бежим за ним. Он подходит к тому месту, где я нашла подснежник, и осторожно отгребает в сторону прелую листву. И под ней мы видим совсем маленькие ростки подснежников. Один... другой... ещё... ещё! Твёрдые их синеватые листья плотно прижались друг к другу, цветов ещё не видно, но мы все радуемся первым весенним растеньицам. Теперь мы вспоминаем, что подснежники росли здесь и в прошлом году, только мы не заметили, откуда они появились. Самое интересное — это то, что мы сами увидели, как цветы сидят под снегом, дожидаясь весны.

— Вот и ходите, проведывайте,— говорит Данила.— Они обогреются на солнышке и зацветут.

— Да, теперь уж мы не пропустим ни одного денька, всё будем наведываться!

Никто не видел, что я пришла домой в мокром насквозь платье, сняла его и положила за кровать. На мокрое бельё я надела другое платье, и оно тоже сразу отсырело.

— Что это за переодевание? — строго спросила мама.

Но у неё не было времени вникать и разбираться. Пришёл Данила, и началось интересное для меня и, должно быть, трудное для него дело. Сперва Данила, ловко действуя стамеской, выковыривал замазку вокруг рамы, и замазка сыпалась на подоконник и на пол. Потом он отогнул клещами гвозди — забитые в подоконник, они держали зимнюю раму,— открыл форточку и, взявшись за перекладину, начал, легонько потряхивая, тянуть раму к себе. Так он потихоньку всё выдвигал да выдвигал её, наконец вынул и поставил на пол рядом с окном. Потом он вверху и внизу открыл задвижки другой, наружной рамы, схватился за ручку, нажал — и вот обе створки её распахнулись. В комнату хлынул свежий, душистый воздух, и сразу всё, что было до сих пор за окном, приблизилось: стали слышны голоса идущих по улице людей, по камням мостовой задребезжала пролётка, зачирикал, как будто у нас в комнате, воробей, близко залаял Чок, и шум фабрики вошёл в открытое окно. Я вдруг почувствовала, сколько же разнообразных голосов, движений и шума, зимою приглушенных рамами, теперь наполняют всё вокруг меня!

Мама налила в большой таз воды и, став на табуретку, стала мыть мочалкой стёкла; вся её крупная фигура на открытом окне была полна жизни и силы... Она наклонялась, наверно, тоже радуясь воздуху и движению, и всё так ловко спорилось в её руках.

Потом она обернулась ко мне и весело начала:

Весна! Выставляется первая рама.
И в комнату шум ворвался...

Стихи эти я знала, но было удивительно, что и у нас всё выходит, как в стихах. От этого мне стало так весело, что я закружилась по комнате.

Вечером я спросила у отца, почему цветы не замёрзли под снегом, и он ответил:

— Вот и ходите, проведывайте, — говорит Данила-дворник.

— Под снегом им было тепло, как под одеялом.

— Нет,— сказала я,— снег холодный...— и почувствовала, как меня пробирает озноб. Я повела плечами: спине было холодно.

— Что-то ты мне не нравишься сегодня,— сказал отец,— ёжишься всё время...

— Нет, я не ёжусь, только мне холодно.

— Вот так штука! — Он приложил руку мне ко лбу.— Так и есть, иди-ка в постель. Груня, дай мне градусник.

— Интересно, где ты могла простудиться? — озабоченно спросила мама.— Ты не промочила ноги сегодня?

— Нет,— ответила я,— ноги у меня были сухие.

Мне было стыдно обманывать её, но если скажешь, мама будет ругать, а мне почему-то именно сегодня этого не хотелось.

Я лежу на кровати закрытая до подбородка одеялом, поверх одеяла положен мамин тёплый платок. Меня сильно трясёт, по спине волнами проходит озноб,— значит, я в самом деле простудилась. Мама спит. Отец сидит, наклонившись над столом, спиной ко мне и работает; вокруг его лампы с привёрнутым фитилём мне видны радужные круги. Ночью комната совсем другая, чем днём, и мне было бы страшно, если бы не спокойная фигура отца: вот он сидит и заслоняет меня от всего страшного на свете. Я очень люблю его, и мне хочется чем-нибудь показать это.

— Папа! — зову я.

Он встаёт и подходит к кровати.

— Мы сегодня по снегу бегали и проваливались... вот я и простудилась.

— Я так и думал.— Он садится на стул около меня.— Почему же ты маме не сказала?

— Она будет ругать меня.

— А я?

— За то, что я ноги промочила, не будешь ругать, а за то, что не сказала, будешь.

Он долго сидит молча, потом кладёт руку мне на лоб, качает головой и говорит:

— Спи спокойно. Раз уж сказала, никто тебя ругать не будет.

Так как утром я ещё не выздоравливаю и даже начинаю кашлять, мама применяет старинное, как говорит она, средство. Приготовление его необыкновенно занимает меня. Она берёт синюю плотную бумагу (такой бумагой обёртывают сахарные головы), даёт мне булавку и велит часто-часто накалывать бумагу. Я занимаюсь этим делом с увлечением, и скоро бумага делается похожа на тёрку. Мама смешивает свиное сало со скипидаром, намачивает бумагу и этой самой «тёркой» обёртывает мне шею и грудь.

Вот тогда-то я и узнаю, что значит лечиться старинными средствами! Скоро я догадываюсь, что лечение это можно вытерпеть только при полной неподвижности: малейшее движение головой — и бумага больно царапает кожу. Пахнет скипидаром, грудь и шея становятся горячими.

— Ничего,— говорит мама,— потерпишь. Зато завтра как рукой снимет!

И действительно, завтра всё снимает как рукой.

В этот день гулять меня ещё не пускают, я сижу в комнате, и девочка приходит к нам во флигель. Это Маня, она живёт вместе с матерью на нашей улице. Мать её тоже работает на фабрике. У Мани круглое румяное лицо, щёки с ямочками, тёмные глаза, и она умеет шить куклам платья. Но, самое главное, она учится в первом классе приходской школы. Маня гораздо больше меня ростом, и, когда мы с ней меряемся, она говорит:

— Ну, конечно же, я выше, тебе только пять лет, а мне уже исполнилось девять.

Мы долго играем с Маней в куклы, но вот она замечает в углу коробку с кубиками. Я

в эти кубики не играю, они неинтересные, знаю только, что на них написаны большие чёрные буквы: буква «А», буква «Б», ещё какая-то буква...

— Давай играть в школу,— говорит Маня.

— Давай! Я буду учительница.

— Ну, чему же ты научишь? — резонно возражает Маня.— Ты будешь ученицей. Тебе надо фартук. А я буду учительница. И ты меня зови «Мария Степановна».

Я соглашаюсь. Быстрые руки Мани мастерят из синего лоскута фартук, пришивают пояс. Из пёстрого лоскутка она шьёт сумку для книг и засовывает туда несколько книжек.

— Вот теперь ты пойдёшь в класс.

Я усаживаюсь на скамеечку. «Мария Степановна» важно ходит по классу; на её чёрных башмаках спереди и сзади торчат полосатенькие ушки. Чулки у неё толстые, шерстяные и, наверно, «кусаются», как мой платок. На табуретке передо мной она раскладывает кубики.

— Это буква «А»! — говорит она, останавливаясь передо мной и поднимая кубик. Потом повёртывает кубик — на другой стороне его нарисована другая буква.— Это буква «Б»...

Так мы перебираем все кубики; одинаковые буквы попадаются по нескольку раз и легко запоминаются.

— А теперь,— говорит Маня,— мы будем складывать буквы, и ты взаправду научишься читать.

До сих пор шла весёлая игра. Маня в своём коричневом школьном платьице, с гладко причёсанными и заплетёнными в толстую косу волосами и впрямь похожа на настоящую учительницу. Мне было очень интересно повторять за ней: «А», «Бе». Но это всё игра, а в игре разве можно научиться взаправду?

Маня кладёт передо мной два кубика и спрашивает, указывая на первый:

— Это какая буква?

— «Бе».

— Верно. А это?

— «А».

— А если рядом их поставить и читать подряд: «б-а», — выйдет «ба»!

Я читаю и подряд и по отдельности, но «ба» у меня не получается.

Маня, со своими спокойными движениями, то подходит ко мне, то отходит, кладёт кубики и так и этак, её круглое доброе лицо с тёмными глазами наклоняется над непонятливой ученицей...

— Так и не можешь сложить?

— Не могу,— вздыхаю я.— Это ведь ещё первый урок, на второй я, может, сумею.

Проходит час в весёлой беготне, но по игре прошёл уже целый день. И снова я в школе.

Всё-таки я никак не могу понять, чего добивается «учительница». Я тяну «б-а», а зачем это, не знаю.

— Так все учатся! — объясняет Маня.— А ты немножко бестолковая.

Скучное, видно, дело — ученье!

— Ну, вот что,— говорит Маня,— положи букву «М». Теперь «А». Теперь опять «М», ещё «А». Ты что сложила?

— «М» — «А» — «М» — «А»,— читаю я, и вдруг совершается чудо: передо мною лежит и смотрит на меня слово «мама», я вижу это слово! Оно само читается с моего воображаемого школьного стола; оно говорит мне: «Мама!» Это уже не просто кубики, не чёрные буквы! Что-то случилось, и передо мною появилось слово, которое я так часто говорю...

— Мама! — кричу я.— Мама!

— Ну что? Поняла? — спрашивает «учительница».

Но я не верю, что у меня так может получиться ещё раз: может быть, это только вышло по игре, нечаянно... Я легонько отодвигаю в сторону букву «М», потом «А»... Маня протягивает руку и вдруг перемешивает эти кубики со всеми остальными.

— Ой,— кричу я,— зачем ты испортила?..— и начинаю плакать.

Маня смеётся.

— А ну, сложи опять, как было сначала.

С трепетом, что может не выйти, не получиться, я выбираю одну за другой знакомые буквы... Подвигаю кубик с буквой «М», за ним другой...

И снова с белой длинной полоски, составленной кубиками, крупными буквами со мною говорит слово «мама».

— Опять, опять вышло! — кричу я.

— Ну, вот ты и научилась читать «мама»,— говорит «учительница».— Приходи завтра в школу, будем учиться.

Так у меня появилась новая подружка, Маня, и новая игра. А Маню даже все взрослые стали называть «Мария Степановна».

Кондратьев

Большой радостью для меня было слушать, как отец играет на скрипке.

Каждый день, просыпаясь, я слышала, как он подходит к столику, открывает футляр и замок щёлкает на всю комнату. По шороху я догадываюсь, что он вынимает скрипку и

У рабочих, выходивших из красильной, были серые потные лица, мокрые пряди волос прилипали ко лбу.

смычок, подкладывает под подбородок бархатную подушечку, и звуки, сначала тихие, растут, расширяются и заполняют комнату. У них есть свой особенный, невидимый рисунок, и я его слышу.

Я открываю глаза. Отец стоит, прижимая скрипку подбородком, ведёт рукой вверх тонкий смычок и чуть-чуть повёртывается вправо и влево. Утро смотрит в окна, на запотевших стёклах смутно видны листья большого фикуса. Мать уже умылась, большая коса завёрнута на затылке, и свежее, милое её лицо наклоняется ко мне.

Эта встреча отцом утра лежит в начале удивительной, тоже утренней жизни, в которой самыми большими радостями были пробуждение, свет, звуки, движения, лицо матери... Мне кажется, что эти радостные события были всегда, как всегда были отец и мать. Но чем старше я становилась, тем больше знакомых лиц появлялось около меня. С пяти лет я уже ясно помню окружавших меня в детстве людей. И всё же день начинается всегда лицами отца и матери.

Как певчая птица, когда она кормит птенцов, лишь встретит утро чистой и ясной песнью, а потом умолкает, так и отец только несколько минут мог уделить музыке. Он очень рано уходил на работу.

Он быстро отрывал от себя скрипку, как будто боясь промедления и трудного расставания, клал её бережно в футляр, прижимал смычок скобочками на крышке футляра и с сожалением отходил. Я уже стояла около него.

— А, проснулись? — говорил он почему-то

на «вы» и гладил меня по голове.— Ну, будь здорова! — Он подхватывал меня подмышки и поднимал высоко.— Ты знаешь, глазастый, что я играл? Вот, погоди, мы это разберём когда-нибудь.

Когда я была совсем маленькая, он сажал меня на плечо и пробегал со мной по комнате. Потом садился пить чай и спрашивал:

— Что ты сейчас будешь делать?

— Пойду в дворницкую...

— Зачем?

— Там Чок сидит у Данилы.

За буйное поведение в комнате Чока по вечерам часто выгоняли за дверь, и он отправлялся к Даниле-дворнику.

— А потом?

— Потом будем с Чоком бегать по двору.

— А потом?

— Пойду к Кондратьевым, Дуняшу к нам позову...

Мы жили во дворе фабрики Никитина. Домик, где, кроме нас, жило ещё несколько семей, все называли «флигель». Крыльцо его выходило на громадный фабричный двор. Напротив поднимался угрюмый каменный фасад фабрики с небольшими узкими окнами; на солнце окна отсвечивали радужной пылью.

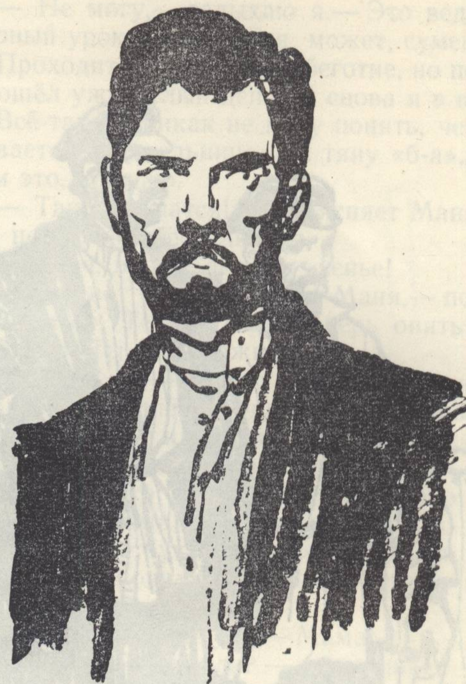
Отец Дуняши работал на фабрике и жил с семьёй в одном из густо населённых домов для фабричных рабочих. Дом их стоял за нашим флигелем. У Дуняши были круглые светлые глаза, коса, заплетённая по-деревенски во множество тонких прядок и завязанная шнурочком. Вот она сидит на полу против маленькой своей сестрёнки, вытянув ноги в шерстяных полосатых чулках, держит в руке тряпочную куклу «Ванюшку», стукает её головой о пол и говорит нараспев:

— Ах ты, сукин сын, Ванюшка, ты не хочешь нашу Катеньку слушать...

Дуняша играла со мной не каждый день. Когда мать её уходила на подённую, она должна была нянчить Катюшку, и тогда я ходила к ней. Но играть около Катюшки, когда она «гуляла», было скучно и скоро надоедало.

После чая отец уходил на фабрику. Я провожала его до двери конторы, потом бежала в дворницкую к Даниле. Иногда Данила шёл выбрасывать на помойку дохлую крысу, задушенную Чоком в чулане, и говорил:

— Развелось их, проклятых, сил нет! — и убеждал меня: — Ты оставь-ка мне Чока твоего, будет всегда жить со мной. Тебе придти поиграть с ним и тут можно, а зачем его в доме держать? В доме он рвёт всё, Аграфена Васильевна сердится. Собака

Кондратьев, отец Дуняши, был человек особенный.

должна быть при деле. Он крысолов, быстрый, шельма...

Потом Данила, большой, неторопливый, в холщовом фартуке, брал лопату и шёл на конюшню, а оттуда в молодой сад, посаженный в конце двора. Он действовал лопатой, как будто не спеша, но дело у него спорилось: вот он сложил навоз в тачку, отвёз в сад и быстро разбросал около тоненьких ещё деревьев. Мы с Дуняшей и другими девочками ходили за ним, пока не приезжал хозяин в пролётке на рыжей лошади, и Данила бежал открывать ворота.

Днём во дворе собирались ребятишки из дома, где жили «фабричные», и мы шли к дверям фабрики: ткачи часто выносили детям картонные шпульки с остатками разноцветных шёлковых ниток.

Внутри фабрики всегда что-то гудит, снуёт, стучит, и если заглянуть в дверь, то видно, как в тёмной её глубине бегут с потолка длинные косые ремни, а внизу двигаются люди.

Отец говорит, что гудят и постукивают машины, а двигаются рамы ткацких станков; машин и станков на фабрике очень много. В двери красильной туда и оттуда проходят рабочие, иногда они выносят ушаты с растворённой краской и выплёскивают её тут же во дворе.

...Вечером мать ждала отца и не садилась

без него за стол. Он приходил после того, как меня уже накормят. Часто по вечерам у нас бывал младший брат отца, дядя Пётр. Он служил счетоводом тоже на ткацкой фабрике — Морозовской мануфактуре. Я не понимала, о чём разговаривают большие, но всегда сидела за столом рядом с отцом.

Однажды отец принёс лист бумаги, красиво исписанный буквами, и подал матери.

— Спрячь! — сказал он.— Мне на память Кондратьев написал. Рассчитали сегодня...

— Да ну? — ахнула мать.— Кондратьева?

Кондратьев, отец Дуняши, был человек особенный. Он был высокий, худой, с шапкой чёрных волос над широкими бровями. У него были глаза с мучительным, настойчиво-вопросительным выражением и привычка, слушая человека, смотреть на него пристально, как будто ища чего-то в нём. Кондратьев чаще других ткачей выносил ребятишкам не только картонные шпульки, но и «образчики» — полоски красивых разноцветных материй. Девочки, завидев Кондратьева, бежали к нему, робко спрашивали:

— Дяденька, принёс лоскутик?

Он лез в карман, доставал «образчики» и, расправив на ладони, подавал девочкам со словами:

— Дорогого стоит лоскуток!

Вечерами в летние дни Кондратьев иногда оставался посидеть на скамье около дворницкой. Когда работа на фабрике заканчивалась, из дверей ткацкой и красильной группами выходили усталые люди: женщины казались старыми, но на свежем воздухе щёки их розовели, и тогда видно было, что среди них много молодых. На фабрике работало много подростков, некоторые из них казались не старше Дуняши.

У рабочих, выходивших из красильной, были серые потные лица, мокрые пряди волос прилипали ко лбу, от них едко пахло кислотой. Многие кашляли, сплёвывая мокроту. Про таких Данила говорил: «Чего другого, а чахотку в красильной всегда заработаешь».

И вот, возвышаясь среди голов рабочих, появляется серьёзное знакомое лицо, серый картуз надвинут на лоб, глаза кого-то ищут. Дуняша кричит:

— Папаня! — и бежит навстречу.

Данила постоянно торопил рабочих выходить со двора, в этом ему помогали два сторожа: один — старик, другой — молодой. Потом сторожа шли в проходную караулить, и Данила закрывал ворота. Но он никогда не выгонял Кондратьева. Впрочем, те рабочие, которые жили в домах для «фабричных», по вечерам заходили на двор фабрики через маленькую калиточку около нашего флигеля или перелезали через гнилой дощатый забор.

Отводя Чока к Даниле, я не раз видела, как несколько ткачей, сидя на лавочке, беседовали с Кондратьевым. Иногда Кондратьев низким, глуховатым голосом тихо заводил одну из тех особенных песен, что певал только он. Некоторые из них я впервые услышала от него, а другие и не слыхивала больше никогда, но воспоминание о них живёт во мне и до сего дня. Так он пел про коней, как они «стояли убранные...»: «Стояли кони убранные, да под шатрами, под коврами... Никто-то коней не любит, никто-то коней не жалеет... Любила коней только свет, любила коней свет-Васильевна».

Я слушала и думала, что Кондратьев поёт про мою мать, Аграфену Васильевну.

Однажды тёмным вечером на нашем дворе я услышала новую песню. Пел Кондратьев, и, казалось, все затихли во дворе, слушая его. Я разобрала слова: «Замучен тяжёлой неволей». «Мы сами роди-и-имый закрыли орлиные о-очи твои...»,— так и звучит в моём воспоминании его глуховатый, низкий голос. И уже много времени спустя, слыша слова песни «И мы, твои братья по делу...», я думала, что это поётся о братьях Кондратьева по делу, значит, о ткачах.

Увидев меня, Кондратьев спрашивал:

— Поздно ходишь! Не боишься темноты?

— Папа говорит: бояться не надо...

— Разумно говорит. Ты вот что, скажи Александру Ивановичу: Кондратьев, мол, просит сыграть на скрипке.

Я прибегала домой и говорила:

— Папа, Кондратьев, мол, просит сыграть на скрипке.

Отец, посмеиваясь надо мной, брал скрипку и шёл к открытому окну.

— Кондратьев! — окликал он и спрашивал его о чём-то. Потом, поговорив с Кондратьевым, начинал играть.

Помню открытое окно, ветер легко отдувает занавеску. В тёмной глубине двора различается чёрный выступ фабричной стены. Где-то на соседнем дворе слышны голоса, смех, а дальше за воротами — звуки гармоники, песня, внезапный свисток полицейского... Чистый, тонкий звук скрипки начинается рядом со мной; чем дальше, тем свободнее и шире он льётся, и уже не кажется, что это играет один отец, звучат две, три, много скрипок... За окном появляется голова Кондратьева. Чёрные его волосы сливаются с темнотой двора, выступает только часть ли-

ца — выпуклый большой лоб, щека... Глаза его, освещённые лампой из комнаты, блестят...

Мать уводила меня спать, и, уже лёжа в кровати, я слышала, как играет отец, потом разговаривает о чём-то, словно расспрашивает Кондратьева. И снова играет.

Тогда я не знала, что значит «рассчитали», но на фабричном дворе я слыхала это слово нередко. «Рассчитать» мог хозяин, и делал он это в конторе. Бывало, рабочий выходил из конторы и говорил Даниле или ткачам, окружавшим его: «Рассчитали». Потом рабочий, опустив плечи, уходил в ворота на улицу, и больше я его не видела на фабричном дворе. Иногда Данила утром расталкивал спящего у забора человека и говорил:

— Иди, иди, тут тебе не место!

Я спрашивала:

— Почему он тут спит?

— Подушки пуховой нет дома, вот и спит. И дома тоже нет. Найти его ещё надо, дом-то...

— А зачем ты его прогоняешь?

— Эх ты, птица-синица! Есть такое слово на фабрике: «расчёт». Хозяин рассчитает, а моё дело — прогонять.

«Рассчитали» — было такое, от чего человеку приходится плохо.

...Впечатления этих первых детских лет мне трудно разделить по времени: то, что, кажется мне, происходило совсем близко одно за другим, на самом деле часто разделено годом или двумя. Кондратьева я помню с самого раннего моего детства, с тех пор, как ещё совсем маленькой я ходила к ним играть с Дуняшей. Но почему-то первое воспоминание о нём связано именно с этим вечером, когда отец сказал, что Кондратьева рассчитали, и необыкновенно сильное чувство, что теперь больше никто не увидит Кондратьева, поразило меня. Мне в то время было уже лет шесть, и я всё запомнила крепко, может быть, ещё и потому, что вдруг сама испугалась. В окне за моей спиной было темно, и, помню, я боялась чего-то оттуда, всё оборачивалась, сквозь зелёные листья фикуса видела отблеск стекла на тёмном ночном небе и, вздрогнув, отводила глаза.

Дядя Пётр, сидевший тут же за столом,— он был у нас в тот вечер, когда рассчитали Кондратьева,— спросил отца:

— У вас частенько бывает это дело? — И, не дожидаясь ответа, прибавил: — У нас сплошь да рядом расчёт!

— Этот Кондратьев — умница, работник! — сказал отец.— Ткач необыкновенный. После первой забастовки приняли обратно, но он всё время был на замечании. Невероятно способный человек!

— За что же его всё-таки рассчитали? — спросила мать.— Ведь всё равно всех не уволят.

— Сильный человек, ненавидит несправедливость! — ответил отец.— Чувствуют это и убирают, кому этим ведать надлежит.

Мама взяла бумагу, принесённую отцом, и прочитала:

Душно! Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!
Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!..

Долго хранилось у нас это переписанное каллиграфическим почерком Кондратьева стихотворение Некрасова с надписью: «На память от благодарного вам человека». Были ещё и другие стихи, подписанные: «Ткач Основа», — и, когда я выучилась читать, я думала, что ткач Кондратьев и есть Ткач Основа и сочинил эти стихи сам, как Пушкин «Сказку о рыбаке и рыбке». Но отец объяснил мне, что Кондратьев переписал эти стихи, потому что очень любил их.

— Куда же он пойдёт? — спросила мать.

— Если некуда, пусть идёт ко мне,— ответил дядя Пётр.

«Ко мне...» Я поняла, что дядя Пётр зовёт Кондратьева к себе в комнату, где он жил с женой своей Лизаветой Сергеевной, про которую мать говорила: «Белошвейка — золотые руки». Это была маленькая комнатка в Ново-Гирееве, под Москвой. Туда меня однажды возили, когда мне было года четыре, и мне там очень понравилось. Там был большой цветущий луг, а за толстыми деревьями сидела лиса. Лиса, как сказал дядя Пётр, кусалась, и туда нельзя было ходить. Я всё-таки забежала туда, долго ждала лису, стоя за большим деревом, но лиса так и не показалась.

Много позднее я узнала, что таким людям, как Кондратьев, помогала рабочая организация; она и поддерживала семью Кондратьева в трудное время.

Я не помню, зимой или летом рассчитали Кондратьева. Может быть, в тот же или в другой вечер я увидела, как за окном на чёрном фоне двора снова появилось крепкое, мужественное лицо Кондратьева, освещён-

ное проникающим из комнаты жёлтым светом нашей керосиновой лампы, и глаза его мучительно и тревожно смотрели, смотрели и спрашивали... А, может быть, я видела это во сне?

Снегурочка

Вечером, отдохнув немного, отец брался за скрипку, а мама садилась к столу шить. Я усаживалась на маленькую скамеечку, поближе к отцу.

Отец стоял перед пюпитром, прижимал подбородком к плечу скрипку, лицо его было повёрнуто влево, и глаза смотрели поверх моей головы, куда-то далеко.

Заметив меня, он прерывал игру, настраивал скрипку и говорил:

— Вот слушай! Сейчас я сыграю тебе «Снегурочку». Написал её Чайковский. Тут рассказывается — только не словами, а музыкой,— как весна спускается на землю.

Он поводил смычком вверх и вниз, пальцы левой его руки, лёжа на грифе, прижимали то одну, то другую струну, то две или три вместе, передвигались по грифу, смычок в правой руке делал лёгкие движения, и начиналось...

— Слышишь, всё такое лёгкое, светлое, идёт новая, светлая весна. «Идёт-гудёт Зелёный Шум, Зелёный Шум, весенний шум!» Есть такие замечательные стихи, я их тебе потом прочитаю...

Отец играл. Звуки скрипки делались гуще, сердитее, что-то грозное выговаривалось в них...

— А это дед Мороз; он ещё держит землю, он внизу прилёг снегом, заковал реки льдом, стынет всё вокруг него, а весна себе всё спускается да спускается... Слышишь? Вот она, весна!

Я слушала, вероятно, широко раскрыв глаза, потому что отец повёртывал голову в сторону матери и глазами указывал ей на меня.

— А вот, глазастый, слушай: сейчас полетят птицы! «Слеталися птицы, слета-ли-ся певчи ста-да-ми, ста-да-ми! Садилися птицы, садилися певчи ря-да-ми... ря-да-ми!» Слышишь гомон, щебетанье? А это вот крылами машут — летят. «Перепел подьячий, подьячий!»

Скрипка выговаривала это «подья-чий», и отец поворачивал ко мне торжествующее лицо и говорил с восторгом:

— Это надо так написать! А? Понимаешь, всё дело в выразительности...

Почему-то мне кажется, что звуки скрипки, начинавшие утро отца, я слышала летом: в открытое окно виден широкий фабричный двор с тёмным кирпичным корпусом фабрики напротив окна. Со «Снегурочкой» же связано ощущение зимы, когда на стёклах окон видны листья и узоры мороза, а в комнате потрескивают в печке дрова и отсвет огня ложится на деревянный крашеный пол.

Потом отец садился, опускал скрипку на колени и правой рукой с зажатым в ней смычком гладил меня по голове. Я спрашивала:

— А ты сказал: «Зелёный шум»?

— А, помнишь? Молодчина! Это хорошо! — и читал мне стихотворение Некрасова «Зелёный шум».

Когда он говорил: «Как молоком облитые, стоят сады вишневые, тихохонько шумят...»,— голос его звучал тихо, а дальше: «А рядом новой зеленью лепечут песню новую и липа бледнолистая, и белая березонька с зелёною косой» — отец поднимал голову, и восторг наполнял его голос силой и радостью: «Шумят они по-новому, по-новому, весеннему, идёт, гудёт Зелёный Шум...»

Голос его перехватывался. Он говорил, чтобы скрыть волнение:

— Будешь большая, поймёшь, в чём тут дело!

По вечерам отец иногда уходил играть на скрипке в большом оркестре. Однажды вечером мать достала из шкафа лучшее своё платье: в нём она была тонкая, с высокой грудью. Позвала меня, причесала и одела в любимое моё платье с якорьками по белому полю. Никогда ещё меня вечером не брали с собой из дому. Я была удивлена, когда меня закутали платком и вместе с мамой мы вышли во двор. Двор был покрыт снегом, на тёмном небе трепетали звёзды. Если прищуриться, звёзды становятся мохнатые и радужные.

Мы приехали на извозчике к подъезду, куда быстро проходили одетые в шубы люди. Мы разделись и вошли в залу, такую большую, что дальняя стена её терялась... Я попятилась, но мама взяла меня за руку и повела вперёд. Люди проходили и усаживались на стулья с бархатными сиденьями. Незнакомый человек в чёрном поздоровался с мамой и сказал:

— Сразу видно, сашина дочка. Не соскучится?

Мама, такая красивая сегодня, улыбнулась и ответила:

— Нет, она очень любит музыку.

И сразу же на возвышение перед нами, где стояли чёрные стулья с пюпитрами перед каждым, стали выходить люди со скрипками,

большими и маленькими. Была даже такая большая, что человек нёс её обеими руками. Все стали садиться. Я увидела отца: он шёл, повернув голову к нам, и сел в первом ряду стульев. Волосы у него были такие блестящие, русые, он был лучше всех. Вдруг стало очень светло. Я посмотрела вверх: там была лампа со множеством огней. Мама сказала:

— Вот и люстра зажглась!

Все музыканты сидели к нам лицом, и отец даже улыбнулся мне. Но один вошёл после всех — это был дирижёр. Он стал спиной к нам и поднял руки. В одной была маленькая палочка. Музыканты подняли скрипки, дирижёр взмахнул руками, и длинный его сюртук поднялся к плечам...

У всех сидящих вместе с отцом музыкантов, одетых в чёрное, одинаково пошли вверх белые кисти рук с тонкими смычками: началась «Снегурочка» Чайковского.

Сначала я не узнала музыку и даже сказала шёпотом маме: «Мне очень громко»,— но вдруг среди массы звуков услышала: поёт знакомая мне скрипка отца. Я спросила:

— Весна идёт? Да?

Мать кивнула головой. Я посмотрела на неё и удивилась. Румянец проступил на её обычно бледных щеках, глаза светились, она смотрела вперёд, как будто была той самой весной и всё должно было ожить под её взглядом.

— Ты на папу смотришь, да?

И, засмеявшись, она положила ладонь мне на губы и прибавила:

— Надо говорить тихо.

Всё было так необыкновенно. Вот я услышала, как полетели птицы, но теперь их было много, они летели «ста-да-ми, ста-да-ми», и этот полёт был виден даже во взмахах смычков. А когда папина скрипка выговаривала «подьячий, подьячий», мне показалось, что я увидела какую-то смешную, хитрую птицу: она идёт и кланяется серой головой.

Потом близко к краю возвышения подошла женщина в белом и запела. На ней блестели красные и зелёные огоньки.

И неожиданно всё кончилось!

Все сидевшие в рядах захлопали, а дирижёр обернулся к нам и, взяв за руку женщину в белом, поклонился, указывая на сидящих за ним музыкантов.

Музыканты встали разом, отодвинули стулья и, косо держа вверх смычки и опустив скрипки, стали выходить в боковую дверь. Прошёл между стульями и отец, опять взглянув на нас. И всё перед нами опустело: остались только ряды нестройно отодвинутых чёрных стульев и пюпитров.

Кто-то спросил меня:

— Ты что слушала?

Я сказала:

— «Весну», и «Слеталися птицы», и «Подьячего».

Когда мы приехали на конке домой, отец, как всегда, бережно поставил футляр со скрипкой на столик. Был, верно, большой мороз, потому что футляр в тёплой комнате отпотел и стал влажным. Немного погодя, когда я разделась и забралась в кровать, отец спросил:

— Тебе понравилось?

— Понравилось. Когда мы ещё пойдём?

— Это, девочка, не легко, но когда-нибудь пойдём. А вот, когда ты была совсем маленькая, я тебе играл так.

Он достал скрипку, провёл смычком по струнам и, выговаривая голосом слова, начал «Колыбельную» Чайковского:

У-ле-те-ел орёл до-мой,
Солнце скры-ы-лось за го-рой...

Песня так и звучала у меня в ушах, я начала её петь, но какой-то тонкий голосишко зазвенел, и я сразу же замолчала.

— Что же ты?

— Не буду! — сказала я упрямо.

— Ну, ещё попробуй!

Он сыграл всю «Колыбельную», и в конце, где «ветра спрашивает мать», я попробовала, но вышла совсем не та песня...

— Да,— сказал отец, обращаясь к матери,— не выходит... Жалко...

Он подошёл к окну и долго стоял, держа правой рукой скрипку и смычок, стоял боком ко мне, и я видела его склонённое лицо. Он напряжённо смотрел перед собой. Потом отец медленно поднял скрипку к плечу и с тем красивым, свободным изгибом руки, каким он так легко и вместе с тем так твёрдо держал смычок, тихо провёл по струнам...

То, что он играл, было мне знакомо: это мороз держал землю, сковывал её, как заковал и наше окошко, за которым не видно было ни двора, ни фабрики; ветер, ни у кого не спрашиваясь, несётся и звенит железом по крыше... И вот из этого ряда мрачных, тягостных звуков пробиваются шаги весны. Вот она спускается, слетаются птицы, и зелёный шум гудит вокруг неё... Внезапно в этом чередовании изображённых звуками картин родился новый, незнакомый мне напев. Это было не то, что я слышала каждый день, когда отец готовился идти играть «Снегурочку», и не то, что сегодня исполнял большой оркестр.

Но то, что играл отец, я всё-таки узнавала. Я слышала это на тёмном дворе, у входа в подвал к Даниле-дворнику, когда за чёрным выступом фабричной стены проступало покрытое яркими звёздами небо. В этом слабо мерцающем свете виднелась голова Кондратьева; он сидел на лавочке и негромко пел про убранных коней и ту, другую песню, которая вдруг зазвучала в комнате. Я догадалась, что отец тоже сам рассказывал, только не словами, а, как и Чайковский, музыкой, и вот почему я видела перед собой Кондратьева с его блестящими, спрашивающими глазами...

— Папа! — закричала я.— Я знаю, это Кондратьев пел!..

Отец на секунду перестал играть, взглянул, наклонил голову и стал играть дальше. Потом опустил смычок, положил скрипку в футляр и подошёл ко мне.

— Узнала песню Кондратьева? — сказал он. — Значит, кое-что всё-таки слышишь...

— Это Кондратьев придумал?

— Это? Нет, это называется трудным словом — «импровизация». Ну, спи, глазастый, спи.

Не могу рассказать, когда это было, но, мне помнится, с этих шести — семи лет во мне появился как бы новый, внутренний слух. Внутри у меня постоянно текла какая-то мелодия, очень похожая и составленная из тех, которые играл на скрипке отец, хотя я и не могла её выразить голосом. Эта звучная, сильная и необыкновенно радостная мелодия не жила во мне спокойно, она требовала выражения, и я иногда пробовала её петь. Но выходило совсем простое, а не то, что так хотелось выпустить на волю.

Это стало источником не только большой моей любви к музыке, которая вливалась и умещалась во мне, обогащая и усиливая ту, внутреннюю мелодию, но и источником мучений: я не умела пробить какую-то кору и выпустить родник на волю.

Отец не мог меня учить играть. Он работал всё больше и больше, а мы жили всё труднее. Но он не оставлял скрипки: она была его радостью до конца жизни. Иногда он говорил:

— Надо было бы попробовать учить тебя!

Но для этого у него не было ни времени, ни возможностей.

...Иногда, я помню, на быстром бегу, на верхушке высокого дерева радость, восторг охватывали меня, расширяли грудь, и я думала, что вот сейчас я запою. Но я даже не пробовала, а, завидев идущего к дому отца, бежала ему навстречу и бурно кидалась на шею. Это было тоже каким-то выражением себя, и он это понимал.

Необыкновенная встреча

Вскоре после маминого рождения наступал её любимый праздник. В этот день выпускали птиц на волю.

Отец стоял перед пюпитром, прижимая подбородком к плечу скрипку.

Дома у нас никогда не держали птиц в клетках и, чтобы выпустить, птичек покупали заранее на Трубной площади. Отец или дедушка Никита Васильевич приносил небольшую клетку, в ней по жёрдочкам прыгали пёстрые весёлые щеглы, чижи и плотные красногрудые снегири.

Птицы жили у нас день или два, и в это время я не отходила от клетки. Я смотрела, как они пьют воду из привязанного к прутьям клетки стаканчика и поднимают головки, такие гладенькие — пёрышко к пёрышку. Рассматривала тоненькие их лапки; удивительно было их лёгкое устройство. Мама иногда подходила, наклонялась к клетке и говорила:

— Им тут тесно, птицам нужен простор.— И вдруг, как будто кого-то стесняясь, читала наизусть:

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей,
Я рощам возвратил певицу,
Я возвратил свободу ей...

Потом в жизни, начиная читать вслух любимые мои стихи, я тоже чувствовала это стеснение, как будто говорить стихами было неудобно рядом с окружающим меня, а может быть, я боялась прочитать хуже, чем надо читать стихи. Но мамино стеснение доходило до того, что она краснела, на лице её появлялось тревожное выражение, и она замолкала.

— А дальше? — спрашивала я.

Тогда она продолжала спокойнее. Иногда она оживлялась, доставала из комода тетрадь в синем картоне, где были переписаны любимые её стихи «Саша», «Размышления у парадного подъезда», и долго читала подряд. Но это бывало редко.

Однажды к нам пришёл дядя Пётр. Он любил птиц и животных. Это он подарил мне Чока.

— Пойдём со мной на Трубную,— сказал он,— купим птичку или живую рыбку. Спрашивайся у матери.

Так мы с дядей Петром пошли на Трубную. Был март. В Москве ещё лежали вдоль заборов потемневшие сугробы снега. Ещё ездили на санях, но воздух был такой свежий и душистый, как бывает весной у реки.

На Покровском бульваре по гладко подметённому плацу около казармы вперёд и назад маршировали солдаты. Дядя Пётр остановился и долго смотрел на них, чуть наклонив худое лицо с большими рыжеватыми усами. Мне надо было потянуть его за руку, чтобы он пошёл дальше.

Трубную площадь мы увидели сверху, со Сретенского бульвара. Под гору от нас, около маленьких торговых палаток, освещённая ярким солнцем, передвигалась толпа людей. Люди шли, останавливались и снова расходились. Мальчишки скатывались на санках по бульвару и подъезжали к самым палаткам.

Я посмотрела с завистью и дёрнула дядю Петра за рукав.

— Это мы сейчас устроим. Мальчик! — подозвал он худенького мальчика в разорванной кацавейке. — Возьми-ка вот девочку, прокати.

— А ну её! — ответил мальчишка, но тон у него был неуверенный.

— Нет, брат, так не годится. Давай заведём дружбу: вы прокатитесь вместе, а потом ты пойдёшь с нами птиц смотреть. Я и тебе птичку куплю.

Мальчик насупился и молчал.

— Экой ты какой недоверчивый! Думаешь, обману? Я не люблю обманывать.

— Ну, ладно... Пойдём, что ли, — подумав ещё, сказал он мне с неохотой.

Мы поднялись с ним по бульвару, таща за собой плохонькие санки. Он недружелюбно взглядывал на меня:

— Испугаешься — за плечи мои держись, а за шею не хватайся. И не ори.

Мы съехали по самой крутизне. Санки далеко откатились за палатки.

— Ещё поедем! — сказала я.

— Ладно, как дяденька скажет, — снисходительно ответил мальчик.

Но дядя Пётр объявил:

— Хорошенького понемножку. Пойдёмте на рынок, а там видно будет.

Мальчик взял санки, и мы пошли.

Первый, кто нам встретился, был высокий худой человек с чёрным щенком на руках. Он шёл, поглаживая висячие шёлковые ушки щенка, и повторял:

— Покупайте, господа, толковая будет собачка.

Мальчик сказал:

— Это охотничья. Видишь, как она носом нюхает?

Не успели мы отвести глаз от собачки, как перед нами открылся проход к ряду маленьких лавочек; около них ходили продавцы. В руках они держали длинные удочки, красивые зелёные поплавки и коробочки с крючками. Покупатели, наклонясь над коробочками, выбирали крючки, грузила и поплавки. Посматривая направо и налево, я незаметно для себя очутилась у одной из лавочек и заглянула в открытую дверь.

И вот мы с дядей Петром и с мальчиком пришли на Трубную...

В окно её светило солнце, и лучи его падали на широкий прилавок. На прилавке стояли стеклянные банки с водой, насквозь прозрачные в солнечных лучах, в них снизу вверх из жёлтого песка росли длинные светлозелёные листья, и между ними проплывали красные и золотистые рыбки.

Я вошла в лавочку и остановилась, рассматривая рыбок. Особенно понравилось мне, как продавец ловил их маленьким черпачком, перекладывал в баночку с водой и отдавал покупателю.

— Достань мне вот того рысака, — указал дяденька с бородой и весёлыми, насмешливыми глазами на полосатенькую, очень быструю рыбку. — А ну-ка, дай я сам его поймаю! — И взял черпачок из рук продавца.

Рыбка мелькнула, как синий флажок. И каждый раз, как черпачок приближался к ней, она быстрой синей чёрточкой сверкала вверх, вниз, вбок и уходила.

— Верно ты угадал: это рысак настоящий, — сказал хозяин. — А у тебя сноровки мало.

Он взял черпачок, опустил его в воду, дал рыбке успокоиться, потом, когда она тихо стала подниматься вверх, легко подвёл черпачок снизу и поддел рыбку.

— На всё, брат, надобно уменье,— сказал он, опуская рыбку в подставленную покупателем баночку.

И там она заметалась от стенки к стенке.

— Дяденька, вон она где! — услышала я голос мальчика, который меня прокатил на санках. — Куда же ты девалась? Вот тебе дяденька задаст!

Они уже, видно, подружились. Дядя Пётр купил ему крючок на тоненькой леске, и мальчик не отходил от него.

— Дяденька, пойдёмте того щегла поглядим, — попросил он.

Мы все вместе пошли смотреть «того щегла». Щегол был пёстрый, весёлый. Он прыгал в узкой клеточке, где, кроме него, сидели ещё две серые птички с помятыми пёрышками на головках.

— Это чечётки, — сказал мальчик, — они смирные. А вот это канарейка. — Он шёл с нами и не напоминал, что дядя Пётр обещал ему купить птичку.

— Ну, канарейка — птица неинтересная,— ответил дядя Пётр. — Птица эта, брат Митюшка, не наших лесов. Хочешь щегла?

Мальчик покраснел от смущения и кивнул головой. Он и так смотрел на этого щегла, не отводя глаз.

Дядя Пётр спросил продавца, сколько стоит щегол, и уж достал кошелёк.

— Гривенник, — ответил продавец, — да ещё клетка...

Дядя Пётр положил монеты на прилавок, взял клетку со щеглом и повернулся...

К прилавку шёл высокий человек в барашковой шапке, с небольшой бородкой, в пенсне, из-за которого пристально смотрели серьёзные глаза. Он остановился в двух шагах от нас.

— Дядя Пётр, — спросила я, — а мне ты купишь чечёточку?

Дядя Пётр не ответил. Он всё смотрел на подошедшего человека. Потом наклонился к нам, взял меня за плечи, повернул и сказал тихо:

— Посмотри и запомни. Я потом расскажу, кто это...

Когда мы отошли с клетками, где в одной сидел щегол и в другой две чечётки, он сказал нам:

— Это писатель Чехов, гордость русского народа. Он написал много хороших книг. Придём домой, попроси отца прочитать тебе про Каштанку.

Мы пошли домой; мальчик тоже шёл с нами. Он держал клетку со щеглом перед самым своим носом и всё не мог на него налюбоваться. Дядя Пётр взял у мальчика санки и понёс их сам. Уже долго шли мы, а мальчик всё не отставал.

— Чего ж ты нас провожаешь? — спросил дядя Пётр. — Мы и сами дойдём.

— Я не провожаю, я домой иду.

— А где твой дом?

— В Кожевниках.

— Вот что! — дядя посмотрел на него. — Отец-то где работает?

— На Цинделевской фабрике.

Оказалось, мальчик жил близко от нас. Он сказал, что знает наш двор, всегда ходит мимо.

— Можно, я приду, когда вы будете выпускать чечёток? — спросил он дядю Петра.

— Приходи, — ответил дядя Пётр.

Через год или больше с того дня, как мы ходили на Трубную за птичками, отец, придя домой, сказал глухо:

— Умер Чехов.

И мать заплакала.

Меня взяли на похороны Чехова. По улицам отовсюду шли люди, тысячи людей.

— Иди, иди, — говорил отец, — вот сколько людей любили Чехова, читали то, что он писал. И ты будешь читать...

— «Каштанку»?

— Не только «Каштанку», а много прекрасных его рассказов о том, как живут люди.

Ссора

Когда утреннее солнце светит в окна и на синем небе вырезывается неподвижная глянцевая листва единственного тополя, растущего во дворе перед флигелем, а на крашеном полу лежат светлые квадраты, невозможно представить себе, что такой ясный летний день может омрачиться.

Кажется, что всегда будет так ясно, спокойно, хорошо, будешь целый день бегать с Дуняшей во дворе и Чок, принюхиваясь к нашим следам, будет отыскивать нас в маленькой сторожке у Данилы-дворника или в тёмном чулане флигеля, где мы прячемся от него.

В такой день мама надела на меня розовое лёгкое платьице, которое раньше считалось новым, но потом, повисев долгое время в шкафу, надетое только раза два за всё время, почему-то стало называться старым, и отпустила гулять.

— Но ты не пачкайся, — сказала она, повёртывая меня к себе лицом и поправляя на мне хорошенький кружевной воротничок, — мы с тобой пойдём сегодня в Нескучный сад.

Какая же это была радость — идти гулять в Нескучный сад, где так много толстых, больших деревьев: лип, клёнов, дубов, берёз, не то что один тополь у нашего окна!

— Почему ты говоришь, платье стало старым? — бездумно спросила я, рассматривая лёгкие оборочки на рукаве.

— Потому что ты выросла, — ответила мама, — и пришлось его выпускать внизу. И то вон оно какое короткое!

— А тебе папа сказал, что ты бережёшь-бережёшь, пока я вырасту из платья. Надо, чтобы я носила сразу новое.

— Папа не так сказал, не говори, если не знаешь, — спокойным, ровным голосом ответила мама.

Я по опыту знала, что это ровное спокойствие может замениться строгим окриком, если я не «перестану». Но что-то меня так и подмывало, я сказала:

— А я знаю, что папа так говорил: надо носить, пока я не выросла.

— Выросла, а ума не вынесла, — сказала мама тем же спокойным голосом, садясь на стул у окна и этим как будто меняя своё намерение идти со мною в Нескучный. Я продолжала стоять против неё. — Всегда так бывает, что пока другого платья тебе не сшили, то прежнее надо беречь, как новое. Вот теперь я сшила тебе синенькое, новое, а это будешь носить.

— Я не буду его носить, — неожиданно для себя сказала я. — Я из него выросла.

— Это ещё что? — нахмурилась мама. — Повтори, что ты сказала!

Повторять в таких случаях как раз не следовало: если повторяешь, — значит, упрямишься. Папа не раз объяснял мне это. Но я повторила, чувствуя, как обрывается то хорошее, любовное, что связывает меня с матерью.

— Не буду я его носить, не хочу и не буду! — И, дёрнув платье на себе, добавила: — Оно плохое.

— Значит, я старалась, шила, а тебе не нравится?

Вот сейчас голос и всё выражение лица мамы такое, что мне так и хочется подойти к ней...

— Не нравится! — упрямо сказала я.

— Ну, так вот же,— с досадой сказала мать,— в Нескучный мы не пойдём. Будешь сидеть дома.

Как это всё случилось? Как могло быть, что десять минут назад я стояла на этом же месте, одетая в розовое, любимое мною платьице, не замечая, что оно коротко, и радовалась, что мы пойдём в Нескучный? И вот всё стоит так же, на тех местах: стол, фикус у окна, так же лежат светлые квадраты солнечного света на полу, вырезываются на синем небе листья тополя. Что же изменилось? Почему я уже не могу любить это милое платьице и доверчиво говорить с такой любимой только что мамой?

— Сейчас же перестань упрямиться! — говорит мама.

Если бы её голос был приветливей, добрей, я кинулась бы к ней, но теперь мамин голос звучит холодно, и он держит меня, как бы отстраняет от мамы.

Я молчу. Молчит и мама.

В открытое окно доносится шум проезжающего мимо экипажа, звуки шагов, голоса девочек, играющих во дворе.

— Ну, что же ты? — слышу я мамин голос.

Я прекрасно знаю, чего хочет добиться этим вопросом мама: она хочет, чтобы я подошла к ней и хотя бы молча выразила доброе чувство. Она даже идёт мне навстречу:

— Ну,— говорит она,— если ты не будешь носить это платье, куда же мы его денем?

...Во дворе слышно, как кричит Дуняша: «Тебе водить!» Счастливые: они там играют!

У меня возникает мысль, что я тоже могу побежать играть с ними, раз уж мы не пошли в Нескучный, и я представляю, как скажу маме: «Я больше не буду, прости!». И мы помиримся.

— Ни одна девочка — ни Дуняша, ни Лизунька — так не говорит с матерью...— начинает подобревшим голосом мама, но в глазах её, таких ясных, нет ещё доброго, они немного отчуждённо смотрят с её лица. Вот удивительно! Ведь в самих глазах ничего не меняется, их красивые голубовато-серые кружочки всегда одинаковы, и чёрные зрачки тоже, а мамины глаза бывают добрые, бывают чужие, бывают сердитые. Откуда это берётся?

— Так и будешь смотреть молча? — спрашивает мама и качает головой.— Играешь с хорошими девочками, так тебе пример с них надо брать... Вон Дуняша, она Катюшку и вымоет, и покормит, и обует, да ещё сама ей туфлишки зашьёт...

Я ненавижу, когда мама говорит, что мне надо брать пример с хороших девочек. Как только я слышу слово «пример», чувство противодействия сковывает меня уже непреодолимо, и, как бы я ни хотела подойти к маме, я не могу этого сделать. В моём воображении возникает светлая толстая коса Дуняши, туго заплетённая мелкими прядками, она у неё короткая и потому не лежит на спине, а торчит. Коса её сейчас кажется мне противной, и противным кажется то, что Дуняша причёсывает волосы деревянным частым гребнем; повернув голову набок, она так и втыкает гребень в свои густые волосы.

— Противная твоя Дуняшка,— вдруг кричу я,— не хочу её в пример, не хочу!..— и начинаю реветь.

— Перестань! — пробует остановить мама, но меня несёт волна противодействия всему: Дуняше, маминым словам, самой маме...

— Не пере-стану...— реву я,— не перестану... И примера брать не буду...

— Ну, не бери пример, если не хочешь, живи сама по себе,— говорит мама и... улыбается. Заметив краем глаза эту улыбку, я прерываю рёв, слежу за ней взглядом и вдруг на пути моего взгляда, в маленьком зеркальце, стоящем на столе, вижу красное, совершенно зарёванное лицо, ежом торчащие волосы и опухшие глаза.

Какой-то миг ещё я наблюдаю это чужое мне лицо, смятый воротничок хорошенького платьица и — за зеркалом — улыбающееся, но почему-то сейчас нелюбимое лицо матери, узнаю себя, и вдруг мамина улыбка кажется мне невероятно обидной, я принимаю её как жестокую насмешку над моим глупым и смешным видом и отворачиваюсь.

Чувство жалости к себе и нелюбви ко всем окружающим захватывает меня. Я уже не реву, а горько, обиженно плачу, и чем больше я плачу, тем больше жалею себя. Вот как! Сама же мама надела на меня плохое, короткое платье, а потом смеётся надо мной. Хвалит Дуняшку... Ну и пусть берёт себе эту Дуняшку в дочки, а я уйду к Кондратьевым, буду нянчиться с Катюшкой. Что я, лицо ей не сумею вымыть, одеть не сумею? Сколько раз я сама её мыла и одевала...

Мамина рука касается моей головы, но я дёргаю голову в сторону, чувствуя в то же время страшную жалость оттого, что я отталкиваю от себя милую, добрую руку.

— Ну, «закусила удила»! — говорит мама.— Теперь тебя на кривой козе не объедешь...

И наступает тишина.

Услышав, что в комнате всё затихло, я прекращаю плач и поднимаю голову: мамы в комнате нет. И хотя такой же прекрасный день заглядывает в окно, так же раздаются голоса ребятишек во дворе фабрики, этот ясный день уже не радует меня. Какое-то огромное пространство, словно провал, отделяет меня от счастливого времени, бывшего совсем недавно, так недавно, что большая стрелка, указывавшая вместе с маленькой вверх на цифру «12», прошла только половину круга и стала вверх ногами. Но как всё изменилось!

Я ощупываю свои горячие мокрые щёки, под руку попадается прядь прилипших к лицу волос. Осмотревшись, я вижу на полу мою славную круглую гребёночку, которая так хорошо схватывает и держит волосы; гребёночка лежит под стулом, и, когда я нагибаюсь поднять её, взгляд мой падает на розовое платьице, надетое на мне. И гребёнка, и платьице кажутся мне свидетелями беззаботной, хорошей жизни, которая была и которой больше никогда не будет. Горькое сожаление охватывает моё сердце, слёзы так и катятся из глаз...

В раму окна со двора кто-то царапается, окно раскрывается, и розовое, с веснушками на носу лицо Дуняши заглядывает в комнату.

— Ты чего не идёшь на улицу? — спрашивает она, увидев меня, и ахает: — Ах, какое платье красивенькое! Тебя с собой мамка берёт ай нет?

Я смотрю на неё, и вдруг мне становится стыдно, я краснею так, что сама чувствую, как кровь приливает ко лбу. Как могло быть, что я называла сейчас Дуняшу противной? Милую мою подружку...

Она наклоняется, что-то с трудом поднимает на уровень подоконника, и славная толстая мордочка Катюшки появляется на миг и снова скрывается: Дуняша не может удержать её так высоко, а Катюшке это уже понравилось, и она громко хнычет за окном. Как же всё-таки случилось, что я не с ними?

Что-то я сделала неправильно, думаю я. Но что? Не хотела надеть это платье? Если бы я сказала простым голосом, мама не рассердилась бы и объяснила мне, что платье-то хорошее. Когда я говорю простым голосом, мама никогда не сердится. Я слышу свой противный, упрямый голос, вижу, как я дёргаю на себе платье и говорю, что оно плохое... Вот я какая была, а мама всё не сердилась. А потом она сказала: «Старалась, шила...» Почему в это время я не подошла к ней? А теперь её нет!

Несколько секунд я стою в раздумье: где мама? Только бы она была около меня, уж я бы всё поправила! А вдруг она ушла совсем, оставила меня на весь день?

Я срываюсь с места и бегу по коридору в маленькую нашу кухоньку. Там тихо, мамы нет! Деревянный выскобленный стол чисто светлеет, на нём никто ничего не делает... Ну, конечно же, она ушла совсем!

Я уже поворачиваюсь, чтобы бежать искать её на дворе, как вдруг замечаю: мама стоит у окна и задумчиво смотрит перед собой. Я охватываю её руками, прижимаюсь лицом к её платью и кричу:

— Мама! Мама! Мама!

И снова возвращается хорошее, а то плохое, что только что было, отодвигается и отодвигается...

Вечером я, набегавшись с Дуняшей, настроив «городов» для Катюшки, которая в этот день мне совсем не надоедает, сижу за ужином, и голова моя клонится, клонится... и опускается на стол. Отец берёт меня на руки и несёт на кровать. Пока он снимает с меня туфли и платье, я уже в полусне слышу задумчивый голос мамы:

— Как много надо знать, как много надо уметь! А ведь нас-то как воспитывали: битьём да криком.

(Продолжение следует)

«ПОЛЕТ ПРОТЕКАЛ НОРМАЛЬНО»

М. Черненко

Рисунки И. Рубана.

События, описанные ниже, произошли на дрейфующей станции «Северный полюс-3» летом прошлого года.

В те дни под лучами незаходящего солнца рассыпались снежные домики и укрытия. Снежницы — озерки талой воды — подступили к жилым палаткам и продовольственным складам. Ходить по ледовому полю стало трудно: ноги то и дело проваливались в рыхлый снег. Полярники одели резиновые сапоги немыслимых размеров, внутрь их были заправлены мягкие чукотские чулки из пушистого оленьего меха.

Всюду поблескивала вода. Спасаясь от неё, обитатели лагеря подняли свои палатки на ледяные быки. А палатка механика Комарова взгромоздилась на широкий помост, поставленный на пустые бочки из-под горючего.

День за днём круглыми сутками солнце низко ходило над горизонтом, и, в сущности говоря, вставать или ложиться можно было в любое время. Но твёрдый распорядок устанавливал в лагере утро, день и ночь. В два часа по московскому времени звон самодельной рынды [1] возвещал о подъёме. Через час радиоволны уносили на материк первую за новые сутки метеорологическую сводку. Вслед за этим отправлялся в полёт радиозонд — разведчик высоких слоёв атмосферы. Потом один ва другим наступали сроки и других наблюдений. Так начинался обычный трудовой день лагеря.

Однажды в слаженный и напряжённый ритм жизни полярных исследователей вошло нечто новое — ожидание.

Ждали лётчика Перова. За три дня до этого он привёз сюда группу учёных с Большой Земли, сгрузил почту, несколько ящиков со свежими овощами, вручил заботливо собранный в пути экипажем самолёта сноп ромашек — привет настоящего, не арктического лета, и снова улетел на Северную Землю за второй группой учёных и второй партией грузов.

Самолёт должен был вернуться на следующий день, но вот уже третьи сутки были на исходе, а Перова не было. Он стал пленником непогоды на одном из маленьких островков у берегов Северной Земли, почти за полторы тысячи километров от ледового лагеря. Мощный циклон прорвался в самое сердце Арктики. Он принёс с собой гигантские массы тёплого воздуха из Тихого океана и с ними непогоду, морось, туман. Над

[1] Так моряки называют судовой колокол, в который отбивают склянки, то есть время суток. В лагере рындой служил небольшой отрезок рельса.

Всюду поблескивала вода. Чтобы спустить воду, обитатели лагеря бурили во льду глубокие скважины.

островком, где сидел Перов, к самой земле жались плотные, белесые облака.

Обычно принято считать, что о погоде вспоминают, когда собеседникам уже не о чем говорить. Но надо знать Арктику, чтобы ясно представить себе, какой острой, какой напряжённой и волнующей может стать тема о погоде.

«Заведующему погодой», метеорологу дрейфующей станции Матвейчуку, приходилось туго. На него наседали все, будто от него и вправду зависели циклоны, туманы и ясная погода. То и дело кто-нибудь заглядывал к нему в метеопалатку:

— Георгий Иванович, дорогой, как дела? Как погода?

Чаще других наведывался молодой радист Лёня Разбаш. Настойчиво и не без ядовитости он допрашивал Матвейчука:

— Георгий Иванович... Может, скажешь, какую погодку ожидать часа через три?

— Надо повременить! Давление падает. Кто его знает, к чему все это поведёт...

— Падает... падает... А Перову что отвечать?

Настал вечер. Людно и оживлённо стало в кают-компании. Сооружённая из двух разборных домиков, она служила и столовой, и лекционным залом, и клубом. После дня работы «в поле» — на наблюдательных площадках, у гидрологических лебёдок — приятно посидеть с товарищами, послушать радио, потолковать о том, о сём... Больше всего говорили, конечно, о товарищах, застрявших у Северной Земли. Радистов, сменившихся с вахты, встречали вопросом:

— Как Перов?

— Сидит крепко.

Вошёл врач станции Виталий Волович, и, конечно, его сразу засадили за пианино.

— Виталий, сыграй нашу полярную! — попросили хором.

Волович не заставил себя упрашивать.

В палатке тепло нелегко удержать,
Брезентовый пол покрывается льдом,—

начал он.

Секунда молчания. А затем негромко, вполголоса несколько человек, сгрудившихся вокруг пианино, подхватили припев:

Но кто в ней не пожил, тому не понять,
Как дорог этот дом.

Как взволнованно и задушевно звучит каждое слово этой песни!

Пускай нелегко приходилось подчас,
И в трудностях много мы прожили дней,
Но дружба нас сделала в тысячу раз
Отважней и сильней.

Дружба... Каждый здесь готов разделить с товарищем и радость и невзгоды, помочь ему в трудную минуту. Ведь что ни говори, а

Отправляется в полёт радиозонд — разведчик высоких слоёв атмосферы.

под ногами вместо твёрдой земли коварный, вечно дрейфующий лёд и тысячеметровая пучина холодного океана. Кто не знает, как порой неожиданно и стремительно ломаются самые мощные ледяные поля и сразу вдруг оживают огромные валы торосов. Здесь, на льдине, всегда, каждую минуту надо быть наготове, чтобы неожиданности не застали врасплох...

У нас под ногами дрейфующий лёд,
Пурга наметает сугробы вокруг.
Мы вместе с тобою всю ночь напролёт
Не спим, мой друг...

Звучит песня. И мысли у всех летят к далёкому, затерянному во льдах островку: както там сейчас Перов?

Утром первый вопрос снова о Перове. Положение без перемен.

Только перед самым обедом в палатку метеорологов зашёл Константин Митрофанович Курко, старший радист, и словно мимоходом сказал:

— Вышел. Будет в двенадцать московского.

— Кто вышел? Перов? Неужели?..

— Ну да, Перов... Летит.

Через несколько минут об этом знали все. Вертолётчики ушли к своей машине. Им предстояло вылететь навстречу Перову на «аэродром подскока». Так ещё в дни высадки было названо ровное ледяное поле, на котором совершали посадку транспортные самолёты. Иногда для краткости льдину просто именовали «подскоком».

Мотор вертолёта запущен; раскрутившись, лопасти махового винта погнали по льду снежный вихрь. Вертолёт поднял передние лапы, потом совсем оторвался ото льда, повис в воздухе почти неподвижно, поразительно напоминая огромную стрекозу, и вдруг, развернувшись, набрал высоту и пошёл на «подскок».

Теперь все вдруг вспомнили, что ещё не дописаны многие письма, а товарищам, улетающим на Большую Землю, не переданы важные поручения.

Лагерь замолк, люди разошлись по палаткам.

До прибытия Перова оставалось всего минут двадцать.

И тут случилось то, что столь обычно в Арктике: начался снегопад. Серая пелена метущегося снега задёрнула горизонт; в ней растворились сначала дальние торосы, затем запасные склады горючего и продовольствия, вынесенные на несколько сот шагов в разные точки ледяного поля. Хлопья снега гнались друг за другом, сливаясь в плотную завесу. Она подступала всё ближе и ближе, сокращая видимый мир. Вскоре во мгле исчезло всё.

В палатке над газовой плиткой постоянно сушатся унты, меховые чулки, перчатки, валенки.

Снегопад с каждой минутой усиливался. И когда уже с трудом удавалось разглядеть человека, стоявшего всего лишь за двадцать — тридцать шагов, отчётливо послышался гул самолёта. Он ходил где-то совсем рядом, видимо, искал лагерь и не мог его найти. Мгновенно палатки опустели. Столпившиеся в центре лагеря люди молчаливо всматривались во мглу.

Гул самолёта удалялся. Неужели уходит? Все понимали: лагерь дрейфующей станции, как песчинка, затерялся в беспросветной мгле. Разве его найти лётчику? Но и вернуться обратно — значит пройти ещё почти полторы тысячи километров. Хватит ли горючего у Перова? Три тысячи километров туда и обратно! На такое расстояние самолёт и самого себя не дотащит. А ведь на нём грузы. Нет, он не уйдёт!

Неожиданно откуда-то со стороны снова донёсся гул мотора, и затем из снежной завесы вынырнул неправдоподобно огромный силуэт. Самолёт! Перов прошёл над лагерем так низко, что, казалось, едва не коснулся верхушек радиомачт. Наверное, ему видно, что внизу люди неистово машут руками, шапками, рукавицами — всем, что попало в руки. Но самолёт идёт неправильно, его курс почти перпендикулярен к направлению «подскока». Перову не сесть.

В радиорубке Курко напряжённо вслушивался в эфир: его помощник Лёня Разбаш вылетел на вертолёте и должен был с «подскока» давать «привод» Перову, служить ему радиомаяком. Но... самолёт Перова не слышал Разбаша.

Развернувшись и набрав высоту, вертолёт пошёл на «подскок».

— Гухор,— резко и односложно бросил Курко.

Дело плохо. Мириады быстро несущихся сухих снежинок, наэлектризованных трением, беспощадно атаковали антенну самолётного радиокомпаса. Их удары воспринимались приёмником, подобно ударам разрывных пуль. В радиокомпасе стоял грохот, заглушая все другие голоса. Это и есть гухор— полное непрохождение радиоволн.

Минут десять спустя над лагерем снова пронёсся самолёт. Его курс был тот же. Как сказать Перову, чтобы он подвернул градусов на восемьдесят?

Теперь уже и Курко пытался всей мощью своей станции пробить снегопад и связаться с Борисом Ивановичем Ивановым — штурманом самолёта. Встревоженные люди заполнили радиорубку. Каждому без слов было понятно, как сейчас неспокойно у Перова. Но чем помочь?

Снова на бреющем полёте прошёл самолёт и бесследно исчез во мгле. Даже шума моторов не слышно. Курс немного улучшился, но на аэродром Перову не выйти. А снегопад всё сильнее.

— Эх, пожалуй, Виктору Михайловичу не сесть! — неосторожно вырвалось у кого-то.

Все ожесточённо зашикали, и молчание стало ещё более томительным.

Никто не знал, да и не мог знать, что Перов в эти минуты уже принял решение. Нет, он не собирался уходить! Выход был другой, подсказанный опытом, зрелой и спокойной мыслью человека, которого профессия приучила быстро и безошибочно, с математической точностью решать самые сложные задачи. Итак, выход был другой: пробить облачность, во что бы то ни стало вырваться из снегопада, выйти на высоту, установить связь с землёй и затем пойти на посадку без приборов, вслепую, снижаясь по спирали. Перов готовился проделать эту головокружительную операцию пять, десять, пятнадцать раз, пока спираль не выведет его на «подскок»...

И тут ему неожиданно повезло. Прямо перед собой, в каком-то мгновенном разрыве снегопада, он увидел бочки, сложенные на запасном складе в нескольких километрах от лагеря. Этого было достаточно.

В первый свой прилёт на дрейфующую станцию Перов не забыл подняться на вышку вахтенного и внимательно осмотреть лагерь и его окрестности. В этом сказалась профессиональная привычка: всюду, где приходилось бывать, он на всякий случай осматривал местность с привычной позиции — с высоты. Как это пригодилось!

Бочки послужили ориентиром, который был так необходим. Спустя минуту, не выпуская штурвала и строго подчиняя своей воле машину, он уже ясно представил себе положение лагеря, аэродрома и самолёта. Набор высоты, вираж, разворот. Всё это было сделано почти автоматически, будто машина сама знала, чего от неё ждёт пилот. Перов настойчиво, до боли в глазах, вглядывался в снежную мглу. Он верил, нет, он знал, что вот здесь, впереди, его ждут не гибельные для посадки, скрытые снегопадом торосы, а та ровная ледяная площадка, которая готова дружески принять его самолёт. Это была вера в опыт, который он, полярный пилот, впитывал в себя годами на ледовой разведке, в полётах над открытым морем, над суровой сибирской тайгой. Ниже, вперёд... Ещё, ещё... И тут в поле его зрения, подтверждая точность мгновенного расчёта, ясно обозначился вертолёт. Красная стрекоза присела на самом краю «подскока». Итак, всё правильно, всё ясно. Крутой разворот, и машина с ходу пошла на посадку...

Ничего об этом не знали люди, собравшиеся в радиорубке лагеря. Вдруг Курко поднял руку, требуя тишины, хотя и так никто не решался говорить даже шёпотом.

Сквозь бурю в эфире наконец прорвалась морзянка: голоса Иванова и Разбаша.

— Вижу вертолёт,— передал штурман Иванов с самолёта.

— Вы впереди нас, повторяю, впереди нас, прямо по курсу, впереди нас,— спеша, почти задыхаясь от радости, стучал Лёня Разбаш.

Минутная пауза. И почти сразу в микрофон вновь ворвалась морзянка Разбаша:

— Есть посадка! Конец...

Дружный вздох облегчения прервал тяго-

стное молчание. Курко снял наушники. Теперь заговорили все сразу, вспоминая множество сложных и рискованных случаев из жизни полярных пилотов.

И снова морзянка, на этот раз совсем короткая: точка, два тире; точка; два тире, точка, точка; ещё две точки, тире.

— Везу,—передавал лаконично Разбаш.

И хотя сообщение это было совсем ненужным, все поняли: молодому радисту необходимо было поделиться чувствами, которые его переполняли.

Суматоха разгрузки отодвинула недавно пережитое на второй план.

Вертолёт подходил к лагерю станции. Люди бежали навстречу, не обращая внимания на проталины и снежницы.

— А ведь снегопад-то кончился,— заметил дежурный.

И в самом деле больше не мело. Никто не мог сказать, когда это произошло. Сквозь низкие облака просвечивало бледным, размытым пятном холодное солнце, а на горизонте снова обозначились торосы.

Все окружили Перова, а он, высокий, плечистый, с коричневым от северного загара лицом, энергично отвечал на рукопожатия, в смущении отмахивался от расспросов и был откровенно рад, когда суматоха разгрузки отодвинула недавно пережитое на второй план.

Ночевать Перов не остался. Он сказал, будто речь шла о посадке в метро:

— Поужинаем и пойдём к Толстикову.

Спустя несколько часов самолёт прошёл над лагерем, приветственно покачивая крыльями. Не возвращаясь на материк, Перов взял курс на далёкую точку Северного Ледовитого океана, где находилась в это время дрейфующая станция «Северный полюс-4».

Под крылом самолёта лежал район, который ещё недавно назывался «полюсом относительной недоступности». Сколько дерзости и таланта проявил человек, чтобы стало возможным так просто и обыденно летать здесь!

Долгие часы длился полёт. То и дело встречались полосы низкой плотной облачности. Виктор Михайлович уходил вверх, к солнцу. Он «хитрил», обманывал циклон. Кто-кто, а он, Перов, отлично знал, что в Арктике никогда нельзя ждать идеальной лётной погоды. Здесь, где бесшабашно врут компасы и радиопеленги, никогда не подводит пилота одно только солнце. И если циклон загородил его облачной толщей, надо вскарабкаться к нему наверх. Там не страшны ни обледенение, ни потеря ориентировки. На высоте более четырёх километров Перов всё-таки вышел к солнцу. Теперь он знал, куда идти, и уверенно прокладывал курс. Циклон остался внизу и мог злиться сколько угодно.

Правда, Арктика и на этот раз приготовила новые неожиданности. Над лагерем станции «Северный полюс-4» Перова ждал туман, такой густой и непроницаемый, что о посадке не могло быть и речи. Бросок в полторы тысячи километров пропал зря. Перов повернул на материк. Там бушевали сильные ветры, но через день Перов снова ушёл в полёт, пробился сквозь облачность, туман и с безукоризненной точностью вышел к цели — на станцию «Северный полюс-4».

Обратный путь до Москвы занял несколько дней. Рейс закончился. В полётных листах не найти каких-либо примечательных записей. В графе «Примечания» Перов коротко пометил: «Полёт протекал нормально, происшествий не было».

ПЕРВАЯ ЛЕНИНСКАЯ ЛИСТОВКА

В конце декабря 1894 года рабочие Семянниковского завода в Петербурге узнали, что им опять задержали жалованье и к празднику денег они не получат. Дома ждали голодные семьи. Сотни женщин и детей теснились у ворот завода на тридцатиградусном морозе. Прождав бесплодно несколько часов, трёхтысячная толпа рабочих отправилась к конторе. В окнах было темно. Никто не вышел к рабочим. Измученные, озлобленные люди дошли до крайности. Толпа бросилась к дому управляющего заводом и подожгла его. Зазвенели стёкла в проходной, с ворот сорвали и сбросили на землю двуглавого орла — литой чугунный царский герб.

Заводская администрация вызвала пожарную команду, полицию, казаков. Пожарные направили на толпу ледяные струи воды. Полицейские и казаки нагайками разгоняли рабочих, но они не расходились. Только в одиннадцатом часу ночи рабочим всё же стали выдавать жалованье. «Ура! Наша взяла!» — слышалось в толпе.

Однако сразу же после праздника много передовых рабочих было арестовано и выслано из Петербурга.

В те годы в России уже возникли первые марксистские революционные кружки. Работал кружок и на Семянниковском заводе. Рабочие собирались на квартире слесаря Ивана Васильевича Бабушкина, передового рабочего-революционера. Вёл кружок Владимир Ильич Ленин. Участники кружка знали его под именем Николая Петровича.

Узнав о волнениях на заводе, Владимир Ильич встретился с Бабушкиным. Он считал, что надо немедленно обратиться к рабочим, надо написать листовку, чтобы помочь рабочим понять смысл этих событий и извлечь из них уроки для дальнейшей борьбы. При активном участии И. В. Бабушкина Ленин написал листовку «К рабочим Семянниковского завода». Эта первая ленинская листовка была тайно отпечатана на мимеографе. Один экземпляр её, правда, без начала, хранится сейчас в Центральном музее В. И. Ленина.

Листовка была сшита в виде маленьких тетрадок. Бабушкин разбросал их по заводу. Рабочие находили тетрадки и в щелях окон, и на паровозных рамах, и в ящиках с инструментом.

Листовки читали вслух, прячась от мастеров. Простые, сильные ленинские слова были понятны всем.

«Знаете, есть такая игрушка: подавишь пружину и выскочит солдат с саблей. Так оно вышло и на Семянниковском заводе, так будет выходить везде; заводчики и заводские прихвостни это — пружина: надавишь ее разок,— и появятся те куклы, которых она приводит в движение,— прокуроры, полиция и жандармы. Возьми стальную пружину, надави ее разок, да отпусти — она тебя же ударит... Но всякий из нас знает, что если постоянно, неотступно давить эту пружину, не отпуская ее, то слабеет ее сила и портится весь механизм... Как-никак, а пружина уступает только одному давлению: подавили семянниковские рабочие, глядь, и жалованье выдали, и куколок своих, струхнув, прислали; сам господин градоначальник послал офицера с деньгами. Поослабла сила давления,— пружина снова оттопырилась, и господин градоначальник, сидя в своем уютном кабинете, распоряжается, куда кому из лучших рабочих ехать из Питера. Значит, давить-то нужно, но уж давить, так давить дружней, всем в одну сторону, и не отпускать, а то опять только еще больней ударит. Много дела еще предстоит русскому рабочему, много будет жертв с его стороны, но не безнадежна его работа, и пора, уже давно пора к ней приступить...»

— Вот это по-нашему, по-рабочему сказано,— говорили рабочие, слушавшие листовку.

Напрасно старались хозяева и полиция помешать распространению ленинской листовки. Её читали, обсуждали, передавали друзьям на другие заводы...

Ленинские слова поднимали людей на борьбу. Целую неделю бастовали рабочие мастерских петербургского порта, строившие броненосец «Петропавловск»; они добились выполнения своих требований. Поднялись рабочие фабрики Торнтона, рабочие завода «Новое адмиралтейство» и других предприятий. В феврале 1895 года снова, на этот раз уже организованно, выступили рабочие Семянниковского завода. Так отозвалась в сердцах рабочих первая ленинская листовка.

М. Мельникова

ПЕРВАЯ ЛИСТОВКА. Ф. Голубков.

РАССТРЕЛ РАБОЧИХ ЦАРСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ В ПЕТЕРБУРГЕ 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА. И. Владимиров.

Мглистое утро встаёт над Петербургом, над Дворцовой площадью, над твердыней Зимнего. Под стенами дворца выстроилось войско. Лиц солдат не различишь. На снежном поле стоит сплошная серая шеренга. По приказу царя войско стреляет в безоружных людей...

Художник И. Владимиров не выдумал содержание своей картины. То, что здесь нарисовано, он видел своими глазами, так было на самом деле. 9 января 1905 года, ровно пятьдесят лет тому назад, царь Николай II приказал стрелять в рабочих, которые пришли искать у него защиты.

Это был трудный год для русского народа. Только что кончилась война с Японией, проигранная царским правительством. Вся тяжесть войны и поражения легла на плечи бедняков. Дорожал хлеб, дорожали дрова, а за труд платили очень мало. Передовые рабочие понимали, что правы большевики: единственный выход — в борьбе. Начались стачки. Забастовал огромный Путиловский завод, за ним — другие. В январе бастовало сто пятьдесят тысяч питерских рабочих.

Правительство решило устрашить народ, утопить в крови «бунт», не гнушаясь ничем: ни ложью, ни провокацией. Тайный агент полиции Гапон убеждал рабочих пойти к царю с просьбой облегчить их участь. В ту пору многие ещё верили, что царь добр и милостив, что надо только рассказать ему правду. И вот в воскресенье 9 января на Дворцовой площади собралось сто тысяч человек. Сюда пришли женщины, старики... На деревьях Александровского сада сидели ребята: им тоже хотелось послушать, что ответит народу «батюшка-царь».

Царь ответил так, как и предсказывали большевики, отговаривавшие народ идти к царю: он ответил свинцом. Несколько тысяч людей было убито и ранено в тот день, среди них и ребята, сидевшие на деревьях.

Эта жестокая расправа обернулась против тех, кто её затеял.

Ленин писал о 9 января: «...революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни».

9 января вместе с неповинными людьми была расстреляна вера в царя и началась первая народная революция в России.

Через «Пустыню отчаяния»

Ф. Ф. Талызин,
член-корреспондент Академии медицинских наук.

Рисунки автора.

Четверо

Под колёсами с шипением и хрустом лопается тонкая корочка, покрывающая пески. С таким хрустом ломается обычно молодой наст на снегу. Но здесь, где проходит наш путь, снег, наст, мороз представляются чем-то невероятным. Горячее солнце Ирана раскалило и воздух и землю. Дрожащее марево стоит над песками. Корочка, которая хрустит под колёсами нашей машины,— это соль. Мы едем по Большой солёной пустыне Деште-Кевир. Нас в машине четверо: два врача, проводник и шофёр.

Доктор Орлов приехал сюда вместе со мной из Советского Союза. Мы вместе с группой советских врачей помогаем нашим иранским коллегам справляться с эпидемиями, которые свирепствуют в Иране.

С шофёром Шараповым и проводником Ширази нас связывает не очень давнее знакомство. В маленьком пограничном городке Астаре, первом иранском городке, к нам подошёл русый сероглазый человек богатырского сложения и просто, без предисловий сказал:

— Здравствуйте. Я Шарапов. Меня прикомандировали к вам из советского консульства в Реште. Теперь я ваш шофёр. Куда поедем?

Мы ответили:

— Прямо в Решт.

И машина отправилась в Решт.

Доктор Кавалеров, приехавший в Иран до нас, рассказывая нам об эпидемии возвратного тифа в Бендер-Шахе, куда нам первым делом предстояло ехать, сказал:

— Вам обязательно нужен хороший проводник и переводчик.

— Конечно,— согласился я,— но где же мы его разыщем?

— Да нет ничего проще... Ибрагим, пригласи ко мне, пожалуйста, Ширази.

Ибрагим молча кивнул и вышел.

— Сейчас вы познакомитесь с Ширази. Это незаменимый человек. Он знает жизнь и обычаи самых разных сословий. Иранцы любезны и предупредительны, но обращение их меняется в зависимости от того, с кем они имеют дело. По народной поговорке, иранец беседует «с голубем по-голубиному, с соколом по-соколиному», и надо хорошо знать местные обычаи, чтобы никого нечаянно не обидеть. Гость здесь входит в шапке, но без обуви. Заговорить сразу о деле считается неучтивым. Сначала надо сказать хозяину ряд любезностей, расспросить о здоровье, но ни в коем случае не касать-

ся здоровья его супруги. На взгляд иранца такой вопрос совершенно неприличен. С Ширази вы не попадёте впросак. Он прекрасно знает здешние правила вежливости.

— Это очень важно! — сказал Орлов. — Ведь уважение к обычаям народа — первейший закон путешественников.

— Вы полюбите Ширази,— помолчав, добавил доктор Кавалеров.— И если вы сумеете заслужить его уважение, он будет вам надёжным и верным товарищем и никогда не покинет вас в трудную минуту.

Лёгкий стук в дверь прервал его слова.

— Войдите,— сказал доктор Кавалеров.

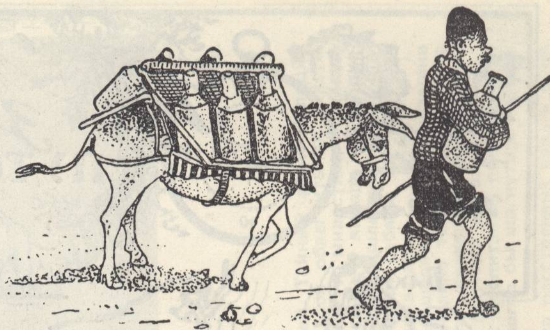
В дверях появился невысокий смуглый человек с огромными чёрными усами и ярким цветком в петлице пиджака. Это и был Ширази. Кавалеров познакомил нас, и мы разговорились.

Бронзовое лицо Ширази с непостижимой быстротой меняло выражение по мере того, как он говорил. Из-за этих перемен трудно было угадать его возраст. Вот Ширази улыбнулся, и кажется, что он не старше двадцати пяти лет; нахмурился, и сразу даёшь ему все пятьдесят. Узнав, что нам нужен проводник, он поклонился и сказал коротко:

— Я весь к вашим услугам.

Мы начали обсуждать предстоящую поездку.

Договорившись о дне выезда в Бендер-Шах, он попрощался и вышел быстрым и лёгким шагом.

В колодцах Решта плохая, невкусная вода, и для питья водоноши привозят издалека ключевую холодную воду.

Старинная узкая улочка в Реште. Здесь расположен пёстрый восточный базар.

Машина идёт по компасу

Мы заканчивали в Бендер-Шахе борьбу с эпидемией возвратного тифа, когда пришло известие, что опасная болезнь косит жителей Исфахана и там ждут нашей помощи.

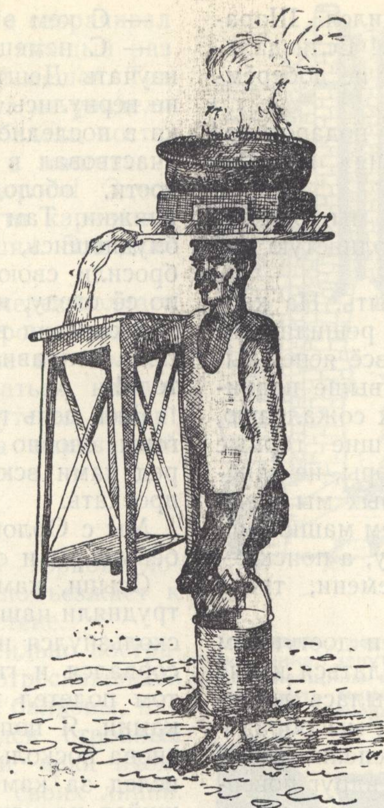
Между Бендер-Шахом и Исфаханом лежит пустыня Деште-Кевир. Какой выбрать путь? В объезд пустыни — семьсот пятьдесят километров. Напрямик — четыреста восемьдесят, в полтора с лишним раза короче.

Мы решили пересечь Деште-Кевир. Ведь нашей помощи ждут больные в Исфахане, да, кроме того, в сердце пустыни, где многие десятилетия не ступала нога человека, можно сделать наблюдения, важные для науки.

Мы сторонники теории замечательного советского учёного Евгения Никаноровича Павловского, который учит, что вести войну с болезнями надо не только у постели больного, но и в тех местах,

откуда приходят к людям болезни. А приходят они из самых неожиданных, часто очень глухих и безлюдных мест. Возбудители энцефалита, малярии, возвратного тифа, с которым мы боролись в Бендер-Шахе, и многих других болезней гнездятся в насекомых и клещах; те своими укусами передают их животным. Животные, не заболевая, носят эти микроорганизмы в своей крови и снова передают их клещам, комарам или москитам.

Столетиями может существовать в природе такой никому не ведомый смертоносный очаг. А потом случайно забредёт сюда человек. Здесь с укусами паразитов к нему в кровь проникнут микробы. Человек может унести с собой болезнь в новые места. И так может начаться эпидемия возвратного тифа, принося людям страдания и смерть.

Торговец похлёбкой. На голове у него очаг с углями и котёл с кипящим супом.

Вот такие очаги мы и хотели поискать в пустыне.

Как уговаривал нас Ширази отказаться от этого плана!

— Пустыней никто не ездит,— говорил он.— Мудрая иранская пословица говорит: «Плохая короткая дорога длиннее дороги длинной, но хорошей».

— Мы ответим вам, Ширази, другой мудрой пословицей: «Дорого ведро к пожару». В Исфахане умирают люди, мы не вправе искать лёгкий путь. Да, кроме того, мы сможем посмотреть, нет ли там, в пустыне, клещей, в которых живут возбудители болезни.

— Ну и пусть живут! Кому они там мешают? Стоит ли из-за каких-то клещей рисковать жизнью учёных людей?

— Не из-за клещей, положим, а из-за больных...

— Но в пустыне нет больных! А клещей вы найдёте и на том пути, что идёт в объезд пустыни. Ведь ловили же вы их в Бендер-Шахе и на пути в Решт с кабанов снимали и с дикобразов... У вас полные трубочки этой нечисти.

— Всё это верно, Ширази, даже то, что в пустыне нет больных. Но потому-то нам и важно найти там природные очаги болезней, очаги, существующие без людей. Надо постараться уничтожить болезнь до того, как она подкрадётся к человеку, поэтому учёные ищут и уничтожают природные очаги возбудителей и среди степей, и на горных вершинах, и в лесных чащах, и в болотных топях... Нет, не отговаривайте нас. Мы во что бы то ни стало должны побывать в этой пустыне.

— Ну, тогда и я с вами,— сдался Ширази. — Погибать — так вместе.

— Зачем же обязательно погибать? — засмеялись мы.

— Не смейтесь, вы не знаете, что такое Деште-Кевир,— вздохнул Ширази,— люди называют её «Пустыней отчаяния»...

И вот Шарапов за рулём. Машина, взяв курс на юг, ныряет по песчаным волнам. В довершение сходства с мореплавателями мы по компасу определяем свой путь в безбрежном песчаном море, где нет никаких ориентиров и древние караванные тропы давно заметены ветрами.

В плену неведомых гор

Проехав часа два песками, мы очутились на берегу какой-то безымянной речки. Вода в ней была такая солёная, что опущенная в неё рука сразу же покрывалась «перчаткой» из мельчайших кристаллов соли.

Отыскав брод, мы переправились на другой берег. Но не проехали и семи километров, как нам преградило дорогу ещё одно русло. Речка пересохла, осталась топкая, густая соляная жижа на дне. Добрый час мы таскали камни, валявшиеся на берегу, и сооружали переправу — две каменные колеи для колёс машины. Весь день прошёл в «инженерных» работах, потому что дальше нам преградили дорогу ещё пять непролазных соляных топей.

— Вот так пустыня! — сердился Шарапов. — Паршивое болото солёное! Если дальше так пойдёт, мы и за сто лет не доберёмся до другого края.

Но не знал Шарапов, какой подарок готовила нам «Пустыня отчаяния» на следующий день.

Утром, тронувшись в путь, мы разглядели на горизонте синеватую волнистую линию.

Что это? Горы? Не может быть. На карте здесь нет никаких гор. Мы решили, что видим мираж. Но горы росли, всё яснее вырисовывались их контуры, всё выше поднимались зубчатые гребни. Нет, к сожалению, это был не мираж, — настоящие горные хребты преградили нам путь. Горы, не нанесённые на карту, горы, о которых мы ничего не знаем! Как же мы проведём машину по этим горам? Надо искать дорогу, а поиски — это непредвиденная трата времени, трата воды, бензина.

Сперва подъём был отлогим и доступным для машины. Потом он стал делаться круче и круче. Когда через час открылась лощина, тянувшаяся с севера на юг, мы обрадовались и свернули в неё, но постепенно лощина всё больше сужалась, потом вдруг повернула на запад и упёрлась в каменную стену.

— Машина, знаете ли, не коза, чтобы скакать по таким скалам, — проворчал Шарапов.

Пришлось повернуть обратно. Взяли левее, но снова наш путь преградили скалы. Уже добрых три десятка километров проколесили мы зря, а каждый лишний километр уменьшал запасы бензина.

— Вот так было и с ними, — задумчиво сказал Ширази.

— С кем это, с ними? — спросил я.

— С немецкими географами. Они хотели изучать Деште-Кевир, отправились сюда и не вернулись. Помните того высокого старика в последнем перед пустыней селении? Он участвовал в поисках этих учёных. Нашли кости, обглоданные шакалами, записные книжки. Там было написано, что они, заблудившись, израсходовали весь бензин, бросили свою машину и хотели вернуться по её следу, но погибли от жажды... Ведь я рассказывал вам всё это перед тем, как мы сюда отправились, да вы и слушать не хотели!..

Весь день прошёл в поисках перевала, но горы, словно заколдованные, смыкались перед нами всюду, куда бы мы ни пытались проехать.

Мы с Орловым решили забраться на гребень горы и оттуда произвести разведку.

Осыпи, камнепады, скалистые кручи затрудняли наш подъём. В одном месте я поскользнулся и толкнул большой камень. Он сорвался и гигантскими скачками с грохотом полетел вниз, увлекая по пути другие камни. Я попытался обойти опасное место, снова поскользнулся и чуть не сорвался сам вслед за камнями. Орлов, уже закрепившийся на каком-то выступе, успел, схватив меня за руку, удержать от падения. Но вот мы достигли гребня и осмотрелись. И на запад и на восток, сколько видит глаз, непрерывной грядой тянулись горы. Нигде ни малейшего признака перевала.

Мы попробовали осмотреть местность с другой, более высокой точки, но, не обнаружив никакой дороги, спустились к машине. Было ясно, что здесь не проехать. Мы вернулись к подножию гор. Солнце багровым шаром опустилось за горизонт, и сразу наступила ночь. Сумерек здесь не бывает.

Разожгли костёр из сухих колючек, поужинали, легли спать. Перебирая в памяти все события этого трудного дня, я невольно улыбнулся, вспомнив, как энергично протестовал Шарапов, когда я в поисках клещей обследовал несколько нор, встретившихся в этих горах.

Утром, с первыми лучами солнца, мы снова принялись искать дорогу. Шарапов вёл машину

Надгробия в виде львов. Они сохранились от древнейших времён.

вдоль горной цепи, он то и дело сворачивал в открывавшиеся ложбины, но каждый раз они приводили нас в каменный мешок. Так бились мы три часа, пока вдруг не увидели ещё один проход, вдоль него белели кости. Ширази в волнении привстал в машине:

— Сюда, сюда, вот она, дорога! Здесь проход через горы. Старые пути караванов всегда усеяны костями погибших. Эти кости — указатели пути!

Мы послушались Ширази и через полчаса заметили справа и слева от тропы две пирамидки, аккуратно сложенные из камней. Такие холмики стали встречаться нам и дальше. Дело рук человека, путевые знаки! Значит, мы действительно на караванной дороге.

Серые клещи

Наконец мы вырвались из горной ловушки, и вот наша машина подъезжает к какой-то полуразвалившейся стене.

Здание, когда-то красивое, сильно пострадало от времени. На его потрескавшихся стенах кое-где ещё держались балконы, над центральной частью возвышался стройный купол, обрушившаяся местами арка входной двери сохранила красоту своих линий. Видимо, это был прежде большой караван-сарай, гостиница на караванном пути.

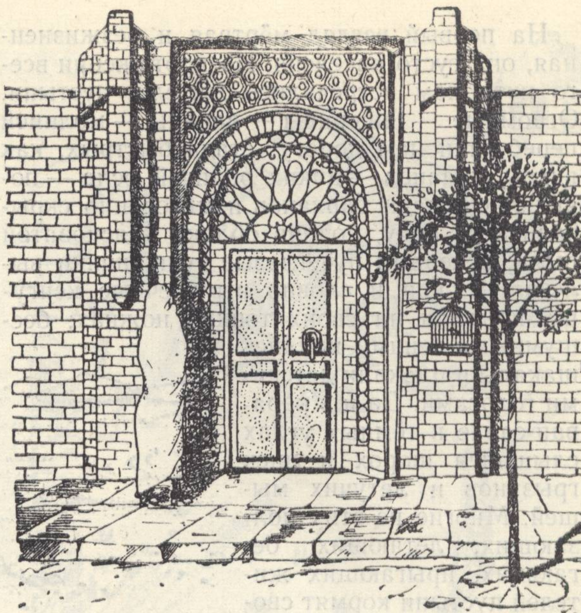
Спускаясь по щербатым ступеням, ведущим внутрь, мы наткнулись на череп человека. Деште-Кевир на каждом шагу напоминала нам о своих победах над человеческой жизнью.

Но мы сейчас не думали о том, что всё ещё находимся в её власти. Мы шарили по стенам, собирали в щелях и трещинах тонкую глиняную пыль и просеивали её. И когда, глядя в лупу, мы увидели, как на тонком переплетении сита копошатся маленькие серые существа с короткими ножками и массивным телом, у нас с Орловым вырвался крик торжества:

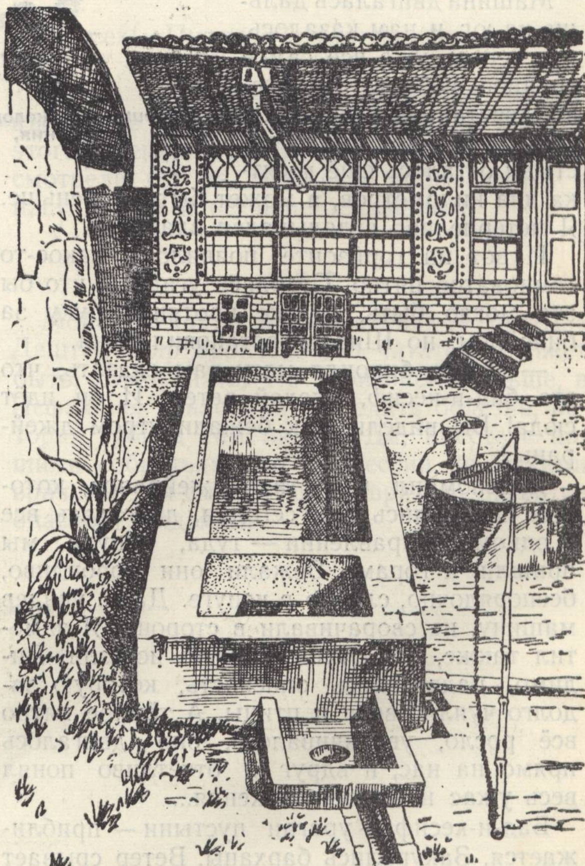
— Вот они, орнитодорусы!

Значит, правильны были наши предположения. Десятки, а может быть, и сотни лет прошли с тех пор, как сюда последний раз приходил человек. Но серый клещ, как ни в чём не бывало, гнездится здесь, а в нём живут маленькие, невидимые спирохеты и словно поджидают случайного путника, чтобы передать с ним в города и сёла тяжёлую болезнь — возвратный тиф.

Найденные нами клещи орнитодорус-папиллипес были толстые, сытые, насосавшиеся крови. Чья же кровь служила им пищей? Ответ давала сама пустыня.

Это дверь, ведущая в богатый дом. У двери стоит женщина, закутанная в покрывало: в Иране до сих пор женщины закрывают лицо. Чтобы приятно было проходить мимо дома, хозяин повесил на дереве у входа клетку с певчей птичкой.

Хранилище для дождевой воды во дворе. Задняя дверка ведёт в подземелье, где также сохраняется вода.

На первый взгляд мёртвая и безжизненная, она густо населена. На протяжении всего пути нам встречались жители пустыни. Огромные ящерицы — вараны — молнией перебегали нам дорогу; стада быстрых, как вихрь, куланов — диких родичей осла — появлялись среди барханов и мгновенно скрывались из виду, подняв облака красноватой пыли; вечерами пучеглазые тушканчики вылезали из нор и, словно игрушечные кенгуру, прыгали на своих тонких ножках; бесшумными тенями крались шакалы и плакали детскими голосами. Да и в караван-сарае в тёмных углах слышался шорох и писк грызунов и летучих мышей. Многие из этих ползающих, летающих, бегающих, прыгающих жителей пустыни кормят своей кровью клещей.

Ураган

Машина двигалась дальше на юг, и нам казалось, что теперь уже всё самое трудное позади. Пройдено двести шестьдесят километров — до края пустыни осталось ещё десятка два километров, а может быть, и меньше. Я нетерпеливо вглядывался вдаль.

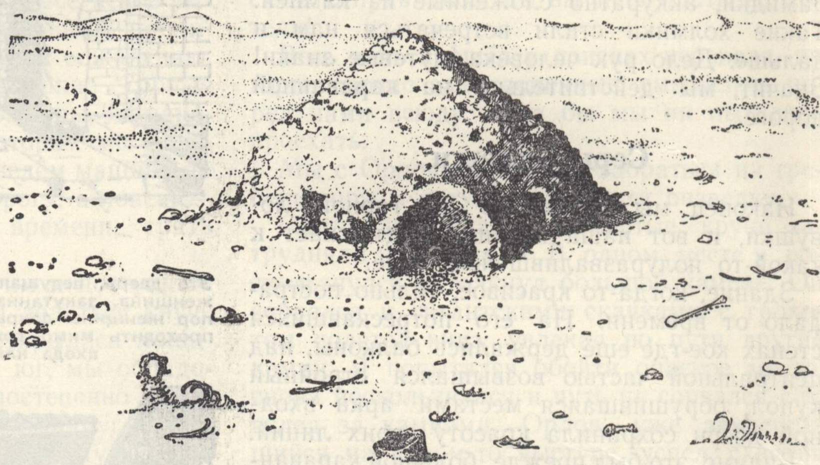
И вот на горизонте появилось какое-то темноватое пятно. Стараясь угадать, что бы это могло быть, я уже протянул руку за биноклем, но Ширази остановил меня.

— Я без бинокля могу вам сказать, что это бад-и-кесиф, плохой ветер. И он идёт сюда! Вы видели, как бежали утром джейраны?

Я вспомнил, что стада джейранов, которые попадались нам сегодня, двигались все в одном направлении — туда, откуда мы пришли, к горам. Бежали они торопливо, беспорядочно, словно в испуге. Даже увидев машину, не сворачивали в сторону. Я заметил также, что птицы куда-то исчезли. Видимо, надвигалась опасность, которую задолго чуяли звери и птицы. А тёмное пятно всё росло, увеличивалось, оно двигалось прямо на нас, и вдруг я отчётливо понял весь ужас нашего положения...

Бад-и-кесиф — ураган пустыни — приближается. Закурились барханы. Ветер срывает с их гребней струи раскалённого песка. Всё больше в воздухе горячей пыли. Медно-красными облаками поднимается она выше, выше, и зловещим багровым шаром просвечивает сквозь неё солнце. Вот уже с шипением и свистом несётся песчаная метель, закручивается вихрями, сечёт лицо мириадами песчинок. Они забиваются в глаза, в нос, в горло, ослепляют, не дают дышать. У всех растрескались губы. Шумит в ушах, то и дело идёт носом кровь.

Пить, пить! Я проверяю запасы воды. Четыре баллона уже совсем опустели, а в пятом, последнем, едва наберётся несколько фляжек тёплой и мутной воды. Только бы переждать ураган!

Заброшенный колодец в пустыне. Он спрятан от солнца и песка внутри строения, и всё же он высох. Вокруг — кости верблюдов.

Мы поспешно начинаем растягивать брезент, чтобы защититься от ветра и всюду проникающего песка. Но тут же приходится его свёртывать. Нашему проводнику Ширази стало плохо. Нам, врачам, достаточно беглого взгляда, чтобы увидеть: ему грозит тепловой удар. А здесь, среди раскалённого ада песчаной бури, это смертельная опасность. Его жизнь на волоске. Нет, не придётся нам ждать, пока пролетит над нами бад-и-кесиф.

Поспешно оказав Ширази помощь, мы садимся в машину, и Шарапов гонит её вовсю. Ориентиром нам служит тусклый диск солнца. Сейчас полдень, оно на юге, в направлении нашего пути.

Ветер оказывает машине бешеное сопротивление, бросает на неё потоки песка. Кажется, «Пустыня отчаяния» в ярости, что от неё хотят ускользнуть четыре жертвы. Но машина идёт вперёд, упрямо пробиваясь сквозь ревущий, воющий песчаный ад. Шарапов надвинул на глаза тёмные очки и

стиснул баранку руля своими большими руками так, что на них суставы побелели.

Колёса то и дело вязнут в песке, начинают буксовать. Шарапов раскачивает машину: вперёд — назад, вперёд — назад, — чтобы вырваться. Если это не помогает, мы с Орловым выскакиваем наружу и, полуослеплённые, задыхающиеся, подкладываем доски под колёса.

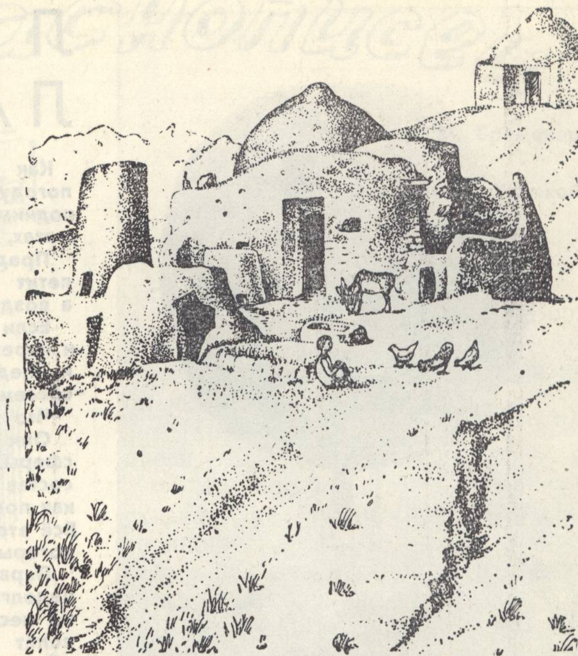
Так, шаг за шагом, в непрерывной борьбе отвоёвываем мы у бури, у пустыни каждый метр.

Но что это? Кабину вдруг наполняет удушливый, едкий дым. Новая беда нагрянула на нас нежданно-негаданно. Пожар! Уже вырываются из-под кузова языки пламени. В любую минуту может взорваться бензобак.

Кажется, никогда мы не действовали с такой быстротой, как сейчас. Опасность словно удесятерила наши силы. Мы забрасываем огонь песком, на этот раз ветер помогает нам. Он тоже швыряет песок, сшибает пламя. Шарапов нырнул под колёса и, обжигая руки, вытащил огромный спутанный клубок пылающих колючек и стеблей. Вырванные бурей, они застревали за осью, между колёсами машины, и, наконец, вспыхнули, как порох, от искры, вылетевшей из выхлопной трубы.

Огонь мы погасили быстро. И снова тронулись в путь, то и дело останавливаясь, чтобы подтолкнуть буксующую машину. Шарапов с тревогой показал нам стрелку бензоуказателя. Она стояла на цифре три. Это означало, что у нас остаётся только три литра бензина.

Где же конец пустыни? Казалось уже, что его никогда не будет, как вдруг, делая очередную вылазку, чтобы освободить машину из песка, мы наткнулись на дерево. Впереди в песчаной мгле вырисовывались деревья, а за ними — очертания высокой глиняной стены. Вздох облегчения вырвался у всех! «Пустыня отчаяния» осталась позади.

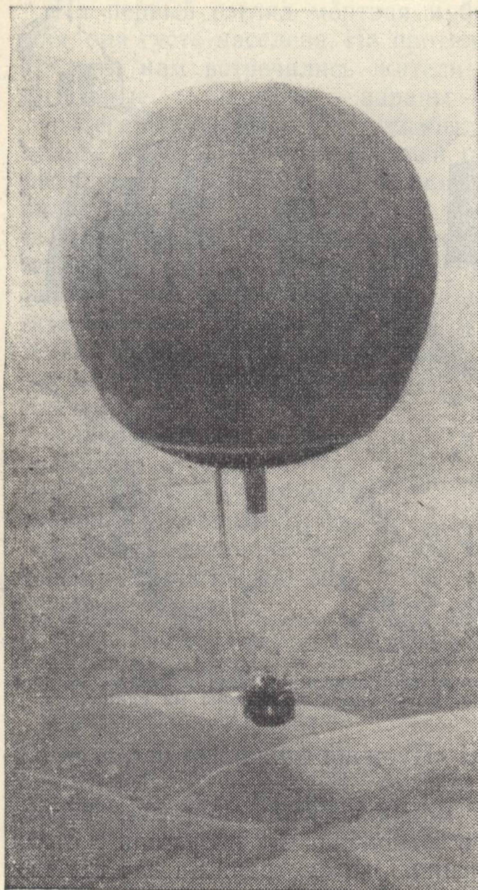

Такие селения мы увидели, пройдя пустыню, на юге Ирана. Дома здесь построены из глины.

Когда машина через широкие ворота въехала в Нейрабад, нас окружили жители этого селения. Они смотрели на нас так, как смотрели бы на человека, побывавшего в пасти тигра и оставшегося живым.

* * *

Мой рассказ о приключениях в пустыне Деште-Кевир окончен. Но читатель, может быть, хочет знать, что произошло дальше, в Исфахане, удалось ли победить болезнь, которая губила там людей. Да, вместе с нашими собратьями по профессии, иранскими врачами, мы смогли предотвратить развитие опасной эпидемии.

ЛЕТАЮЩАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Как вы, ребята, думаете: почему учёные, изучающие погоду,— метеорологи — для наблюдений над атмосферой поднимаются на воздушных шарах, или так называемых аэростатах, как сто лет назад, когда ещё не было самолётов!

Представьте себе, аэростат для них удобнее. Ведь самолёт летит своей скоростью, независимо от движения воздуха, а воздушный шар плывёт в воздухе, как лодка по воде.

Если учёный начал вести наблюдения в одном облаке, он и через час и через день будет лететь всё в том же облаке и следить за ним, а самолёт к этому времени будет уже совсем далеко, в другой воздушной среде.

Что же изучают аэрологи!

Они узнают, какая температура в различных слоях атмосферы, много ли в воздухе водяных паров, как изменяется состав воздуха с высотой, много ли в воздухе электричества, как построены водяные капельки, из которых состоит облако. Всё это они узнают с помощью множества точных приборов, которые берут с собой.

Первые воздушные шары держались в воздухе совсем недолго, а теперь они усовершенствованы, и учёные могут по нескольку суток вести свои наблюдения. Замечательный полёт совершили работники Центральной аэрологической обсерватории: заслуженный мастер воздухоплавательного спорта С. Зиновеев, кандидат географических наук С. Гайгеров и радист М. Кирпичев.

Они плавали в воздухе без посадки почти четверо суток — восемьдесят четыре часа,— пока высокие хребты Тянь-Шаня не преградили им путь.

Так советские учёные исследуют, отчего и как изменяется погода. Их наблюдения позволяют составлять более точные предсказания погоды.

А. Масенкис,
инженер-воздухоплаватель.

Шар приземлился! И сразу у аэронавтов появились добровольные помощники — ребята из ближнего села.

Свой баснописец

Рассказ М. Бременера.

Рисунки Ю. Узбякова.

Как-то после уроков, когда наша редколлегия сидела над чистым листом ватмана и планировала очередной номер стенгазеты, в класс вошёл Боря Калинкин.

— Ребята,— сказал он, отчего-то смущаясь,— я вот подумал... И, по-моему... мне кажется, мы могли бы... Может, нам басни помещать, а?

Минуту мы помолчали, потому что такая мысль ни разу не приходила нам в голову. Я, как заведующий отделом юмора, конечно, заинтересовался этим предложением.

— Мы бы помещали басни,— сказал я,— если бы у нас были баснописцы. А раз их нет, так откуда же взять басни?

И тогда Боря Калинкин вынул из кармана куртки листок бумаги и протянул мне. Пока мы читали, он неотрывно следил за нашими лицами.

— Ну, как? — спросил он, когда все прочли, и покраснел.

— Что ж,— сказал наш редактор Юра Мухин.— Это басня. «Волк и ягнёнок», так? Про вчерашний случай?

— Да,— сказал Боря Калинкин.

Речь шла о том, что вчера во время перемены шестиклассник Грачёв приставал к второкласснику Куницыну, пока не вмешался проходивший мимо сторож Федосеич.

— Волк — это, значит, Грачёв? — спросил редактор.

Боря Калинкин кивнул.

— А ягнёнок — Куницын?

— Куницын,— подтвердил Боря.

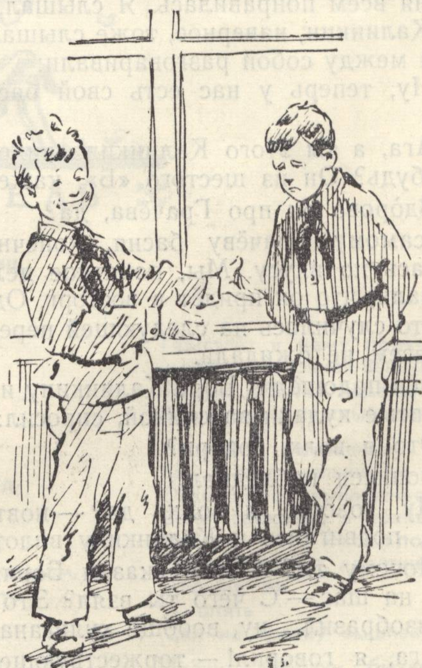
Юра Мухин задумался.

— Ясно ли это будет? — произнёс он неуверенно.

— По-моему, да,— сказал баснописец,— это же аллегория...

— Я понимаю, что аллегория! — сказал Юра Мухин, почему-то рассердившись.— Мы-то понимаем, а ведь у нас есть и такие читатели, которые аллегории не проходили еще! Они и про эпитет ещё не слыхали, а ты им аллегорию! — И наш редактор озабоченно нахмурился.

Боря Калинкин молчал, видно, не зная, что возразить. Но тут мы все стали убеждать Юру Мухина, что в басне всё понятно. Кончилось тем, что решено было её поместить. Юра Мухин настоял только, чтоб над

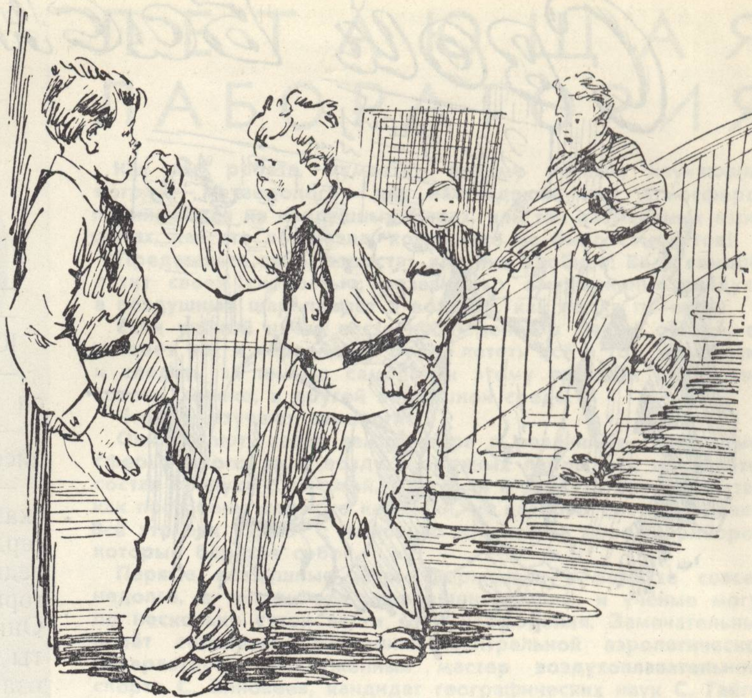

— Ага, я говорил! — торжествующе закричал Грачёв. — Я говорил, это не про меня!

басней было написано: «Некоторые шестиклассники пристают к некоторым малышам». И после того, как на это согласились, редактор больше уж не возражал против басни Бори Калинкина.

Через несколько дней стенгазету вывесили. В большую перемену возле неё столпились ребята. Все обращали внимание прежде всего на басню. Под нею было выведено крупными буквами «Борис Калинкин», а сам Боря стоял немного поодаль и смотрел на читающих.

Читатели, не отходя от газеты, обсуждали басню и рисунок к ней. На рисунке был изображён волк с длинными, как кинжалы, клыками, который замахнулся передней лапой на небольшого козлика, хотя в басне речь шла о ягнёнке, а вовсе не о козле.

— Говори, я главный баран, да? — закричал Грачёв.

Ребята ругали нашего газетного художника за то, что он только испортил басню, а художник оправдывался. Он уверял, что козёл и ягнёнок — это одно и то же.

Басня всем понравилась. Я слышал, да и Боря Калинкин, наверное, тоже слышал, как ребята между собой разговаривали:

— Ну, теперь у нас есть свой баснописец!..

— Ага, а ты этого Калинкина видел когда-нибудь? Он из шестого «Б», кажется?..

— Здо̀рово он про Грачёва, да?

Но самому Грачёву басня, конечно, не пришлась по вкусу. Мы, понятное дело, и не думали, что он придёт в восторг. Однако того, что случилось на следующей перемене, мы совсем не ожидали.

Грачёв подошёл к Боре Калинкину и, держа сжатые кулаки за спиной, спросил:

— Это я волк, говори?

Баснописец побледнел.

— Ну, говори, я волк, да? — повторил Грачёв, подвигаясь к Калинкину вплотную.

— Почему ты? — тихо сказал Боря, отступая на шаг.— С чего ты взял? Это просто я изобразил... ну, вообще хулигана.

— Ага, я говорил! — торжествующе закричал Грачёв.— Слыхали?! Я говорил, это не про меня!

Вокруг собрались ребята.

— Вот,— обратился к ним Грачёв,— кто лучше знает, про меня это или нет, вы или Калинкин? А он сам сказал! Повтори-ка, Калинкин!..

И Боря, правда, неохотно, но всё-таки внятно повторил, что басня не про Грачёва, а так, вообще...

— Пожалуйста,— радовался Грачёв,— прошу теперь на меня не указывать!

Мы были поражены поведением баснописца. Я считал, что Боря Калинкин просто струсил, а некоторые всё же поверили, что, может быть, Боря, и правда, писал не о Грачёве и Куницыне.

Наша редакция решила было без всяких аллегорий назвать Грачёва зажимщиком критики. Но, подумав, мы поняли: этого нельзя сделать. Раз Калинкин отрицает, что критиковал Грачёва, как тут докажешь что-нибудь! Очень было досадно, что с первой басней так нескладно вышло. И когда Боря Калинкин вскоре принёс в редакцию вторую басню, она нам уже меньше понравилась. Хотя эта басня была совсем про другое, в ней опять действовали волк, ягнёнок и ещё енот. Мы поместили эту басню, но не на видном месте и без рисунка.

Примерно через неделю он опять дал мне басню. Наша редколлегия её рассмотрела, и Юра Мухин велел вызвать баснописца для

разговора. Когда Боря Калинкин пришёл, Юра сказал ему:

— У тебя, Калинкин, что-то каждый раз одни и те же животные. Это снижает, понимаешь ли, ценность твоих басен. Ты вот возьми Крылова почитай...

Боря Калинкин помолчал, подумал и ответил:

— Да, конечно, Крылов знал больше зверей.— Он помолчал и добавил: — И вообще он был опытнее...

После этого разговора в творчестве Бори Калинкина наступил перерыв недели на две. И только на днях он написал новую басню. Он написал о том, что приключилось у нас накануне. А накануне почти половина шестого класса «А» по наущению Грачёва сбежала с последнего урока. И вот это событие Боря Калинкин изобразил, как говорится, по свежим следам и, конечно, в аллегорической форме. В басне были не сбежавшие ученики, а резвые бараны, и к ним обращался главный баран со словами, очень похожими на те, которые произносил Грачёв. Это была удачная басня, и мы её поместили. Уж теперь-то Грачёв не сможет отвертеться!

В тот самый день, когда мы вывесили номер стенгазеты, я, спускаясь после уроков в раздевалку, увидел, что Грачёв притиснул к стене Борю Калинкина и, совсем как после первой басни, громко спрашивал:

— Говори, я главный баран, да?

— Ты! — закричал я издалека и бросился к ним.— Так и ответь ему, Борька. Чего молчишь?

Грачёв не стал дожидаться, пока я подбегу; он немедля поднёс к носу баснописца кулак и повторил свой вопрос. И я услышал, как Боря Калинкин сказал:

— Чего ты, Грачёв, вовсе я тебя и не изображал в басне, не думал даже...

У меня прямо руки опустились.

С тех пор мы больше не печатаем бориных басен. И вообще пока что в нашей газете нет басен. Но как только в школе появится смелый баснописец, мы будем помещать его басни.

ВЫШИВАТЕЛЬ

Владимир Лифшиц

Вы когда-нибудь видали,
Чтоб мальчишки вышивали?

Не видали никогда?
Да?..
Ну, а я приехал в лагерь:
Речка,
Пять сосновых дач,
Льются песни,
Плещут флаги,
Взад-вперёд летает мяч.

А в сторонке,
У опушки,
Чинно,
сидя на траве,
Рукодельницы-подружки
Вышивают по канве

И матрёшку,
И зайчишку,
И котёнок не забыт...

Вдруг гляжу:
Сидит мальчишка
Лет двенадцати на вид.

Взял он нитки,
Взял иголку
И, склонившись над холстом,
Вышивает пруд и ёлку,
Как положено,
Крестом.

Вышивает со стараньем,
Видно, к делу он привык.
Так увлёкся вышиваньем,
Даже высунул язык!..

Пристаёт к нему приятель:
— Эй! Девчонка! Вышиватель!
Ты уж юбочку надень,—
Вышиваешь каждый день!..

На такое замечанье
Был ответ мальчишки прост.
Отложил он вышиванье,
Встал спокойно в полный рост.
Раз, два, три — и всё в порядке:
Приставалу на лопатки
Уложил он
И опять
Сел на травку вышивать.

Значит, всё-таки бывает,
Что и мальчик вышивает!

Это видел лично я:
Вышивка отличная!

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Туфельки для канарейки

ПОЛЬСКАЯ СКАЗКА

Рисунки О. Зотова.

Когда у крестьянина в летнюю пору свободное время бывает? Когда дождь зарядит.

Вот однажды в проливной дождь поехал один крестьянин в город. Зашёл он в лавку, стоит, на товары смотрит. Заметил его купец, подошёл к крестьянину и спрашивает, чего ему надо.

А крестьянин отвечает:

— Чего мне надо, того у вас в лавке нет!

Купец ему и говорит:

— У меня в лавке любой товар найдётся! Могу об заклад биться!

Подумал крестьянин и спрашивает:

— А какой будет заклад?

— Да хоть двадцать марок!

Ударили они по рукам.

— Ну, говори, что тебе нужно? — спрашивает купец.

А крестьянин отвечает:

— Нужны мне очки для моего вола, а то он стал подслеповат, дорогу не разбирает.

Проиграл купец спор, проиграл заклад, потому что очков для вола у него в лавке, конечно, не было.

Попросил он крестьянина подождать, а сам побежал к своему знакомому купцу, что торгует на соседней улице. Рассказал ему, как проиграл крестьянину заклад, и попросил купца заказать очки для вола.

— А зачем они мне? — удивился купец.

— А затем, — отвечает первый купец, — что я этого крестьянина к тебе сейчас пришлю. Ты побьёшься с ним об заклад, что у тебя в лавке любой товар найдётся. Поспорь с ним на пятьдесят марок. Спросит он очки для вола, а ты их на прилавок положишь. Вот мы заклад и выиграем. Двадцать марок ты мне вернёшь, а тридцать себе возьмёшь.

Сговорились они, и купец вернулся к себе в лавку. Отдал он крестьянину двадцать марок и говорит:

— Ты выиграл заклад потому, что я в своей лавке таких товаров не держу. Но вот попробуй-ка пойти к купцу, что на соседней улице торгует! У него, пожалуй, и очки для вола найдутся.

Ну, крестьянин и отправился прямо в ту лавку, куда его купец послал. Пришёл он, стоит, на товары смотрит.

Подходит хозяин лавки и спрашивает:

— Что тебе угодно?

Крестьянин на это отвечает:

— Того, что мне нужно, у вас в лавке всё равно нет!

— Как это нет? — говорит купец. — Давай об заклад биться, что у меня в лавке любой товар найдётся, какой ни спросишь!

Говорит купец, а сам под прилавок посматривает, где у него очки для вола припрятаны.

— Об заклад биться? — спрашивает крестьянин.— А какой заклад будет?

— Пятьдесят марок! — говорит купец.— Только я тебе заранее говорю: у меня в лавке всё есть!

— Посмотрим! — говорит крестьянин.— На пятьдесят — так на пятьдесят!

Ударили они по рукам. Купец спрашивает, что же крестьянину нужно, а сам уже за очками для вола лезет.

Но крестьянин подумал и говорит:

— Дайте мне туфельки для моей канарейки, чтоб она в клетке ног не простуживала!

Вытаращил купец на крестьянина глаза, начал шарить по ящикам, только ничего подходящего не нашёл. Пришлось ему отдать крестьянину пятьдесят марок.

Вот оно как бывает!

Из-за этих денег купцы между собой вконец перессорились. А крестьянин, когда дождь прошёл, вернулся к себе домой и долго ещё смеялся над спесивыми купцами.

Перевели и обработали
Я. Немчинский и В. Арцимович.

Скрипка Гонзика

ЧЕШСКАЯ СКАЗКА

Жила-была в Чехии в старые времена бедная женщина со своим сыном Гонзой. И в такой нужде они жили, что после долгих раздумий и слёз решилась наконец мать отправить своего единственного сына в другие места на заработки. Очень не хотелось Гонзику расставаться со своей матушкой, но ничего нельзя было поделать. Пришлось идти. Обняла его мать на прощанье, дала ему три гроша да ломоть хлеба, и отправился Гонза в путь-дорогу.

Прошёл Гонзик не много, не мало, а ровно полпути до ближайшего города, когда на самой опушке леса повстречался ему старик-нищий и попросил у него милостыню. Гонзик протянул нищему грош и сказал:

— Возьми, пожалуйста, у меня ещё осталось два гроша...

Пошёл Гонзик дальше и у самого поворота дороги встретил ещё одного нищего старика. Гонзик отдал ему свой второй грош. Не успел Гонзик сделать и несколько шагов, как из-за кустов появился третий нищий. Не стал Гонзик дожидаться, пока этот нищий попросит у него милостыню, и отдал ему свой последний грош. Отдал и подумал: «Ничего! Проживу как-нибудь и без денег. У меня ведь есть ещё ломоть хлеба...»

А нищий пристально посмотрел на Гонзика и сказал:

— А ты, паренёк, меня не узнал? Это ведь я все три раза просил у тебя милостыню. И ты мне отдал всё до последнего гроша. В награду за это я исполню три любых твоих желания. Говори скорей, чего ты хочешь...

— Вот я слыхал,— после некоторого размышления нерешительно промолвил Гонзик,— что есть на свете такой чудесный кошелёк, в котором никогда не переводятся монеты... Нам бы с матушкой очень пригодился такой кошелёк...

И в тот же самый миг в руке у Гонзика появился кошелёк, в котором позвякивали монетки.

— Раз,— произнёс нищий и загнул один палец.— Ну, говори своё второе желание.

Гонзик сперва положил в карман кошелёк и только потом сказал:

— Вот, говорят, что есть такое ружьё, которое всегда стреляет в цель без промаха. Вот если б можно было...

— Два,— произнёс старик, загнув второй палец, и на правом плече Гонзика появилось ружьё.

— Говори, какое у тебя третье желание?

— Хотелось бы мне ещё скрипку,— быстро сказал Гонзик,— но не простую, а такую, что, если на ней заиграть, все пускались бы в пляс...

— Три,— произнёс старик, загнув третий палец.

А на левом плече Гонзика уже висела скрипка на алом шнуре. И прежде чем Гонзик поблагодарил старика, он исчез в лесу, словно его никогда не было.

Пошёл Гонзик дальше по направлению к городу. Ему поскорее хотелось испытать свои чудесные вещи.

Начал он с кошелька. Вытащил из него два гроша, а в кошельке зазвенели новые. Вытащил Гонзик эти — в кошельке снова появились две монеты. Убедившись, что кошелёк действует исправно, Гонзик решил испытать ружьё. Вспомнил он, что неподалёку от города, возле мельницы, есть большой пруд, где водятся дикие утки, и отправился туда.

Пришёл и видит: далеко от берега плавает дикая утка. Из простого ружья в неё, конечно, никогда бы не попасть. Гонзик снял

ружьё, взвёл курок и уже собирался выстрелить, как вдруг услышал чей-то голос:

— Эй, простофиля, неужели ты собираешься попасть в утку на таком расстоянии?..

Гонзик оглянулся и увидел мельника, который подходил к нему. Гонзик хорошо знал мельника. Это был жадный и злой человек.

— Ты же, дурак, и стрелять-то, видно, не умеешь,— продолжал издеваться мельник.

Но Гонзик ничего не ответил и нажал курок.

— Бах! — раздался громкий выстрел, и подстреленная утка забила крыльями по воде.

— Моя, моя! — закричал жадный мельник, быстро разделся и побежал вприпрыжку прямо к воде, но вдруг остановился: по самому берегу вокруг пруда росли густые, непроходимые кусты колючего репейника.

А Гонза взял свою скрипку и заиграл плясовую. И тут случилось нечто необыкновенное: неожиданно мельник, голый мельник стал плясать. Да как плясать! Он прыгал от одного репейника к другому, весь исцарапался, но никак не мог остановиться.

— Ой-ой, довольно!.. Я тебе дам сто золотых, только перестань играть,—взмолился мельник. — Перестань, очень прошу!

Гонзик перестал играть, и скупому мельнику пришлось дать ему сто золотых.

Оделся мельник и побежал в город к самому главному судье жаловаться, что какой-то бродяга украл у него сто золотых. Судья послал двух стражников к пруду. Они обыскали Гонзу, нашли у него сто золотых и отвели в тюрьму.

А в этом городе в те

старые времена существовал очень жестокий обычай — вешать воров без всякого суда. Отобрали у Гонзика кошелёк, ружьё и скрипку и повели вешать на большую площадь. Вокруг виселицы собралось много народу, и мельник, конечно, тоже пришёл посмотреть, как будут приводить в исполнение приговор.

Гонзик стал просить, чтобы ему разрешили в последний раз перед смертью поиграть на скрипке.

Услыхав про скрипку, мельник закричал:

— Нет, нет! Не давайте ему скрипки!

А Гонзик всё просил:

— Дайте скрипку, хотя бы на минуточку!

В толпе закричали:

— Дайте ему скрипку!.. Пусть поиграет в последний раз...

И Гонзику дали скрипку. А через секунду все, кто был на площади, пустились в пляс. Плясали и главный судья, и стражники, и палач, и мельник... У них уже подкашивались ноги, но остановиться они никак не могли. Судья стал умолять Гонзика перестать играть, обещая немедленно освободить его...

Но Гонзик до тех пор продолжал играть, пока мельник не рассказал народу всю правду.

Жадному мельнику пришлось возвратить Гонзе сто золотых, и Гонза в тот же день вернулся домой.

И с тех пор зажил он с матушкой очень хорошо. В кошельке у них никогда не переводились деньги, а ружьё его без промаха стреляло на охоте. И на обед у них бывала то утка, то заяц...

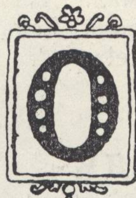
Что касается скрипки, то Гонза и теперь на ней играет, когда людям хочется повеселиться.

Перевела
Л. Большинцова.

Патила

БОЛГАРСКАЯ СКАЗКА

Однажды в жаркий полдень погнал пастух своё стадо под развесистые дубы, в самую густую и прохладную тень. Одна ленивая овца плелась позади всех и незаметно отстала от стада. Увидела она одинокое дерево, остановилась под его тенью и говорит сама себе:

— Для меня одной и эта тень хороша. Не пойду я со всеми. Лягу-ка я здесь отдохнуть!

Поверите ли, в это самое время вышел за добычей волк. Заметил он овцу и в два прыжка очутился около неё.

— Овца, я тебя съем,— сказал волк.

Испугалась овца, пожалела, что от своего стада отстала, но виду не подала.

— Съешь меня, кум-волк, — ответила она,— но только не сейчас. Оставь хоть до утра. Я попасусь, поем травы и потолстею.

— А завтра утром где я тебя найду? — спросил волк.

— Да я здесь, под этим самым деревом, буду тебя дожидаться, — пообещала овца.

— А как тебя зовут?

— Патила.

— Пасись, не жалея травы! Толстей, дорогая Патила!.. А завтра в полдень я снова приду сюда!

На следующий день прибежал волк к тому дереву, но овцы не нашёл.

— Где ты, Патила? — завыл он.— Патила! Пати-и-ила!

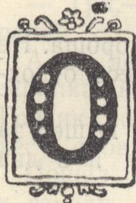
Услыхал пастух волка, напустил на него собак — еле тот ноги унёс, убежал через девятую гору за десятую...

А Патила, узнав вой волка, подумала:

«Не боюсь я теперь тебя, кум-волк. Ведь я теперь в стаде со всеми вместе!»

Богач и бедняк

БОЛГАРСКАЯ СКАЗКА

дин бедняк нанялся в работники к богатому гончару.

Прошёл год, а богач отказался ему платить за работу. Дал он работнику вместо денег бубен. Что было делать бедняку? Пожаловаться некому.

«Хоть бы осла дал мне хозяин. Целый год я на него работал, вон сколько горшков понаделал, а заработал всего ничего»,— погоревал бедняк.

Взял он бубен и ушёл от богача. Шёл, шёл. Начало смеркаться. Вдруг видит: идёт к нему навстречу поводырь с медведем.

Рассказал бедняк поводырю о своём горе и спрашивает:

— Что же мне теперь делать? И на что мне этот бубен?

Взял он бубен да с досады и бросил его на землю. А бубен как покатится да как загремит. Понравилось это медведю. Хлопнул он лапой по бубну — бум! Хлопнул ещё раз — бум-бум! Бьёт лапами, и радуется, и ревёт.

— Стой! — вскричал поводырь.— Я придумал, как проучить твоего хозяина. Видишь, вон там мельница стоит? Пойдём туда и там переночуем. Будь спокоен, завтра утром ты обязательно получишь плату за свою работу.

А надо вам сказать, что на рассвете по той самой дороге мимо мельницы должен был проезжать на базар наш знакомый гончар.

Как только показался гончар на дороге, поводырь дал медведю в лапы бубен и говорит:

— Иди, Миша, поиграй, потешь богача!

Вот и принялся медведь в бубен бить да реветь. Услыхал гончар шум и рёв, испугался и давай стегать осла, подгонять его. Но осёл, известное дело, упрям, как... осёл. Встал на месте: ни туда, ни сюда. Только знай себе кричит: «И-и-го-го!»

А тут медведь уж из мельницы вышел и прямо к гончару.

Что делать? Спрыгнул гончар с воза и пустился бежать без оглядки.

— Вставай, друг! — позвал поводырь бедняка.— Твои горшки к тебе приехали. Надо на базар спешить, продавать их.

Вышел бедняк из мельницы. Смотрит: стоит на дороге осёл, впряжённый в телегу, и травку пощипывает. А на телеге гора горшков.

— Вот тебе и плата за работу,— говорит поводырь.— А в награду ты мне отдай бубен. Он мне ещё очень хорошую службу сослужит.

Перевела и обработала

Н. Шерешевская.

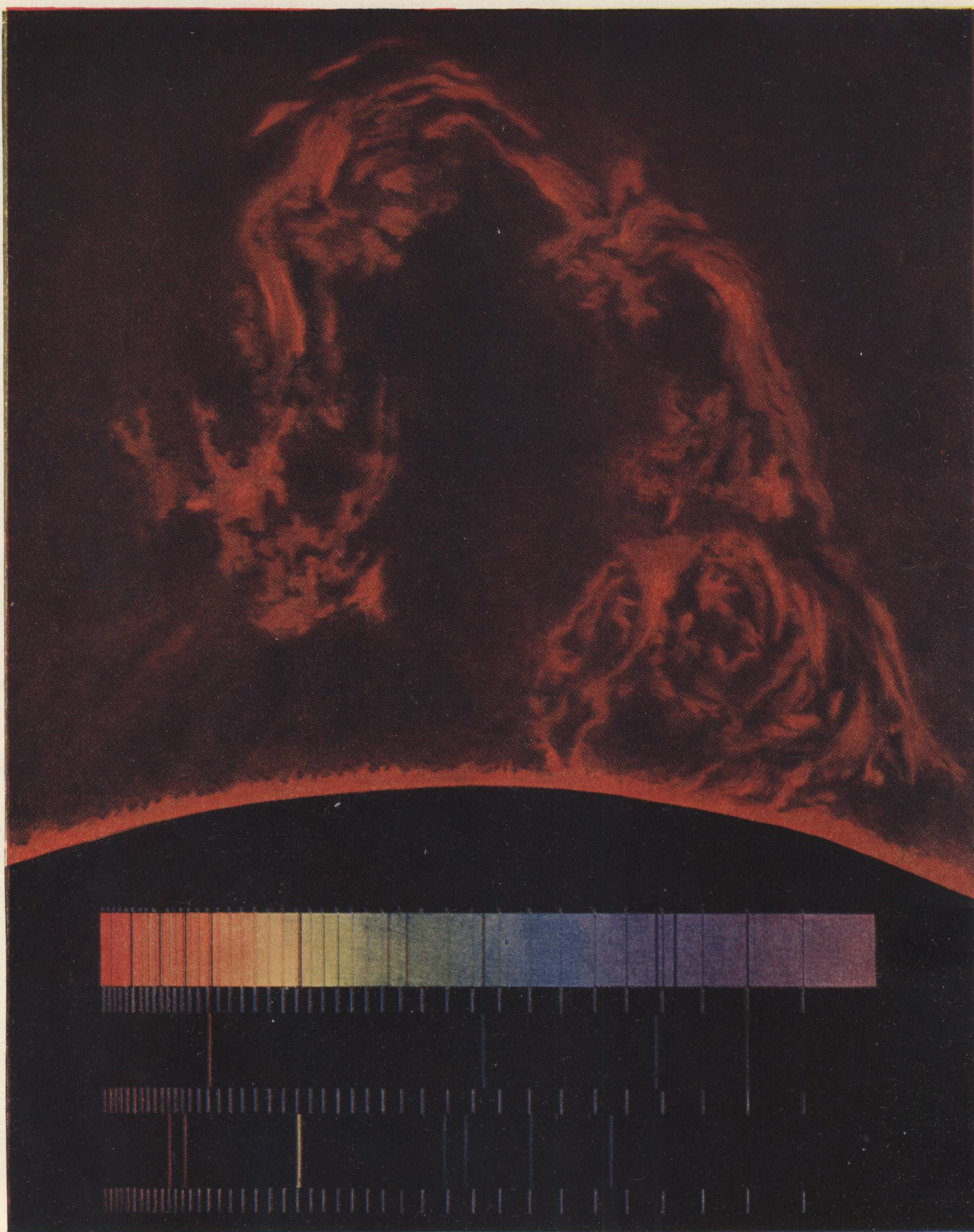

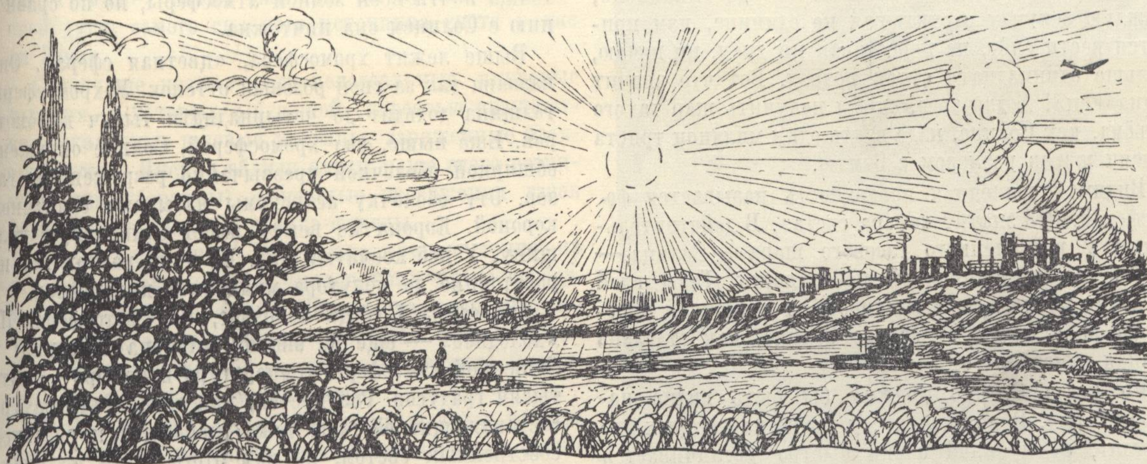
ПОМОЩЬ БЛИЗКА!

И. Рубан.

«Помощь близка!» — так назвал художник свою картину. Ребята! Рассмотрите её хорошенько и придумайте рассказ об этом охотнике, унесённом на льдине в океан и спасённом смелыми советскими лётчиками.

Этот гигантский фонтан раскалённых паров и газов— протуберанец—был сфотографирован во время одного из солнечных затмений. Положите рядом с ним горошину, — такой будет казаться Земля по сравнению с настоящим протуберанцем. Ниже вы видите семицветную полоску солнечного спектра, а ещё ниже — спектры водорода и гелия. В солнечном спектре на месте светящихся линий этих газов видны тёмные чёрточки. Другие тёмные чёрточки принадлежат другим веществам и тоже стоят каждая на своём месте. Подробнее о нашем Солнце вы узнаете, прочитав очерк «Властелин жизни».

ВЛАСТИТЕЛЬ ЖИЗНИ

Е. Рубцова

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков:
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.
М. Ломоносов.

Знаете ли вы?

Знаете ли вы, что если бы не Солнце, в окружающем Землю воздухе не было бы кислорода? Ведь это растения непрерывно дают земной атмосфере кислород, потому что каждый зелёный листочек — маленькая химическая фабрика. Но ни одна из этих фабрик не могла бы работать без солнечного света, да не было бы без него и растений.

Знаете ли вы, что когда в печке горят дрова, когда над примусом гудит цветок голубого пламени, когда электрическая лампочка разгоняет сумрак в комнате, это Солнце греет вас, светит вам, варит ваш суп? И горючие вещества древесных стволов, и нефть, дающая керосин, и энергия реки, двигающая турбины электростанций, созданы Солнцем, его могучими лучами, как и всё, что даёт свет, тепло и пищу нам, обитателям Земли.

Ветер, который гонит белые стаи облаков, и эти облака, плывущие в вышине, дождь, поливающий землю, быстрые горные потоки и величавые реки равнин — всё это существует благодаря Солнцу. Оно своим теплом испаряет воду озёр и морей, создаёт вечный круговорот воды на земном шаре.

Без Солнца в ледяные глыбы превратились бы моря и океаны. Земля носилась бы в мировом пространстве, холодная и безжизненная. Впрочем, не было бы и самой Земли, потому что планеты не могли бы возникнуть из облака межзвёздной пыли, если бы в центре этого облака не было Солнца.

Не случайно почти все народы древности, обожествляя силы природы, поклонялись Солнцу. Египетский бог Ра, эллинский Гелиос, Бальдур германцев, Ярило наших предков-славян — всё это были боги Солнца, олицетворения ясного, животворного светила.

В наше время Солнце, конечно, не считают божеством. Учёные давно открыли, что это звезда, одна из миллиардов звёзд, рассеянных по просторам Вселенной. Уже известно, что есть звёзды и крупнее, и ярче, и горячее нашего Солнца. Но все они так далеки, что к Земле от них доходит света и тепла не больше, чем от пламени свечи, зажжённой за триста километров от нас. Солнце — единственный источник света и тепла, а значит, и жизни на нашей планете.

Что же представляет собой эта звезда, такая близкая к нам и такая важная для нас?

Мир раскалённых газов

Астрономы — народ точный. Они подсчитали всё вещество Солнечной системы, всю его массу, и оказалось, что в огромном солнечном мире бо́льшая часть вещества сосредоточена в самом Солнце. На долю остальных тел Солнечной системы приходится лишь одна семисотая часть всей массы вещества, а шестьсот девяносто девять частей составляют Солнце.

Солнце огромно. Трудно даже представить себе, как оно огромно. Когда речь идёт о Солнце, всё время встречаются числа «миллион», «миллиард». Если мы говорим: «сто километров» или «сто килограммов»,— мы ясно представляем себе, сколько это. Мы легко и быстро можем досчитать до ста.

Если же нам вздумается считать до миллиона, каждую секунду отсчитывая по единице, нам придётся вести счёт, не переставая ни днём, ни ночью, больше одиннадцати суток подряд. Вот что значит «миллион»! А для того, чтобы получить шар такого объёма, как Солнце, надо взять один миллион триста тысяч шаров размером с Землю.

Видимая солнечная поверхность называется фотосферой. Это значит «сфера света». В действительности у раскалённого газового шара — Солнца — нет резко отграниченной поверхности. Газы слой за слоем меняют свою плотность, и солнечная атмосфера не отделена от самого Солнца, как отделена земная атмосфера от Земли.

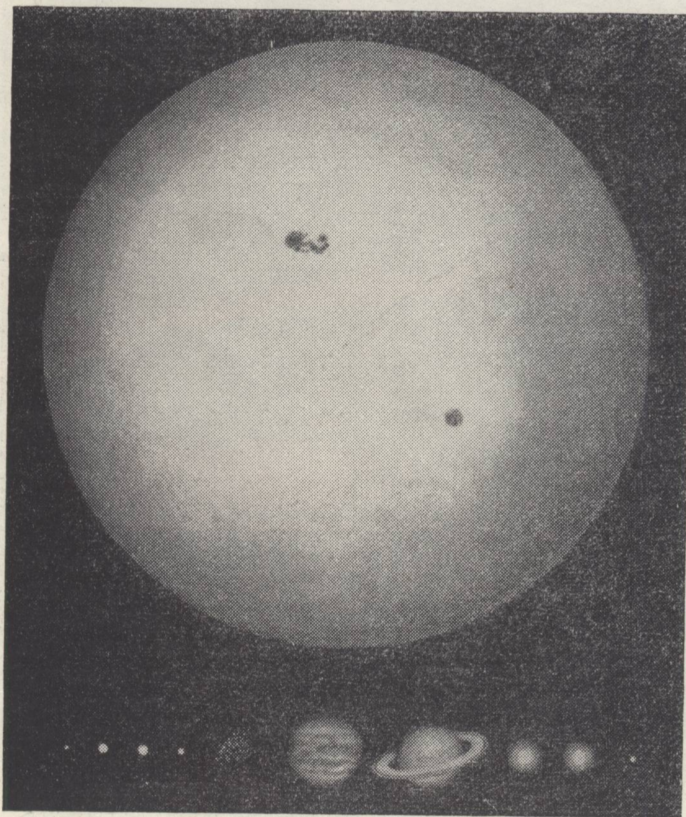
Но тогда Солнце должно бы быть видно насквозь? Нет. И вот почему: у газов, из которых оно состоит, с глубиной очень быстро увеличивается плотность, а температура даже на поверхности — шесть тысяч градусов, и чем глубже внутрь, тем она выше. Раскалённые до такой степени и уплотнённые газы теряют свою прозрачность. Потому мы и видим Солнце, как круг с ясно очерченным краем.

Атмосфера у Солнца «трёхэтажная». Близ самой «сферы света» лежит наиболее плотный атмосферный слой. Его толщина — пятьсот километров. Это толща почти всей земной атмосферы, но по сравнению с Солнцем она ничтожна.

Выше лежит хромосфера, «цветная сфера». Она названа так за свой розовый оттенок. У хромосферы толщина доходит до четырнадцати тысяч километров. Ещё выше, над хромосферой, Солнце окружено обширной оболочкой чрезвычайно разреженных газов. Эту оболочку астрономы называют солнечной короной. Корона не всюду имеет одинаковую толщину. У неё косматый вид. Её лучи расходятся на расстояние до полутора миллионов километров.

Атмосфера Солнца холоднее, чем фотосфера. Но «холоднее» — ещё не значит, что она холодная: у солнечной атмосферы температура в четыре — пять тысяч градусов. Разумеется, при такой температуре составляющие её газы тоже раскалены и светятся собственным светом, но нам этого света не видно из-за ослепительного блеска фотосферы, как не видно огонька свечи в лучах мощного прожектора.

Только во время полных солнечных затмений, когда Луна загораживает от нас Солнце, из-за чёрного круга Луны красноватыми язычками, будто огненная трава, появляется хромосфера, а вокруг неё нежным жемчужным сиянием вспыхивают лучи короны.

Здесь изображено Солнце. Посмотрите, как малы по сравнению с ним планеты. Внизу (слева направо): Меркурий, Венера, Земля, Марс, крохотные астероиды, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун и Плутон.

Во всех частях огненной атмосферы Солнца происходят мощные движения, по сравнению с которыми земные ураганы и бури — просто ласковые дуновения. Хромосфера — это бьющие вверх раскалённые струи газов. Огромные светящиеся газовые фонтаны, называемые протуберанцами, вырываются из Солнца и летят со скоростью сотен километров в секунду на колоссальную высоту, иногда в два, в три раза большую, чем расстояние от Земли до Луны... И сама «сфера света» вечно кипит, вечно бушует. Непрерывно рождаются в ней огненные вихри и смерчи. Огромные массы раскалённого газа, выброшенного из более глубоких и горячих слоёв Солнца, плавают над ней в виде ослепительно ярких облаков. Если смотреть в телескоп, фотосфера похожа на кипящую рисовую кашу. Светящиеся «зёрна» фотосферы так и называются латинским словом «гранулы», что означает «зёрна». Каждое зерно — размером в сотни километров. Гранулы непрестанно меняют свою форму и положение, потому что это клубы бурлящих раскалённых газов.

«И на Солнце есть пятна». Такой пословицей утешают себя люди, желающие оправдать свои недостатки. На Солнце действительно есть пятна. Но они только кажутся нам тёмными. У пятен температура — четыре с половиной тысячи градусов. Если бы не ослепительный блеск фотосфе-

ры, «тёмные» пятна сверкали бы ярче электрической дуги, самого сильного источника света у нас на Земле.

Солнечные пятна — это колоссальные вихревые воронки, в которых с бешеной скоростью вращаются раскалённые газовые частицы, заряженные электричеством. Именно вблизи пятен чаще всего возникают протуберанцы, и мощные извержения газов образуют светящиеся облака-факелы.

Пятна на Солнце. Небольшие тёмные точки на огненном диске... Но на «маленьком» пятне свободно может уместиться вся Европа, на пятне побольше — пять земных шаров, а в 1947 году астрономы наблюдали пятно, на площади которого уложилось бы две сотни земных шаров.

Вообразите же, какие чудовищные силы нужны, чтобы образовать такие гигантские воронки! Какие огненные бури, смерчи и извержения рождаются здесь, вокруг солнечных пятен!

Отзвуки этих бурных, грандиозных событий доходят и к нам. Корпускулы, частицы вещества, изверженного Солнцем, потоками летят к Земле. Своими ударами эти маленькие, быстрые посланцы Солнца электризуют разреженные газы верхних слоёв земной атмосферы, и газы начинают светиться. Тогда мы видим на небе трепещущие стрелы, волнистые разноцветные занавесы полярных сияний.

Стрелки компасов вдруг начинают испуганно метаться, словно они забыли, где север, где юг. Это магнитные бури, причиняющие немало хлопот морякам и лётчикам.

Нервничают радисты на полярных зимовках, в радиорубках кораблей, в кабинах самолётов, когда электромагнитные возмущения, вызванные ультрафиолетовыми лучами, идущими от пятен, нарушают радиосвязь, создают невидимые заслоны для радиоволн.

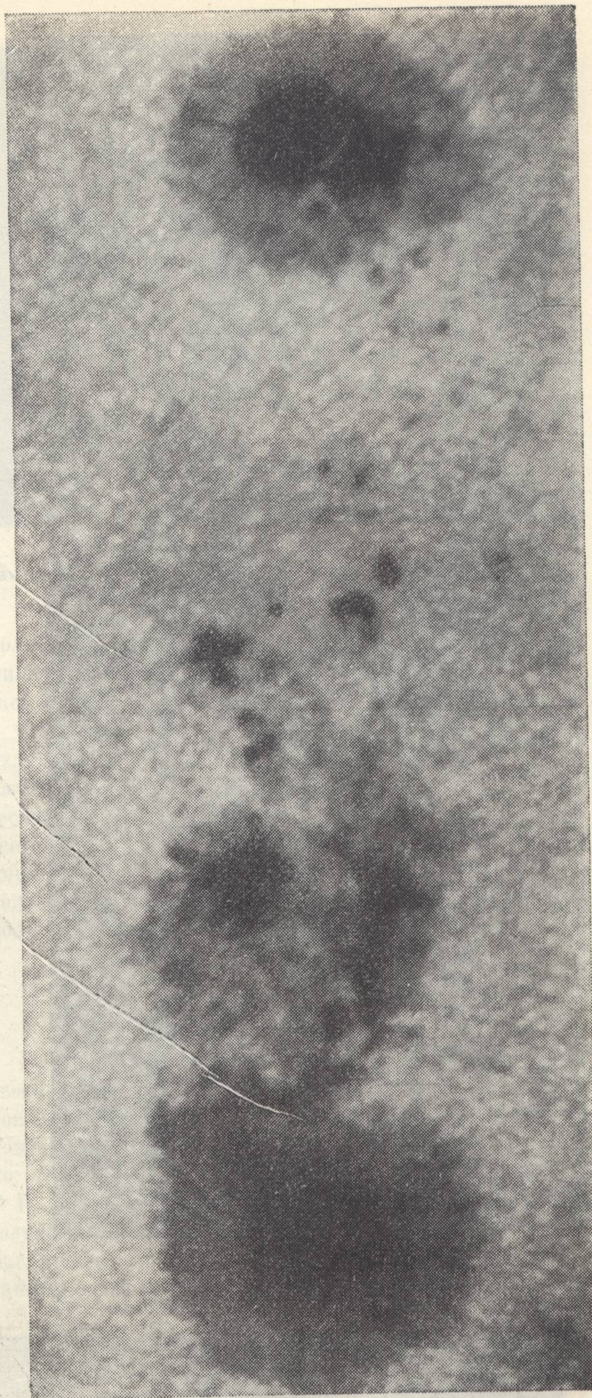
Так бывает каждый раз, когда на Солнце возрастает количество пятен, а это происходит приблизительно через каждые одиннадцать лет.

Лента-семицветка

Вы не раз любовались радугой на небе после дождя. Маленькую «модель» радуги можно заметить в брызгах фонтана или над тугой струёй, бьющей из шланга, которым дворник поливает улицу. Солнечный луч, упав на шлифованный край зеркала, вдруг отражается на стене не белым, а разноцветным «зайчиком».

Свет Солнца не белый. Оно посылает нам красные, оранжевые, жёлтые, зелёные, голубые, синие, фиолетовые лучи и ещё много различных лучей, не видимых глазом. Смесь цветных лучей кажется нам белой. Но и дождевая пыль, летающая в воздухе, и брызги фонтана, и гранёные края зеркала «сортируют» солнечный свет, разделяют его на радужную полоску семи цветов.

Пропуская солнечный луч через правильно отшлифованные трёхгранные стёкла — призмы, учёные стали получать у себя в лабораториях очень яркую, очень отчётливую семицветную полоску и назвали её солнечным спектром.

На этой фотографии — часть солнечной поверхности. Видны светлые зёрна — гранулы и группа пятен.

Сто сорок лет назад немецкий физик Фраунгофер заметил, что яркий фон семицветной ленты сол-

Земле, тоже найдены на Солнце, но на их долю приходится лишь одна сотая солнечной массы.

Лента-семицветка помогает астрономам открывать и другие тайны Солнца. Она рассказывает, на какой глубине каких веществ больше, насколько они раскалены и как сильно заряжены электричеством. С её помощью делаются особые снимки, позволяющие в бушующей смеси различных газов увидеть только один водород или один кальций. Она открыла астрономам существование на Солнце газа гелия задолго до того, как он был найден химиками на Земле. Она же помогла обнаружить, что разные слои Солнца вращаются с различной скоростью: у экватора — быстрее, а те, что у полюсов, — медленнее. Рассказала она и о том, что в солнечной короне газы чрезвычайно разрежены: они в миллион раз менее плотны, чем воздух, которым мы дышим. С помощью всё той же ленты-семицветки узнали, что частицы газов короны мчатся с огромной скоростью и под ударами множества электронов, летящих от Солнца, приходят в особое состояние, в каком не бывают на Земле.

И всё это лишь часть того, что можно узнать и что узнают о Солнце с помощью его спектра, волшебной разноцветной полоски.

Снимок на предыдущей странице сделан обыкновенным фотоаппаратом, а этот — особым прибором, спектрогелиографом. Он умеет в бурлящей смеси раскалённых газов «увидеть» и сфотографировать какой-либо один. Вы видите мощные водородные вихри вокруг солнечных пятен.

нечного спектра пересекают какие-то тёмные линии. Но только через полстолетия поняли астрономы, каким могучим средством для изучения звёзд и самой близкой из них, нашего Солнца, может стать эта лента-семицветка. Они открыли, что по тёмным линиям спектра можно узнавать, какие вещества есть на Солнце. И вот выяснилось, что Солнце почти целиком состоит из двух газов: водорода и гелия. Другие вещества, которые есть на

В солнечных глубинах

Яркие потоки света, радиоволны, невидимые тепловые, ультрафиолетовые и рентгеновские лучи посылает Солнце в безбрежное пространство. Только ничтожная доля его излучения достаётся Земле — меньше одной двухмиллиардной части!

И всё же за каждую секунду Земля получает от Солнца энергии на три миллиарда рублей. Если пустить электростанцию, которая вырабатывала бы столько же энергии, то всех запасов каменного угля, какие есть в земных недрах, хватило бы этой станции на одну секунду.

А Солнце светит уже десятки миллиардов лет! Откуда же берёт оно «топливо»? Ведь если бы вещества в Солнце просто горели, как дрова в печке, наше светило сожгло бы себя без остатка за несколько тысячелетий. Значит, здесь энергия вырабатывается не простым горением.

Но чем? Один из важнейших законов природы заключается в том, что энергия не возникает из ничего. У Солнца должны быть какие-то особенные могучие источники энергии, с очень малым расходом вещества.

Для того, чтобы открыть эту тайну, надо заглянуть хотя бы мысленно в недра Солнца, в его центральные области.

Там температура уже не шесть тысяч, а двадцать миллионов градусов. Булавочная головка, нагретая до такой температуры, мгновенно сожгла бы всё вокруг на расстоянии тысячи километров. И давление в центре Солнца невообразимо велико. Оно

достигает нескольких миллиардов земных атмосфер. При таком давлении раскалённые газы становятся в семьдесят шесть раз плотнее воды и в три с половиной раза плотнее платины, самого плотного металла на Земле.

Но спрессованные вещества солнечных недр — это всё же газы. А газы отличаются от твёрдого тела тем, что их частицы не связаны друг с другом. Они мчатся, как маленькие упругие мячики, сталкиваются, разлетаются в стороны, снова сталкиваются. За одну секунду у каждой частички обыкновенного земного воздуха происходят миллионы столкновений. Чем выше температура, тем быстрее мчатся и чаще сталкиваются частицы. Чем выше давление, тем больше теснота у частиц, а значит, и столкновений больше. Подумайте, что же должно делаться в центре Солнца? Как бешено мчатся и с какой силой налетают там друг на друга атомы раскалённых газов!

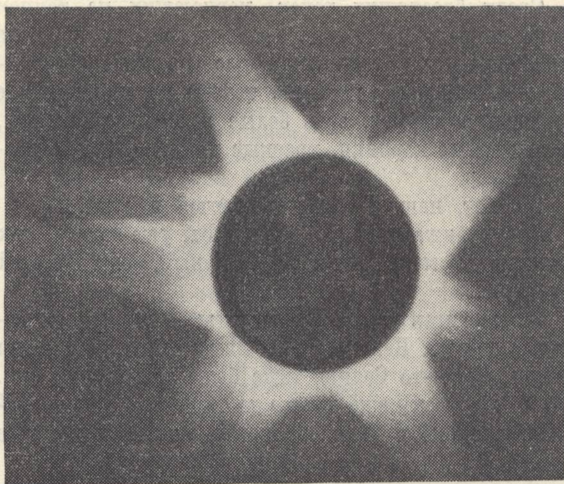
При этом с атомами происходят очень большие перемены. Чтобы понять, какие это перемены, надо заглянуть в крохотный, не видимый ни в какие микроскопы атом и посмотреть, как он устроен.

Перед нами откроется картина, на первый взгляд очень напоминающая то, что мы увидели бы, рассматривая откуда-нибудь со стороны Солнечную систему.

В центре атома — ядро, а вокруг него по орбитам кружатся электроны. Ядро больше электронов, как и Солнце больше планет. Расстояния между ядром и электронами такие же огромные по сравнению с ними самими, как расстояния между планетами Солнечной системы.

В наших земных условиях ядра одних атомов имеют много спутников-электронов, а ядра других атомов — мало. У водорода только один электрон кружится вокруг ядра, у гелия — два, у железа — двадцать шесть, у урана — девяносто два. Но в недрах Солнца ядра атомов лишены своих спутников. В невероятной тесноте и давке, в бесчисленных столкновениях все электроны сорваны со своих орбит. С бешеными скоростями носятся они между «оголёнными» ядрами. И ядра различных атомов налетают друг на друга, раскалываются от страшных ударов и образуют атомные ядра других веществ. Эти превращения называются ядерными реакциями, и они происходят с таким выделением энергии, какого никогда не бывает при других изменениях вещества.

У Солнца рождение энергии сопровождается потерей массы. Каждую минуту Солнце излучает в пространство двести сорок миллионов тонн своего вещества. Но это не значит, что Солнце при такой растрате скоро погаснет. Семь миллиардов лет назад, когда ещё только образовалась Земля, оно было почти таким же, как сейчас, и так же, как сейчас, каждую минуту отдавало в излучение двести сорок миллионов тонн. Если бы Солнце и дальше излучало с той же силой, через десять миллиардов лет его масса уменьшилась бы всего лишь... на одну сотую! На самом деле такое уменьшение произойдёт не через десять, а через полтораста миллиардов лет, потому что, «старея», Солнце станет излучать менее расточительно.

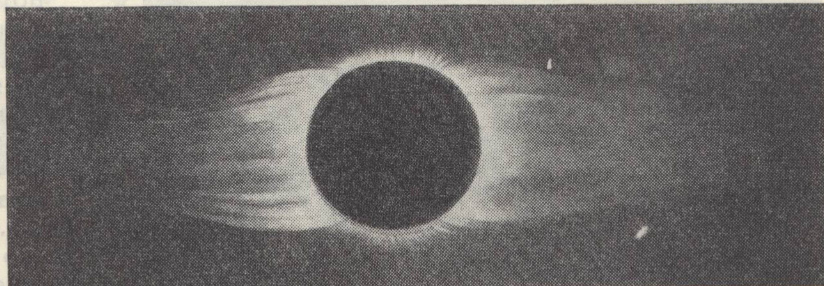

Так выглядит корона, когда на Солнце много пятен.

Биография Солнца

Если бы Солнце могло говорить, то на вопрос о своём возрасте оно бы ответило: «Десятки миллиардов лет». А на вопрос о своём «общественном» положении в звёздном мире Солнце сказало бы скромно: «Жёлтый карлик».

В лентах-семицветках — спектрах звёзд — есть большие различия, и по этим различиям астрономы смогли рассортировать звёзды так же, как ботаники — всевозможные виды растений.

А здесь корона снята, когда пятен было мало. Не напоминает ли она египетское изображение крылатого Солнца? Посмотрите для сравнения рисунок, изображающий крылатое Солнце, на следующей странице.

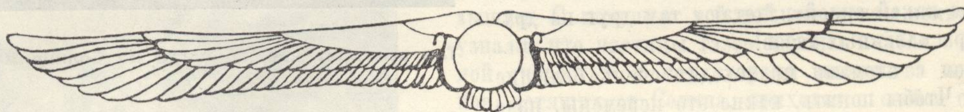
Среди блестящих точек, мерцающих на тёмном фоне ночного неба, есть горячие голубые и белые сверхгиганты и есть холодные красные сверхгиганты (холодные, конечно, только по сравнению с другими звёздами), есть белые и жёлтые гиганты, есть жёлтые карлики, красные карлики, белые карлики.

Так вот, наше Солнце — жёлтый карлик.

Но не обижайтесь за Солнце! Вы уже знаете, как величав и могуч этот лучезарный, светоносный «карлик».

Белые гиганты и сверхгиганты — это совсем молодые звёзды. Некоторые из них моложе, чем наша Земля. Когда-то Солнце тоже было таким, как они. Но и сейчас ему ещё далеко до старости. Можно сказать, что оно в расцвете своей жизни, и вы уже знаете, что даже через десять миллиардов лет оно будет почти таким же, как сейчас. Десять миллиардов лет — это очень много. В начале очерка мы пробовали сосчитать до миллиона, и оказалось, что для этого надо одиннадцать суток. А чтобы сосчитать до миллиарда, пришлось бы потратить больше, чем тридцать лет. Это только сосчитать! Подумайте же, какой длинный, несказанно длинный промежуток времени — десять миллиардов лет!

И за это нескончаемо долгое время Солнце даже не успеет хоть сколько-нибудь заметно состариться. Всё так же будут бушевать огненные грозы в его атмосфере, всё с такой же силой будет в его пылающем сердце рождаться энергия, всё с такой же щедростью будет оно посылать Земле живительные потоки света и тепла.

В ТАЙГЕ

Хорошо бродить по чащам, выслеживая птиц и зверушек!

Осенью, когда по полянам среди тёмной зелени брусничников красными гроздьями горят спелые ягоды, выводки рябчиков перебираются сюда на кормёжку

Рябчики в эту пору хорошо отзываются на призыв ма́нка-пищика и подходят близко, а глупые молодые рябчики, ещё недавно научившиеся взлетать на деревья, спокойнёхонько подпускают охотника на выстрел.

Вот и приманивает их юный охотник, которого вы видите на этом снимке. Взгляните: он притаился у толстого ствола старой пихты и уже поднёс к губам свой манок-пищик. Всю осень и начало зимы идут рябчики на призыв манка, пока не лягут глубокие снега. Тут уж рябчиков не так легко найти. Они уходят в самые глухие, самые непроходимые дебри, на манок не идут, и увидеть их в лесу можно лишь случайно.

Почему телёнок стал бодливым

Куддус Мухаммади

Нет в кишлаке смирней быка,
Чем папа этого телка,
Его родная мама
Нисколько не упряма.

Так почему же сам телок
Порой ребят сбивает с ног?
Бодлив он, непокорен,
Хозяевам с ним горе.

Когда телок совсем был мал,
Он кроток был и смирен,
Но, бедный, в руки он попал
К озорнику, задире.
А звать озорника Тешо́й.
Теша́ и ростом небольшой,
И отроду ему всего
Примерно лет двенадцать,
Но все животные его
Не любят и боятся.
Теша́ телёнка бил дрючком,
Привязывал к ограде,
Садился на него верхом,
Тайком подкравшись сзади.

Теша́ в проказах был не прост —
Придумывал их тонко,—
Не просто дёргал он за хвост
Несчастного телёнка,
А, действуя исподтишка,
Поднявшись спозаранку,
Привязывал к хвосту телка
Какую-нибудь банку.
Тот, по душевной простоте,
Бежал, как угорелый,
И банка на его хвосте
Болталась и гремела.
Смешно Тешѐ-озорнику,
А каково его телку?
Теша́ с телёнком был жесток,
Цеплял ведро ему на рог,
А то телку на спину
Тяжёлый взвалит он мешок,
Верёвкой схватит поперёк
И машет хворостиной,
Не маленькой, а длинной.
Не мог понять Теша́ никак,
Телёнок — это не ишак.
Телёнок слаб, телёнок мал,
Он беззащитен, нем он.
Теша́ телёнку расшатал
Всю нервную систему.
Что делать, бедному, ему?
Пожаловаться?
Но кому?
Куда ему податься?
Телёнок стал бодаться.
Не слушается он, ревёт,
Брыкается, верёвку рвёт,
В саду и в огороде
На всех он страх наводит.
Относится он к людям так,
Что держит в страхе весь кишлак.
И мне обидно от души:
Ведь это всё из-за Теши́.

Перевёл с узбекского
Н. Гребнев.

Рисунки Ф. Лемкуля.

Верные друзья

В раннем детстве я тяжело заболела. Другие ребята пошли в школу, а я лежала дома и не могла даже ходить.

Но однажды к нам в комнату вошла молодая женщина и сказала: «Давай знакомиться, я учительница из школы, Галина Филипповна Кузнецова. Будем с тобой заниматься».

Так я стала первоклассницей, потом перешла во второй класс, в третий.

Наконец врачи разрешили мне встать. Я научилась ходить, бегать, увидела наш посёлок, лес, речку.

1 сентября 1950 года я запомнила на всю жизнь. В этот день я первый раз в жизни пришла в школу, сразу в третий класс.

Вместе с ребятами учиться было очень интересно. Ещё лучше стало с тех пор, как нас приняли в пионеры. В 6-м классе наше звено называли «Звеном дружных». Мы всё делали сообща, везде бывали вместе, помогали друг другу в учёбе. Мы очень увлекались театром. Сами репетировали и ставили спектакли «Флаги над Краснодоном», «Снежок». Как-то мы посмотрели пьесу «Её друзья» и задумались: а если с кем-нибудь из нас случится несчастье, как тогда?

Беда пришла через несколько дней. Я опять заболела. В первые дни растерялась. В школе идут занятия, а я отстаю. Неужели я не буду учиться? А потом пришли ко мне ребята, всё наше дружное звено, и учителя пришли. В этот вечер было сказано немного слов, просто приняли решение: я не должна отставать. Девочки рассказали, что задано на дом. А учителя сказали: «Мы тоже будем приходить к тебе, спрашивать уроки и объяснять новый материал».

Когда они ушли, я долго не могла уснуть. Всё думала: есть у меня настоящие друзья, они не бросят меня в беде!

Учебный год продолжался. И я попрежнему училась хорошо, а весной перешла в следующий класс.

Сейчас я учусь уже в 7-м классе. Я ещё не поправилась, и мои друзья Нина Соколова, Света Ткаченко, Витя Кукуев, Валя Терехина и другие ребята попрежнему почти каждый день приходят ко мне. Они приносят книги, рассказывают школьные новости и всегда во всём стараются помочь мне.

Сейчас мы все вместе мечтаем о том дне, когда вступим в комсомол.

Замечательные у меня друзья! Они помогли мне не упасть духом в трудную минуту, и я, как прежде, чувствую себя в дружном школьном коллективе.

Валя Смольянкина,
посёлок Клязьма, Московской области.

Сынок

Один раз, вернувшись из дальней командировки, папа привёз мне подарок — живого медвежонка, маленького, пушистого. Я попробовала взять его на руки, но он тут же цапнул меня за палец. Пришлось быть с ним осторожнее. Мы устроили медвежон-

ка под туалетным столиком, на маленьком матрасике. Он сам выбрал это место. Вечером Сынок — так назвали мы медвежонка — рано заснул. Мы думали, что он спокойно проспит до утра, но среди ночи он проснулся и начал бегать по комнате: стаскивал одеяла, шумел, урчал, карабкался на стулья, на кровать.

С этого момента начались мишкины проказы: то стул повалит, то скатерть со стола сдёрнет и что-нибудь разобьёт. Тогда мы решили его дрессировать. Если Сынок начинал слишком шалить, я грозила ему пальцем, слегка хлопала по носу и говорила: «Нельзя, Сынок, нельзя!» Он быстро всё понял. И теперь стоит только погрозить пальцем, он сразу же лапами закрывает нос и смотрит так жалобно, виновато.

Летом мы переехали на дачу. Там Сынку стало совсем привольно. И ухаживать за ним мне приходилось уже не одной. Все знакомые и даже не очень знакомые ребята приходили к нам, всем хотелось повозиться с малышом. И мы решили установить дежурства. Сделали Сынку домик, заготовили подстилки. Дежурный варил медвежонку геркулес, кормил, водил гулять, следил за его режимом дня.

Аппетит у Сынка рос изо дня в день. Сначала ему на день хватало стакана молока, а через полтора — два месяца он уже в один приём выпивал трёхлитровую бутылку жидкой геркулесовой каши.

Ох, и вкусная же каша!

В лес, на пруд мы всегда ходили всей гурьбой, и чем больше было ребят, тем Сынок был веселее. По дороге он боролся с ребятами, бегал от одного к другому, кувыркался. В лесу он с удивительной лёгкостью лазил по деревьям. Мы убегали от него и прятались где-нибудь в кустах, тогда мишка кубарем скатывался с дерева и со всех ног бежал искать нас, боялся, что мы бросим его в лесу одного. Один раз Сынок нас очень

Распустил вязание, запутал нитки, а теперь смотрит виновато: понимает, что напроказничал.

удивил. Пришли мы с ним на пруд, стали купаться, а его оставили на берегу. Смотрел он на нас, смотрел и вдруг сам полез в воду. И оказалось, что он отличный пловец.

Когда поспели овощи, мы стали их давать Сынку. Очень интересно он ел огурцы. Зажмёт между лапами, откусит верхушку и выбросит, потом начинает аккуратно выковыривать ногтем серединку, а кожицу выбрасывает.

Как-то я кормила медвежонка. Он съел бутылку каши и не наелся, а вторую я не успела быстро поднести ему к мордочке. Сынок рассердился, зарычал и схватил меня за палец. Я попробовала отдёрнуть руку, но не тут-то было. Он вцепился ещё сильнее. Наконец я вырвала палец, но кровь лила ручьём. Медвежонок ещё больше рассвирепел и вцепился мне в ногу. Хорошо, что я успела схватить его за ошейник и втащила в клетку. Вечером я побоялась подойти к Сынку, и медвежонка кормил папа. Они долго играли, и Сынок снова был добрым и ласковым, урчал и сосал лапу, когда его брали на руки. Но с тех пор мы уже не забывали, что он всё-таки дикий зверь.

Сейчас Сынок уже большой, ему скоро исполнится год, и хотя он всё такой же смирный, ласковый и весёлый, мы начинаем задумываться, что мы будем делать с ним дальше. Наверное, придётся нам расстаться.

Лера Коцанда,
ученица 7-го класса 661-й школы.

Сынок с удивительной лёгкостью лазил по деревьям.

«В школу».
Рисунок Юры Трофимова,
г. Боровичи,
Новгородской области,
Дом пионеров.

Охота с фотоаппаратом

Мне хочется рассказать о том, как можно пользоваться аппаратом «Любитель» для макросъёмок, то есть съёмок различных мелких животных и растений крупным планом. Заниматься этим так же интересно, как ходить на охоту, да это и есть своеобразная охота.

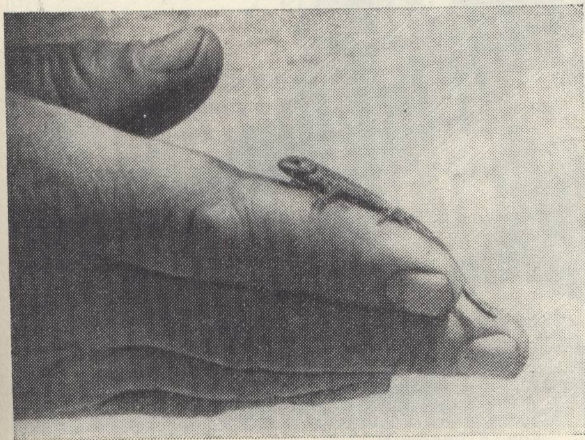
Аппарат «Любитель» обычно считают непригодным для макросъёмок, но я решил попробовать приспособить его.

Я купил насадочную линзу +3,5 диоптрии и начал опыты.

Надев линзу на верхний объектив «Любителя» и открыв откидную лупу, я приставлял к ней глаз, как при обычной наводке на резкость. Двигая камерой взад и вперёд, добился наибольшей резкости фотографируемого предмета на матовом кружке.

Съёмка в аппарате «Любитель» происходит через нижний объектив, поэтому мне надо было переставить линзу с верхнего объектива на нижний, так как объективы «Любителя» сопряжены, то есть связаны между собой зубчатой оправой, и, следовательно, если изображение объекта через верхний объектив было резким, то таким же оно будет и на фотоплёнке, через нижний объектив.

Как будто всё хорошо, но тут начались трудности. Во время перестановки линзы нужно держать аппарат в руках так, чтобы

Смелый ящерёнок снят с расстояния 20—30 сантиметров. Это можно было сделать только с линзой.

Без насадочной линзы сделать такой чёткий и крупный снимок «Любителем» невозможно.

он не шелохнулся, потому что при малейшем колебании всего на один — два сантиметра резкость изображения пропадает.

Поэтому мои первые опыты были не очень удачны. Негативы получались большей частью нерезкими. Как ни старался я, всё же аппарат сдвигал. Возить с собой штатив не всегда удобно, да и какое животное, кроме моллюсков, станет ждать, пока перед ним на расстоянии 20—40 сантиметров будут проводить все подготовки к съёмке!

Выходило, что снимать можно только растения, да и то лишь в безветренную погоду.

Чтобы мне не нужно было переставлять линзу с верхнего объектива на нижний, я приобрёл несколько комплектов линз (по 2 штуки) разной оптической силы (обычные линзы для «Любителя»: +4Д; +3,5Д; +2Д) и получил возможность делать снимки с различных расстояний — от 10 до 50 сантиметров. Одинаковые линзы я надевал на объективы, после этого, вращая верхний объектив, добивался необходимой резкости изображения у обоих объективов и потом производил съёмку. Чтобы определить границы кадра по верхнему объективу, я учи-

тывал, что изображение на негативе окажется несколько ниже, чем то, которое я вижу на матовом стекле аппарата. Это смещение происходит из-за различного положения объективов по отношению к снимаемому предмету.

Казалось, теперь всё готово и можно сколько угодно снимать бабочек, стрекоз, жуков, растения. Но мне пришлось испытать ещё немало трудностей. Много неприятностей доставляла диафрагма: я вначале стремился снимать с большими отверстиями диафрагмы. Это снижало резкость изображения. Наилучшей оказалась диафрагма 11 или 16. Глубина резкости при этом (для линзы + 2,5Д), равная 35 миллиметрам, достаточна для многих съёмок.

Охотясь за мелкой «дичью», за птицами, насекомыми, моллюсками, я узнал много интересного из их жизни.

Я очень доволен своей камерой и только теперь понял, какими неоценимыми возможностями обладает простой «Любитель».

Сейчас я хочу научиться снимать водных животных в аквариуме. Думаю, что это тоже можно делать «Любителем».

В. Николаевский,
г. Одесса.

В поход за узорами

В кружке художественной вышивки мы занимаемся уже больше года. Научились вышивать и крестом и гладью, знаем различные русские швы. Но в кружке мы не только учимся вышивать, мы изучаем народное творчество. Летом ходим в походы по деревням и сёлам нашей республики, собираем орнаменты народных вышивок, составляем из них новые узоры.

Прошлым летом мы ездили в Новогрудский район, Гродненской области. Мы ходили из деревни в деревню, расспрашивали о лучших рукодельницах села. Заходили к ним в дом и просили показать работы. Колхозницы приветливо встречали нас и охотно показывали своё рукоделие: богато вышитые белорусские национальные костюмы, рубахи, блузы, платья, чудесные, яркие тканые ковры, покрывала, расшитые пояса.

За десять дней, проведённых в походе, мы зарисовали больше ста различных узоров. А когда вернулись, составили из них замечательный альбом.

Теперь узоров для вышивки хватит всем на целый год.

Инна Полещук
и Лариса Смирнова,
Дворец пионеров, г. Минск.

Участницы кружка художественной вышивки Тома Мацкевич. Тома Коваль и Жанна Якимович за работой.

Буду лётчиком

Хочу быть лётчиком.
Взлететь
Высоко в поднебесье.
И из-под солнца
поглядеть
На край родной —
Полесье.
Но чтоб
послушный самолёт
Скользил
быстрее
птицы,
Обязан будущий пилот
Учиться и учиться.
Я обо всём узнать хочу —
Уроки твёрдо я учу.

Павлик Пинчук,
ученик 7-го «А» класса
Асташковицкой средней школы
Гомельской области.

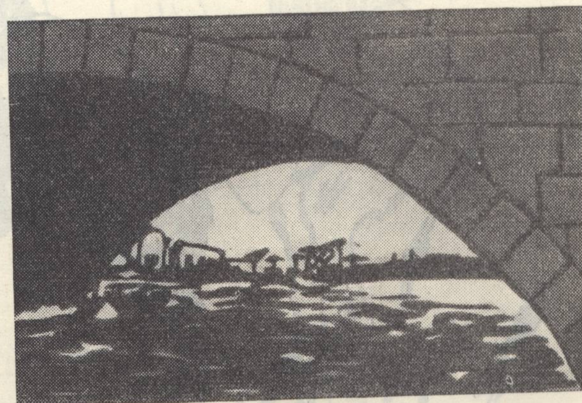

Зимой

В бледном небе
Меркнут звёзд узоры.
Снег покрыл
За речкою просторы,
А речушка
Звонким льдом одета.
На коньках
Скользим по ней с рассвета.
Лёд блестит,
Он словно из стекла.
Нам зима
Веселье принесла.

Николай Капач.
ученик Ельской средней школы № 1
Гомельской области.

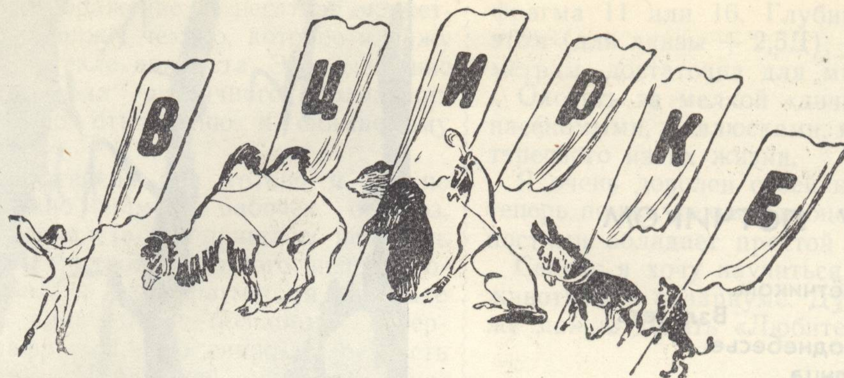

Здесь вы видите работы ребят-москвичей — членов изостудии Дворца культуры завода имени Сталина.

Вверху — «Зимний пейзаж» Гены Канунникова. Это витраж — картинка, которую рассматривают на просвет. Когда эта картинка лежит на столе, изображения не видно, но стоит её поднести к лампе или к окну, — всё словно оживает. Секрет здесь в том, что пейзаж не нарисован, а составлен из наложенной в несколько слоёв бумаги. Там, где вы видите тёмные силуэты домиков, стволы деревьев, бумага наклеена в пять — шесть слоёв, серый забор — в три — четыре слоя, небо — в два слоя, снег и иней на деревьях — в один слой. Такими витражами можно украсить окно или абажур.

Внизу — «Уголок Ленинграда», гравюра Коли Еремченко. Гравюра делается не карандашом, не кистью, не пером. Она вырезается особым ножиком на металлической пластинке, на деревянной доске или на линолеуме. Эту пластинку покрывают краской и делают отпечаток на бумаге.

Зарисовки А. Брея.

ТАЙНЫ ДРЕССИРОВКИ. У разных животных разные способности. Верблюды, например, хорошо чувствуют ритм, поэтому мы их научили танцевать вальс. Бесстрашие голубей и их любовь к привычным местам мы используем, чтобы приучить их сидеть на стреляющем ружье. Интереснее всего учить животных делать то, что им нравится: такие номера получаются обычно самыми весёлыми. Бывает и так, что мы уступаем нашим четвероногим артистам в выборе репертуара. Однажды мы хотели научить пуделя Кинто возить тележку, в которой сидят лиса и петух. Кинто возил эту тележку, но как неохотно! На него жалко было смотреть. А ведь он любит работу на арене, старается делать её как можно лучше и ужасно огорчается, когда что-нибудь неудачно выходит. Мы поняли, что лучше отменить этот номер. Зато как наездник Кинто выступает с большим удовольствием.

Тереза и Анатолий Дуровы

КНОПКА. Самого маленького из моей группы медведей зовут Кнопка. Это гималайская медведица. Она смелая и очень сильная. Когда Кнопка буянит, четверо взрослых людей едва-едва могут её удержать. Характер у неё скверный, как у балованной девчонки. Кнопка ленива, любит поспать, она сладкоежка и очень разборчива в еде. За шоколадную конфету или варенье она с восторгом сделает самый трудный номер, а сахар ест просто из жадности, чтобы другим не досталось. Приручить гималайского медведя труднее, чем бурого, но зато, когда он полюбит вас, с ним очень интересно работать. У Кнопки большой репертуар, и она всё время разучивает новые номера. Теперь она научилась кувыркаться на канатах так же, как большие медведи, которых вы видите здесь на рисунке.

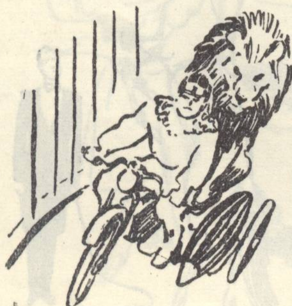

Эльвира Подчерникова (Эльворти)

НАШИ ЛЬВЫ. Львы часто привязываются к дрессировщику, любят ласку. Лев Байкал, например, может часами мурлыкать под моей рукой, хотя он совсем не добрый зверь. Мы зовём его «хозяин», потому что он сумел подчинить себе всех остальных львов. С ним я делаю самые трудные номера: злые звери лучше работают, чем равнодушные и спокойные. С Байкалом соперничает в свирепости только Салют. Этот лев очень раздражителен, он каждую минуту готов наброситься на дрессировщика, но зато он энергичен и смышлён. Поэтому заслуженный артист республики А. Н. Буслаев именно его выбрал для своего опасного номера. Салют ездит с Александром Николаевичем на мотоцикле.

Тамара Буслаева

ХИТРОЕ ИСКУССТВО. У меня всегда весёлое настроение, когда я выхожу на манеж. Мне нравится арена и то, что народу много и что я всех могу рассмешить. Зрителям смешно, когда я пародирую артистов цирка, но, чтобы их пародировать, я должен уметь делать всё, что делают они: ходить по проволоке, жонглировать, делать сальто. Здесь нарисовано, как я, пародируя акробатов Федотовых, сделал сальто и шлёпнулся на арену. Вы думаете, мне больно? Ничуть! Клоуны специально учатся искусству падать, не ушибаясь. Для этого надо в совершенстве владеть своими мускулами и, касаясь земли при падении, успеть чуть-чуть спружинить руками и ногами. Я очень люблю удивлять зрителей разными неожиданными трюками, но вам признаюсь по секрету, что не всё на арене происходит так, как вам кажется. И когда вы видите, что я вдруг вытянулся и стал длинный, как «дядя Стёпа», или что меня распиливают на части, не беспокойтесь: я цел и невредим — это просто трюк!

Константин Берман

У нас в отряде

Ребята у нас в отряде хорошие, но почему-то бывало так: затеем какое-нибудь дело, члены совета отряда с ног собьются — всё готовят, организуют,— а остальные ребята ходят, как посторонние наблюдатели, будто их всё это вовсе и не касается.

Разговорились мы как-то об этом на совете отряда, и наш председатель Люся Садовникова сказала:

— Как бы нам такое придумать, что всем было бы интересно?

Но что может заинтересовать сразу всех ребят? Долго думали мы, так ничего и не придумали.

Прошло несколько дней, и вот однажды Амин Хайрулин приходит в класс и рассказывает:

— Пошёл я вчера в детский сад за сестрёнкой и вижу: у малышей многие игрушки поломались. Сегодня вечером пойду попрошу несколько игрушек и починю.

— А можно и мы с тобой? — спросили мы с Люсей.

— Пошли,— согласился Амин.

На другой день после уроков мы остались в классе и принялись за работу. Я шила платье кукле. Амин занялся ремонтом заводного грузовика. Люся подкрашивала бока деревянному коню. Нас окружили ребята, посмотрели, посмотрели и тоже стали помогать.

Теперь мы часто ходим в детский сад, и уже не втроём, а почти всем отрядом. Дел хватает для всех. И, главное, каждый может выбрать работу по своему вкусу. Амин увлекается техникой: он у нас специалист по ремонту заводных игрушек. Рафа Насыров любит столярничать: он смастерил замечательную кукольную мебель. А наши девочки, хотя сами давно уже не играют в куклы, с удовольствием шьют кукольные платьица, шапочки и пальтишки.

Починенные игрушки мы относим в детский сад. Сами малышам мы не показываемся. Так интереснее и для нас и для них. Приходят они утром в детский сад, а их ожидает какой-нибудь приятный сюрприз: то старая любимая кукла вдруг выздоровела, то новые картинки появились на стенах. А когда пришла зима, во дворе «по щучьему велению» появилась большая ледяная горка.

Воспитательницы детского сада рассказывают, что малыши очень радуются нашим подаркам. Нам это очень приятно. И вот что интересно: вся жизнь у нас в отряде теперь пошла совсем по-другому. За что бы мы ни взялись, весь отряд работает дружно.

Зоя Пирогова,
71-я школа, г. Казань.

Пионерский отряд! Большая это сила! Чего не сделает коллектив энергичных, живых ребят! Пионерский отряд — это сорок верных друзей, сорок весёлых выдумщиков, сорок «специалистов» в самых разных областях: тут и художники, тут и конструкторы, тут и плясуны, и спортсмены, и рукодельницы. Каждый умеет что-нибудь одно, все вместе они свернут горы.

Но почему же иногда бывает, что в отряде скучно, что ребята норовят улизнуть домой со сбора, что они не знают, за что взяться?

Как наладить интересную работу в отряде? Давайте подумаем об этом все вместе. Пишите нам о самых важных событиях в жизни вашего отряда. Пишите и о хорошем и о плохом, о ссорах и настоящей дружбе, о смешных происшествиях, необыкновенных походах, весёлых играх и сборах — обо всём, что вас волнует, что требует совета друзей, обо всём, что может помочь другим отрядам.

Эстафета на коньках — весёлая игра и прекрасная тренировка для всех конькобежцев: и хоккеистов, и бегунов, и фигуристов.

Храбрый капитан

Н. Александрова

Правый край в нападении

Будь у Славы выбор, он ни за что не взял бы Валю Иванова в свою команду. В хоккее нужна смелость, азарт, нужно прорываться к воротам, обгонять, обманывать противников. Иначе и хоккей не хоккей! А Валя? Ну, на что годен такой тихоня, «кисель», как мысленно называл его Слава.

Но выбора не было. В пятом классе хоккейная команда только рождалась, игроков было мало. Пришлось Валю взять, благо он был высок ростом и бегал быстрее других. Слава даже поставил его в нападение, на правый край.

Первую игру команда проиграла. Проиграла лихо, как говорится, «с треском» — 9 : 0! Валя решил, что после такого разгрома лучше и не играть. Но Слава только засмеялся:

— Чудак! Да скоро мы сами будем всех обыгрывать! Посмотришь, всех обыграем!

Слава сказал это тотчас после поражения. Вот это было мужество! Валя воспрянул духом. С таким капитаном не пропадёшь! Валя очень любил Славу и верил ему. Может быть, именно из-за Славы (хотя об этом никто не знал) он и записался в команду... Робкий, застенчивый Валя всегда стыдился, что не умеет, как другие ребята, дать «сдачи», не знает, чем ответить на насмешки, неловок в движениях. Он как будто стыдился самого себя. Может быть, из-за этого даже и сутулился. Бывает так с застенчивыми людьми: хочется им стать меньше, ниже, незаметнее...

А в Славе Валя находил как раз то, чего не хватало ему самому. И всё, решительно всё нравилось ему в этом непутёвом, озорном мальчишке: и то, что он невысок ростом и широк в плечах, и то, что никогда не полезет за словом в карман, не остановится ни перед какой опасностью. Даже жёсткая, порыжевшая курточка, в которой Слава бегал на коньках, казалась Вале прекрасной боевой формой. Он знал про дурную славу капитана. При Вале как-то в школу пришёл незнакомый человек и, крепко держа Славу за руку, сказал директору:

— Полюбуйтесь на своего ученика. Он прыгает на ходу в электричку, не берёт билета и вообще безобразничает. Примите, пожалуйста, меры...

Но и в этих проделках Славы Валя увидел только смелость и бесстрашие. О, если бы он мог стать хоть немного похожим на Славу!

— Нет, ты не годишься для нападения, — хмуро сказал ему Слава после первых двух игр.— Стоишь,

глядишь по сторонам. Я гоню шайбу, ворота рядом. Кажется, ясно: хватай, бей! А ты? Нет уж, переходи в защиту!

Валя не стал спорить. Он и в самом деле не умел во-время броситься кому-нибудь наперерез, перехватить шайбу. Такой уж у него был характер: не хватало для этого смелости, боевого духа!

Слава сначала и не подумал о своём разжалованном нападающем. Но, увидев в классе унылого Валю, он пожалел его.

— Это ты из-за хоккея, да? — спросил он дружески. — Брось, Валька. В защите играть даже лучше, интереснее. Я сам играл.

И, чтобы утешить «дылду», предложил:

— Давай, после уроков пойдём гулять...

Слава повёл Валю на станцию. Решили прокатиться в электричке. Билетов они не взяли, и Валя чувствовал себя в вагоне очень неуютно, ему всё время казалось, что пассажиры смотрят на них с презрением. Вся радость от поездки с капитаном была отравлена.

— Ловко мы? — радовался Слава, когда мальчики вышли на платформу. — Со мной, брат, не пропадёшь, всё знаю. В это время контролёров никогда не бывает.

— Да, удачно мы попали, — невесело согласился Валя. Он ни за что не решился бы сказать Славе, что поездка ему не понравилась.

С тех пор Валя, как тень, следовал за Славой. Он шёл за капитаном, куда бы тот ни позвал. Даже если не хотелось. Вот такой он был — не умел постоять за себя, пойти наперерез другому. Что Слава говорил, то Валя и делал.

Но вскоре отношения их изменились. Случилось это после происшествия на катке, когда Слава стал самым известным человеком в школе.

Происшествие на катке

Каток, на котором играли школьные команды, ребята устроили сами на ближайшем пруду. Каждую зиму, хотя это было совсем не так просто, они доставали насос и заливали свой каток из шланга, как следует.

Ребята провели на каток электрический свет, чтобы кататься по вечерам, сделали хоккейные ворота. Сколотили из досок нечто вроде шалаша и написали на нём: «Раздевалка». Каток стал любимым детищем школы, его расчищали, о нём заботились...

Но нигде, ни в каких официальных документах каток не значился как школьный. В посёлке все имели на этот пруд равные права. Вот почему сельпо как-то решило заготовлять на пруду лёд для своих складов.

В то утро, когда рабочие сельпо пришли с ломами, на катке как раз была команда Славы. Разъезжая на коньках, ребята сметали снег в кучки и отгребали его к бортам. Так всегда начиналось утро на школьном катке.

И вдруг Слава увидел, как пришедшие, скинув полушубки, начали ломами рубить лёд.

— Кто вы такие? — закричал он сердито. — Зачем лёд портите?

— Ты, воробей, во-первых, не кричи. Здесь люди постарше тебя, — спокойно осадил его пожилой рабочий. — А во-вторых, мы будем заготовлять здесь лёд для наших продуктовых складов. Ясно?

Слава быстро сообразил, что против взрослых ребята ничего сделать не смогут. Надо было звать учителя. «Да-а! А пока бегаешь, они тут весь лёд искрошат!» — мелькнула у него мысль. Он послал в школу Юру, а сам остался на катке и выстроил перед рабочими всю свою команду в цепочку:

Каток, на котором играли школьные команды, ребята сделали сами.

— Не дадим ломать каток — и всё.

Конечно, рабочие в два счёта могли раскидать эту цепочку. Но не драться же было с мальчишками... А пятиклассники, как солдаты, стояли перед ними до тех пор, пока не пришли учитель физкультуры и директор школы. Они уже успели куда-то позвонить и договорились, что на пруду остаётся каток.

Так была отбита атака сельпо. Слава стал героем дня. Все бегали смотреть на него. И на Славу это оказало самое неожиданное действие: он заважничал, стал заноситься, начал покрикивать на ребят, грубо отвечал учителям. А с игроками своей хоккейной команды обращался, как хозяин с батраками.

— Балда! Дурак! — только и слышалось на поле.

Всё чаще он стал придираться к Вале. Ещё раньше, переводя Валю из нападения в защиту, Слава удивлялся тому, что Валя не стал спорить с капитаном, не отказался идти в защиту. Ну, и человек — совсем не умеет за себя постоять! Слава тогда пожалел Валю, а теперь, забрав над ним власть, стал презирать. Так покоряться чужой воле! Как телок — веди его куда хочешь! Своё презрение Слава не скрывал, он жестоко насмехался над Валей. И на поле, когда играли в хоккей, Слава не давал ему покоя. Валя изо всех сил старался быть смелее, побороть свою нерешительность, а капитан словно подставлял ему на каждом шагу подножку.

— Не давай ему шайбу, не давай! Опять упустит! — кричал Слава, если кто-нибудь пытался пасовать Вале.

Вскоре все ребята стали считать, что Валя — самый плохой игрок.

Валя часто думал, что лучше бы ему совсем не ходить на каток. Но игра неудержимо влекла его. И он всё-таки ходил на тренировки, утешая себя тем, что Слава ругает его по-товарищески. Но порой в робкой и застенчивой его душе просыпалась решимость, протест против Славы. Ему хотелось начать новую, хорошую жизнь.

«Восстание» команды

— Я больше с ним играть не буду! — сказал Валя.

— И я! — неожиданно раздался другой голос.

— И я! — сумрачно добавил третий.

Валя был удивлён. Ему всегда казалось, что ребята ему нисколько не сочувствуют, когда Слава над ним смеётся. Всегда казалось, что в своём горе он одинок. И вдруг — он не один, ещё двое ребят сердиты на Славу. Значит, другие тоже думают, как и он? Может быть, даже переживают и его обиды?

Они шли втроём — Валя Иванов, Юра Дегтярёв и Коля Свиридов, — шли после игры, в которой их команда одержала победу над пятым «Б». Но радость победы была омрачена: Слава подбил на поле игрока из другой команды. Тот упал. Из носу у него пошла кровь.

Гнев его неожиданно обрушился на Валю.

Это был уже не первый случай со Славой. Он играл грубо, и не раз ребята предупреждали его:

— Брось, Славка, подшибать. Неужели без таких штук не выиграем?!

Но Слава не слушал их.

— А пусть не лезут под ноги! — отвечал он.

В этот раз он играл с особенным азартом. Команда пятого «Б» была новая, слабая, и обыграть её было легко. Счёт шёл «всухую». И Слава мечтал не дать противнику «размочить» его. А когда Коля Соколов, игрок пятого «Б», вдруг провёл шайбу к воротам и Слава увидел, что честным путём эту шайбу не отнять, он налетел на Колю сзади, ударил своей клюшкой сверху по его клюшке и толкнул его в спину.

Резко прозвучали слова учителя физкультуры:

— Если когда-нибудь повторится что-либо подобное, команда пятого «А» будет дисквалифицирована.

Команде Славы дали штрафной бросок, и «сухая» была «размочена».

Слава знал, что виноват, знал, что сам открыл свои ворота. Но он никогда не признавал свою вину. И гнев его неожиданно обрушился на Валю:

— Стоит, дурья башка, смотрит!

Жестокая несправедливость Славы ошеломила Валю. На этот раз он играл хорошо и даже несколько раз спас свои ворота. И всё вдруг встало перед мальчиком: и насмешки Славы, и чувство унижения, и постоянное сознание своей слабости и бессилия перед капитаном — всё, всё, что он так долго терпел... Решение пришло сразу, и он сказал об этом товарищам:

— Я больше играть с ним не буду!

— Давайте создадим другую команду, без Славы, — предложил Юра.

С этим все согласились.

— Но где же мы будем играть? — озабоченно спросил Юра.

— А пруд на что?.. — начал было Валя и запнулся.

Мальчики ясно читали мысли друг друга. Нет, Слава не даст им играть на пруду, он будет их преследовать со всей своей настойчивостью. Так, решив «освободиться» из-под власти Славы, мальчики всё ещё боялись его, всё ещё не решались столкнуться в открытую, лицом к лицу.

— Давайте сделаем каток на своей улице, — предложил Валя, — и будем там тренироваться.

Свой каток... Мальчики подумали о том, как это будет трудно. Каток на пруду делала вся школа, а ведь их только трое. Но мысль о новой команде, в которой все будут равны и никто никого не будет унижать, воодушевила их, и они тотчас пошли искать подходящее место для нового катка.

...Слава ничуть не обеспокоился, когда Валя не пришёл на тренировку. «Явится», — пренебрежительно подумал он. Но когда он увидел, что Юры и Коли тоже нет, он встревожился.

— Как? Ты ещё не знаешь? — не без ехидства спросил его кто-то из ребят. — Они строят свой каток. Там у себя, на Поклонной. И Витька, говорят, к ним собирается перейти.

Слава сразу же пошёл на Поклонную улицу. Он шёл и сердито размышлял о том, что они просто с ума сошли. Какой там ещё каток!

Он застал всех троих на сквере. На земле подле них стояли вёдра с водой, и уже слегка поблёскивал тонким ледком будущий каток.

Увидев Славу, мальчики побледнели.

— Эй, ты! — грозно крикнул он Вале. — Ну-ка бросай ведро!

— Не тронь! — кинулись к нему Юра и Коля.

Валя тоже шагнул вперёд.

— Ты зачем сюда пришёл? — быстро спросил Юра капитана. — Зачем? Драться?

Слава с усмешкой ответил:

— Поглядеть...

Он старался держаться попрежнему независимо, но чувствовал, что ребята стали совсем иными, особенно Валя. И Слава сразу потерял свою прежнюю уверенность.

— Не хотим больше с тобой играть! — крикнул Коля. — Никакой ты нам не капитан.

— Дерёшься, ругаешься, — тихо добавил Валя.

Славе не страшно было подраться и с тремя. Но ледяная полоска нового катка беспокоила его. Значит, они решили всерьёз. Значит, прощай, команда! Его команда, которую он организовал, тренировал...

В этот раз ребята играли с особенным азартом.

— А что, что я такое сделал? — вдруг вырвалось у него.

И тут ребята, торопясь и перебивая друг друга, высказали ему всё, что думали. Раньше он просто не стал бы их слушать. А тут вдруг Слава увидел себя в настоящем свете.

— Эх ты, герой, смельчак, храбрец! А помнишь, как ты отнял коньки у малыша на пруду? Зачем? Чтобы показать свою силу, обидеть того, кто слабее тебя. Помнишь, как ты толкнул девочку в спину, и она упала? Помнишь, обругал прохожего? Он мирно шёл своим путём. Твоя храбрость дёшево стоит! А как ты списывал уроки у других ребят? Списывал и ещё смеялся: «Корпят, чудаки, дома над уроками!». Как последний воришка, без чести, без совести, присваивал себе и чужой труд, и знания, и время. А над Валькой зачем насмехался? Нет, никогда — ни в жизни, ни в игре — ты не видел никого, кроме себя. Сам себе казался героем, смельчаком, а если взглянуть вот так, со стороны, ты совсем ещё неважный человек.

Больше всех в тот день говорил Валя. Он первый раз в жизни пошёл наперерез капитану.

...С тех пор прошёл год. Многие уже и забыли про «восстание» команды. Но Слава не забыл. Он сильно изменился. Никому и не приходит в голову, что такое превращение могло случиться с ним на катке. Команда оказалась хорошим тренером и крепко проучила своего заносчивого капитана.

А Валя? Валя играет сейчас нападающим. Что ж, он всегда хорошо бегал на коньках. Только наперерез не умел идти. Но это, если как следует захочешь, придёт!

КАК СДЕЛАТЬ ХОККЕЙНУЮ КЛЮШКУ?

Уважаемая редакция!

Прошу вас написать, как сделать хоккейную клюшку и из каких пород дерева её можно делать.

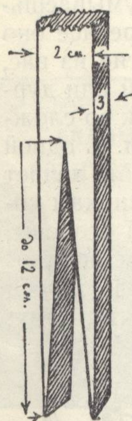
Мизенцев Юрий,
Станция Ага, Читинской обл.

Дорогой Юрий!

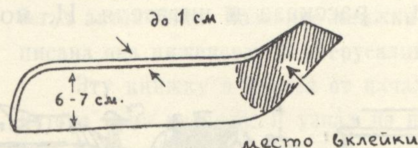
Хоккейную клюшку сделать совсем несложно. Дерево для неё ты найдёшь всегда, хорошо брать для клюшки берёзу или клён. Но, конечно, самая прочная клюшка получится, если ты сумеешь достать доски из дуба, бука или ясеня — твёрдых пород дерева.

Тебе понадобятся две доски. Одна сантиметров сорок длиной — для крючка. Другая на метр больше — для рукоятки. Крюк сделай длиной 25—30 сантиметров, толщиной один, а шириной 6—7 сантиметров.

Некоторые спортсмены, например, Бобров или Бабич, играют клюшками с длинными крюками — сантиметров в 30—33, а другие предпочитают короткие: в 25—28 сантиметров.

Длина рукоятки может быть различной: тоже зависит от желания самого хоккеиста. Нельзя делать её более 134 сантиметров, но укорачивать, подгоняя к своему росту, можно. Всякий хоккеист сам чувствует, какой клюшкой ему удобнее играть. Обычно клюшку подбирают такой длины, чтобы она доставала до подбородка или до плеча. Начинающим хоккеистам лучше брать клюшку покороче: длинной играть трудно.

Палку для рукоятки возьми прямоугольного сечения, 30×20 миллиметров.

На одном конце палки сделай вырез, как показано на рисунке, и плотно вгони в него крюк. Угол наклона крюка должен быть тупым. Если ты, Юра, привык к низкой стойке, то сделай угол побольше: 132—135°, а если ты играешь, распрямив корпус, тогда тебе нужна крутая клюшка — 128—130°.

Крюк должен быть накрепко приклеен столярным клеем. Место вклейки так же, как и сам крюк, плотно обмотано изоляционной лентой или лейкопластырем. Это делает клюшку более прочной и удобной.

Напиши нам, Юра, хорошей ли получилась твоя клюшка.

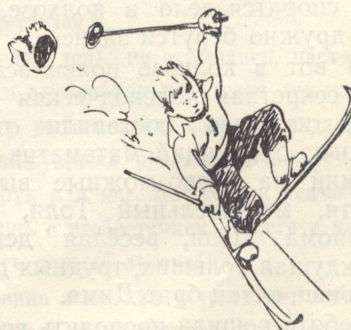
Государственный тренер по хоккею
А. Новокрещенов.

Петя-лыжник-теоретик

М. Львовский

Петя — лыжник-теоретик,
Самый опытный из нас.
Изучил он всё на свете,
И теперь покажет Петя,
Что такое высший класс!
Жаль, что с лыжами знаком
Он по книжкам в основном,
Жаль, что маленький мороз
Петю трогает до слёз.
Ну, да разве в этом дело?
Голова важна, не тело...
С высоты большой на лыжах
Мы катались как-то раз,
Он с горы кричит: «Не вижу
Нужной ловкости у вас!»
Обратите, мол, внимание
На прерывистость дыхания,
Мол, у вас неважно что-то
С отработкой поворота.
В общем так, как говорится,
Вам кататься не годится,
А чтоб нужного добиться,
У меня б вам поучиться.
Тут в порыве вдохновения
Петя сам на лыжи встал
И на месте все движения
Нам условно показал...
Да, куда уж нам до Пети!
Петя — лыжник-теоретик!
Только вдруг случайно кто-то
Лыжи петины толкнул...
Петя начал с поворота,
Раз пятнадцать повернул:
Через голову и боком,

Да не просто, а с прискоком.
Где-то шапку потерял,
Где-то палку поломал.
Обогнав попутный ветер,
Наш прославленный герой,
Наш спортивный теоретик
В снег уткнулся головой.

. . . .

Вы не раз, наверно, встретите
Таких, как Петя, теоретиков.

Тайна «Зелёного дола»

Интерес к повести С. Антонова «Зелёный дол» возникает уже с первых её страниц. Агроном Александр Александрович Гусев, приехавший на работу в колхоз со своей дочкой Лёлей, привёз пакет с семенами ветвистой пшеницы. Этот пакет был прислан академиком Лысенко не какому-нибудь знатному полеводу, а двенадцатилетнему мальчику Пете Иванову.

Неужели сам Петя возьмётся выращивать эти драгоценные двадцать зёрен? Ведь тут требуются знания и опыт. Да и разрешат ли взрослые рисковать семенами? Удивлённый поступком академика, агроном Гусев проявляет к Пете явное недоверие.

По правде говоря, и сам Петя растерялся. Высокое доверие, оказанное ему учёным, ко многому обязывало. Это было первое настоящее дело в жизни Пети и такое серьёзное и ответственное, что мальчик не решился взяться за него один. Но он с детства видел, как спорится дело в колхозе, когда все дружно берутся за него.

И вот в колхозе появилась «пятая секретная полеводческая бригада», которую составили петины друзья: блестящий математик Федя, ловкий на всевозможные выдумки Костя, мечтательный Толя, дочка агронома Лёля, весёлая девочка, жаждущая больших, трудных дел, и, наконец, петин брат Дима.

Ребята решили проводить все свои опыты в тайне. Но кто-то, проведав об опыте с пшеницей-«чародейкой», подаёт ребятам при помощи записок мудрые советы. Кто этот неизвестный доброжелатель, почему он не выдал тайну бригады, зачем скрывается?

Ещё многие и многие вопросы встают один за другим, нетерпеливо ждёшь, что будет дальше, стараешься угадать, но не тут-то было — всё происходит гораздо интереснее и совершенно неожиданно...

И вот дочитана последняя страница, а с книгой не хочется расставаться. И если вы станете перечитывать её, вы обнаружите много такого, чего при первом чтении не заметили. В этом—сила настоящего художественного произведения: чем больше вдумываешься, тем больше узнаёшь, тем интереснее оно становится. Так, может быть, многие из вас, ребята, сразу и не поймут, хороший или дурной человек отец Лёли. Это человек со сложным и противоречивым характером. С одной стороны, он не жалеет своих сил и делает всё для того, чтобы помочь колхозникам собрать высокий урожай, а с другой стороны, он относится с недоверием к юным опытникам. И это отталкивает от него и героев рассказа и читателя. И, может быть, тому,

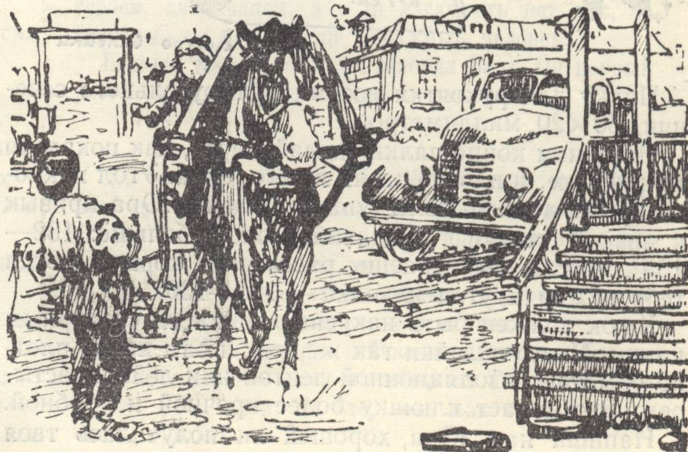

Иллюстрация художника В. Ладягина к повести «Зелёный дол».

кто читал книгу недостаточно внимательно, он покажется плохим человеком. Но в конце книги каждому становится ясно, что это хороший человек. Образ агронома Гусева, его характер показаны писателем в движении, в развитии.

Изменились и главные герои повести — ребята. Лёля всей душой полюбила сельскую жизнь, здесь она впервые почувствовала радость дружбы в труде, радость творческой борьбы. Минувшее лето помогло Пете утвердиться в выборе своей будущей профессии — советского хлебороба, хозяина колхозных полей. Тонко и поэтично рисует писатель зарождение серьёзной и нежной дружбы между Петей и Лёлей.

Интересно проследить судьбу и других ребят, членов бригады,— это совсем разные люди, и писатель показывает, как они растут, умнеют, учатся дружить, познают первые навыки коллективного труда, как в этом труде раскрываются лучшие черты их характера — сообразительность и самообладание Феди, изобретательский огонёк Кости.

Немало замечательных людей в колхозе «Зелёный дол»: умная и милая девушка Дуся, заведующая агролабораторией, тракторист Голубов, учительница Клавдия Васильевна — чуткий и умный друг, любящий ребят и незаметно для них помогающий в решении смелых планов. Все эти люди становятся дороги читателю.

«Зелёный дол», эта интересная и поучительная книга, рассказывает о дружном творческом труде советских людей, и взрослых и ребят, и внимательный читатель задумывается над тем, как он сам живёт, всё ли хорошо в его отряде, в школьном коллективе.

Н. Макарова

Две книжки про автомобили

Взрослые учатся тоже.

Вот мне, например, пришлось этим летом засесть за учебники по автомобильному делу: я сдавал экзамен на шофёра-любителя.

Признаться, наука давалась мне с трудом. С двигателями я до этого дела не имел, а в учебниках так всё замысловато изложено, что сразу и не разберёшься, что к чему.

Тогда-то я и увидел в библиотеке книжку в яркой обложке: по широкому шоссе бегут автомобили. Название книжки меня заинтересовало — «Рядом с водителем». Написана она инженером В. Иерусалимским, издана Детгизом.

Эту книжку я прочёл от начала до конца за один день, не отрываясь, настолько она меня увлекла. Я узнал из неё, какими были автомобили пятьдесят лет назад и какими они будут ещё через пятьдесят лет. Автор рассказывал, как ещё в давние времена люди пытались строить различные самодвижущиеся повозки, используя то силу ветра, то силу пара, то попросту силу своих рук или ног. Но все эти «самобеглые коляски» были очень тяжелы и тихоходны. Лишь с изобретением лёгкого и мощного двигателя внутреннего сгорания удалось создать первый автомобиль.

Когда я прочёл эту книжку, мне стало совершенно ясно, как устроен автомобиль и что заставляет его двигаться. В. Иерусалимский умеет очень понятно и просто объяснить работу каждого механизма. Ему помогает художник Е. Меркульев. Рисунки его словно раскрывают внутренность мотора или передачи и показывают наглядно, что происходит в машине во время движения. В результате эта интересная книжка прекрасно помогает понять устройство автомобиля.

Книжку В. Иерусалимского я советовал бы прочесть каждому школьнику. Ведь, как правильно говорит её автор, «больше половины всех грузов перевозится у нас на автомобилях. Если хоть на день остановятся автомобили, заводы и фабрики останутся

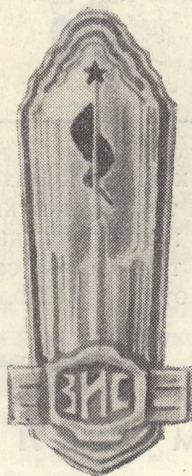
без топлива, магазины без товаров, жители без продуктов, стройки лишатся кирпича и цемента, остановятся без грузов товарные поезда».

Это очень верно. Сегодня ни одна наша стройка, ни один город, завод, колхоз не могут обойтись без услуг автомобиля. По производству грузовиков наша страна занимает первое место в мире. Со временем уметь управлять автомобилем должен будет каждый, как каждый умеет читать и писать.

Если же ты внимательно прочтёшь книжку «Рядом с водителем», тебе будет гораздо легче разобраться и в учебнике по автомобильному делу и в самом автомобиле.

Недавно Детгизом выпущена и другая книжка В. Иерусалимского — «Наши автомобили». Эту книжку с большим интересом и читаешь и рассматриваешь.

Именно рассматриваешь. Потому что художники В. Тамби и Е. Войшвилло нарисовали для неё множество больших и маленьких картинок в красках, на которых они замечательно изобразили всевозможные советские автомобили за работой.

Каких только машин здесь нет!

Вот движется мощный автомобиль-тягач. А на прицепе он везёт... поставленный на платформу паровоз. На радиаторе автомобиля виден медведь. Это марка Ярославского завода тяжёлых грузовиков.

А вот ещё более сильная машина. Она так велика, что каждое её колесо выше целого «Москвича». На капоте мотора изображён серебряный зубр. Эти гигантские грузовики выпускает Минский завод. Каждая машина может взять двадцать пять тонн груза!

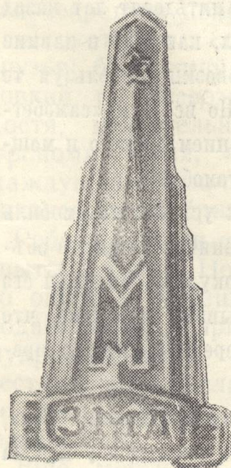
А чего только не умеют делать наши автомобили! Одни из них механически нагружаются и разгружаются. Другие — подметают, моют и поливают улицы или сгребают снег, как заправские дворники. На одних машинах установлены сильные краны для подъёма тяжёлых грузов, на других установлены башенки, которые могут подниматься к самой верхушке высокого уличного фонаря. Есть автомобили-цистерны для перевозки молока, бензина, есть автомобили пикапы, на которых почтальоны развозят газеты и письма. Нарядные автобусы доставляют пассажиров из Москвы в Крым. Белые машины скорой помощи перевозят больных. Красные пожарные автомобили мчатся на пожар.

Есть у нас и автомобили-вездеходы. Они могут взобраться на крутую гору или переправиться через быструю речку. Им не страшен ни глубокий снег, ни рыхлый песок.

Обо всех этих автомобилях подробно рассказано в книжке «Наши автомобили», и все они показаны на картинках. Перелистывая эту книжку, понимаешь, какую мощную автомобильную промышленность создал наш народ.

А. Дорохов

НОВЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОВЕСТИ О ПИОНЕРЕ-ГЕРОЕ

Вероятно, все вы, ребята, читали повесть Льва Кассиля и Макса Поляновского «Улица младшего сына». Сейчас эта книга вышла в Государственном издательстве детской литературы новым изданием. Художник И. Ильинский сделал интересные иллюстрации к повести. Здесь мы помещаем три из них.

В начале ноября 1941 года дядя Гриценко предупредил Володю и Ваню, чтобы они были готовы к уходу в каменоломни. И вот они последнюю ночь дома. Несколько раз мать Володи подходила к постели, где спали мальчики, еле сдерживая слёзы тревоги за них (рисунок вверху слева).

На нижнем рисунке Нина Ковалёва, Ваня Гриценко и Володя Дубинин смотрят на звёзды из глубокого колодца в каменоломнях.

На рисунке вверху справа художник изобразил встречу Володи в последней разведке с советскими бойцами, которые первыми вступили в район каменоломен.

Митины каникулы

Я. Аким

Рисунки Г. Валька.

Тише!
Не шумите!
Каникулы
У Мити!

Никто его
Не будит,
Никто не подтолкнёт.
— Пусть,— сказала
бабушка,—
Ребёнок отдохнёт.

Около двенадцати
Без лишней
Канители
Митя, неумытый,
Позавтракал
В постели.

С кровати,
Перегнувшись,
Как в лодке
Через борт,
Достал он с пола
Книжку
Про горнолыжный
Спорт.

Посмотрел
Картинки,
Зевнул,
Ещё зевнул...
И как-то незаметно
За книгою
Уснул.

Тише!
Не шумите!
Каникулы
У Мити!

Зимой темнеет
Рано,
Зажгли в квартире
Свет.
— Митя,— шепчет
бабушка,—
Проснись, дружок,—
Обед!

Глаза продрал
Наш Митя,
Оделся,
Сел за стол
И говорит:
— Смотрите,
Когда же день
Прошёл?

...Друзья,
С такого Мити
Примера
Не берите!

Юннаты 565-й московской школы вырастили без земли огурцы, перец, фасоль, горох, капусту, морковь, кукурузу и хлопчатник.

ОГОРОД БЕЗ ЗЕМЛИ

А. Новосёлов

В СТЕКЛЯННОМ ДОМИКЕ

Около шестидесяти лет назад на Нижегородской всероссийской выставке внимание посетителей привлекал небольшой стеклянный домик, в котором проводил опыты над растениями Климент Аркадьевич Тимирязев.

Больше всего удивлялись посетители растениям, растущим не в земле, а в воде, в которой Тимирязев растворил все необходимые для развития растений вещества. Многие не верили Тимирязеву: они не могли представить, что растения могут расти без земли. Об одном таком неверующем рассказывал сам Тимирязев:

«С удовольствием вспоминаю я одного скептика, местного нижегородского жителя, поклявшегося мне, что он чуть не день за днём следил за нашими водными культурами, сначала с злостным намерением уличить нас в шарлатанстве, а затем сам увлёкся и уверовал».

На одной из выставок комнатных цветов в клубе завода «Каучук» в Москве были выставлены необычайные экспонаты — томаты и огурцы, выращенные юннатами Москворецкого дома пионеров по тимирязевскому способу — без земли, на питательных растворах. Выставка эта была ранней весной, в мае, но на высоких кустах томатов висели крупные плоды, а на огуречных плетях уже образовались крупные завязи.

Эти интересные опыты вы можете провести и у себя в школе. И если вы посадите огурцы и помидоры в феврале, то к экзаменам уже соберёте первый урожай.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ ОПЫТОВ

Прежде всего подберите необходимые минеральные соли. Они найдутся в школьном химическом кабинете, некоторые из них можно купить в аптеке, а в больших городах — в магазинах Главхимреактивсбыта.

Кальция азотнокислого вам нужно 35 г, калия фосфорнокислого — 7 г, калия сернокислого — 9 г, аммония азотнокислого — 4 г, железа лимонно-аммиачного — 4 г, магния сернокислого — 6 г, борной кислоты — 0,2 г, марганца сернокислого — 0,5 г.

Каждую из первых пяти солей растворите в 0,5 л воды и слейте в отдельную бутылку. Три последние соли растворяются в 0,5 л воды все вместе. Для того, чтобы не перепутать растворы, наклейте на бутылки этикетки с названием соли.

Труднее всего достать лимонно-аммиачное железо. Его можно заменить сернокислым железом; только на 0,5 л воды его нужно взять в два раза меньше — 2 г. Обычно на дне сосудов образуется осадок, и растения могут его использовать только тогда, когда корни их касаются осадка. Поэтому их лучше выращивать в низкой посуде.

Если вам не удастся найти никакой соли железа, то на дно

Крупные помидоры сорта Штамбовый Алпатьева выросли у юннатов.

сосуда можно положить чистый новый гвоздь, а растение посадить так, чтобы корни касались гвоздя.

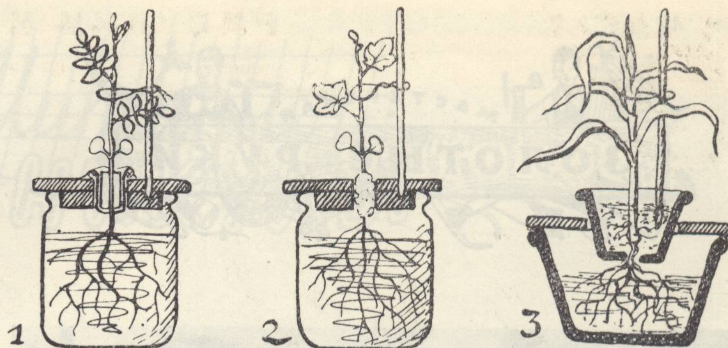
Теперь вы можете составить питательную смесь. Налейте в какую-либо посудину литр воды, а затем мерным цилиндром или мензуркой отмерьте из каждой бутылки по 10 куб. см раствора, вылейте в воду и перемешайте жидкость деревянной или стеклянной палочкой. Питательная смесь готова! Разлейте ее в невысокие (10—12 см в высоту) стеклянные банки, глиняные горшки или эмалированные кастрюльки. Прозрачную посуду оберните бумагой, чтобы корни растений были в темноте.

Для укрепления растений над раствором сделайте из толстой фанеры или из дощечки толщиной 1,5—2 см крышки, закрывающие сосуды, в которые налита питательная смесь. Посередине крышки сделайте отверстие диаметром 2—2,5 см для растения, а поближе к краю просверлите ещё одно отверстие для колышка, к которому привязывается растение.

В отверстие крышки вставляется трубочка, сделанная из полоски картона шириной 2,5—3 см и длиной 8 см. На один конец трубочки надевается кусочек марли, она будет дном трубочки. На марлю до половины трубочки насыпается земля или песок, затем кладется семя и засыпается слоем земли или песка толщиной в один сантиметр.

В комнате надо выращивать тепличные сорта помидоров и огурцов. Особенно хорошо развиваются томаты сорта Штамбовый Алпатьева и огурцы Тепличные клинские.

Сначала сажайте растение в небольшой сосуд (в небольшую кружечку или самую маленькую консервную банку), а потом, по мере роста растений, переселяйте их в более вместительную посуду — в литровые и двухлитровые банки. Это позволит вам сэкономить питательный раствор. Только не опаздывайте с переселением, чтобы подросшему растению, посаженному в слишком маленький сосуд, не пришлось голодать.

Вот как укрепляются растения над питательным раствором: 1 — растение, выращенное из семян, держится картонной трубочкой с марлевым дном; 2 — рассада укрепляется в крышке при помощи ваты, которой обвёртывается стебелёк повыше корневой шейки; 3 — так укрепляется растение с помощью цветочного вазона, наполненного землёй.

Сосуд накрывают крышкой, так чтобы марля касалась воды, но не погружалась в неё, и ставят в тёплое место. Когда семя прорастёт, воду нужно заменить питательной смесью, опустить в неё корешки растений и перенести сосуд с крышкой на подоконник. Только проследите, чтобы между крышкой и жидкостью обязательно было пространство в 1,5—2 см: корням нужен воздух.

Вместо крышки можно воспользоваться глиняными цветочными горшочками. На дно горшочка положите лоскуток марли и поверх марли насыпьте песку или земли.

При этом способе можно приготовить питательную смесь только из трёх первых солей, а всё остальное растение получит из почвы, которая насыпана в горшочек. Если же в горшочек насыпан песок, то питательную смесь надо готовить полностью.

Банку с питательным раствором и горшочек поставьте в тёплое место и следите за тем, чтобы почва в горшочке всегда была влажной. Как только покажется из отверстия в дне горшочка корешок растения, замените воду питательным раствором. Раствор наливается в сосуд так, чтобы между дном горшочка и поверхностью жидкости осталось пространство.

После появления семядольных листочков растение надо выставить на подоконник. Если взойдут в одном горшочке несколько растений, то в нём нужно оставить только одно растение, а остальные надо рассадить: вынуть из горшочка, обернуть каждый стебелёк повыше корневой шейки ватой и укрепить его в отверстии крышки над другим сосудом с питательным раствором.

КАК УХАЖИВАТЬ ЗА РАСТЕНИЯМИ

Самое главное — это уход за корнями. Для того, чтобы доставлять им свежий воздух, надо, приподняв крышку, ежедневно мешать раствор деревянной или стеклянной палочкой и доливать свежей водой, если раствор испарится.

Через каждые десять дней надо менять раствор. При этом надо снять крышку вместе с растением и поставить растение в сосуд с чистой водой.

Старый раствор выливается, а в сосуд, на котором стояло растение, наливается свежий раствор, и растение водворяется на прежнее место.

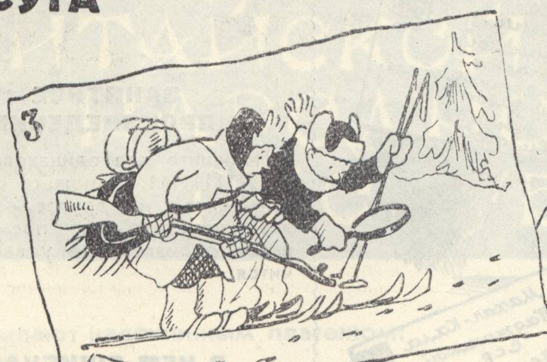
Старый раствор можно использовать для подкормки комнатных цветов, в нём ещё много питательных веществ, но для ваших растений он даже вреден.

Когда растение подрастёт, подвяжите его шпагатом к гвоздю, вбитому сверху в оконную раму.

В ЧАСЫ ДОСУГА

РИСУНКИ К РАССКАЗУ

Мы получили рассказ и попросили художника сделать к нему рисунки. Рисунки получились интересные, но художник потерял рукопись рассказа и часть рисунков к нему. Редакция просит вас, ребята, по сохранившимся рисункам помочь восстановить рассказ.

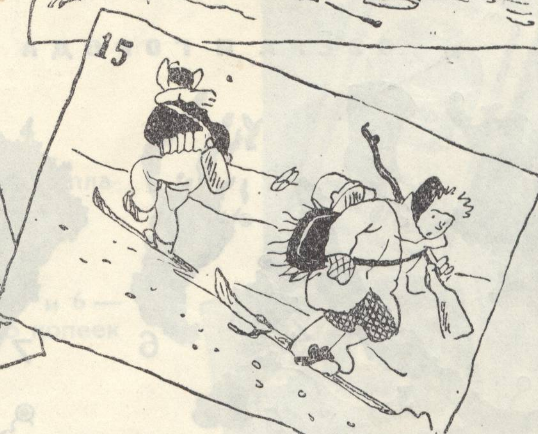

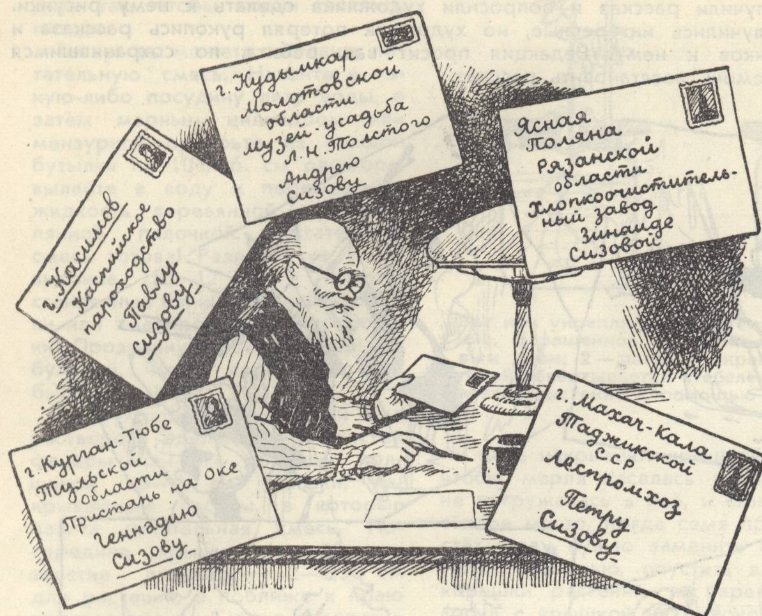

РАССЕЯННЫЙ ДЕДУШКА

Дедушка Иван Иванович Сизов написал однажды письма своим четырём сыновьям и дочери, которые жили в разных местах.

По рассеянности он перепутал адреса на конвертах. Получив эти письма, работник почты внимательно прочитал адреса и написал их правильно.

Попробуйте и вы, ребята, исправить ошибки рассеянного дедушки.

ОЗЁРА И ГОРОДА

В нашей стране находятся самые большие и самые глубокие озёра. Посмотрите внимательно на очертания некоторых из них, назовите эти озёра и отмеченные здесь кружочками соседние города. Кто из вас сможет сделать это быстрее?

КАКОЕ ЧИСЛО?

Сумма каких двух одинаковых целых чисел в четыре раза меньше их произведения?

Юра Назаров,
г. Уральск.

ЗАНЯТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Напишите два одинаковых числа: 111111111. Умножьте одно из этих чисел на другое — сделать это нетрудно — и посмотрите, какое произведение у вас получится.

В ЧЕМ ОШИБКА?

Ребята пошли в лес за грибами. Они знали, что в лесу надо ориентироваться по солнцу. Когда они вошли в лес, солнце светило им точно справа, этого направления они и держались. Пробродив несколько часов по лесу и набрав грибов, ребята повернули обратно и, чтобы не заблудиться, шли так, чтобы солнце светило им точно слева.

Каково же было их удивление, когда они вышли из леса совсем с другой стороны. В чём же ошибка ребят?

ЛУННЫЙ СЕРП

На ясном вечернем небе вы видите лунный серп, но все ли из вас легко узнают, молодой это месяц или убывающий. Как это узнать?

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор **А. Ефимова.**

Рукописи не возвращаются.

А 01202. Подписано к печати 12/I 1955 года. Форм. бум. 84 × 108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61. Тираж 300 000 экз. Изд. № 66. Зак. 3635.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Цена 2 р. 50 к.

СОГРЕЛСЯ

1. Чтоб согреться, я могу
Развести костёр в снегу.
Что ж тут трудного такого?
Чиркнул спичкой — и готово!

3. Если вновь огонь погас,
Можно чиркнуть в третий раз,
И в четвёртый, и в десятый,
В двадцать первый, в тридцать пятый.

2. Если ветер вдруг подул,
Духом я не упаду,
А примусь за дело снова:
Чиркну спичкой — и готово!

4. Запасусь-ка я терпеньем
И огонь добуду треньем.
Если очень постараться,
Эти брёвна загорятся.

5. Видно, зря я брёвна тёр,
Ни к чему теперь костёр:
И без этого костра
Меня измучила жара.

Рисунки П. Сыроежкина.